

95
ПЕРВЫЙ
ПО ПРАВУ

LEX *RUSSICA*

научный юридический журнал

- Совместный характер неосторожного преступления: квалификация и значение
- Особенности договора финансовой аренды (лизинга) воздушного и водного транспорта
- Участие технологических холдингов и исследовательских консорциумов в экосистеме технологического развития
- Профессиональные участники инвестиционного рынка: понятие, виды, модели допуска

Том 79

СЕНТЯБРЬ

2026

№ 9 (238)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471;
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и

права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998;
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, уже издаваемых Университетом (Lex Russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства. Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

БАВИЛИН Евгений Валерьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОСМАНОВА Диана Османовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

КРАСНОПОЛЬСКАЯ Александра Сергеевна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЛАНДИНИ Антонио — профессор предпринимательского права Университета Федерико II, г. Неаполь, Италия, и Свободного международного университета социальных наук Гвидо Карли, г. Рим, Италия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

ВААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гёте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эразмус, г. Роттердам, Нидерланды

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбита, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного пра-

ва и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СПИРИДОНОВ Андрей Алексеевич — доктор юридических наук, академик РАН, доцент, заместитель директора департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса, г. Москва, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса имени Л.Л. Попова Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — профессор и директор Центра изучения международного и европейского трудового права (CIELLS), Варшавский университет; именной профессор Европейского и сравнительного права, Гронингский университет

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ХЕЛЛЬМАНН Уве — хабилитированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA
Научный юридический журнал

Том 79
№ 9 (238)
сентябрь 2026

В журнале публикуются статьи
по научным специальностям
группы 5.1 «Право»
(юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ
Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://lexrussica.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог
«Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11198
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет: 07.10.2026
Объем 17,90 усл. печ. л. (14,23 а. л.), формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

В. А. Целищева, А. В. Савкина

Корректор

С. И. Ершова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается
только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ
для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Журнал включен в базы данных: RSCI, Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.

The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Evgeniy V. VAVILIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Diana O. OSMANOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Alexandra S. KRASNOPOLSKAYA — Expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Antonio BLANDINI — Professor of Corporate Law, University of Naples Federico II, Naples, Italy, and Free International University of Social Studies Guido Carli, Rome, Italy

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law

of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Otmar SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councilor of Justice, Moscow, Russia

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. RAROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Andrey A. SPIRIDONOV — Dr. Sci. (Law), Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS), Associate Professor; Deputy Director, Department of Regulatory Policy

Support of the Government of the Russian Federation; Honored Worker of the Executive Office of the Government of the Russian Federation; 2nd class Actual State Councillor of the Russian Federation, Moscow, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure named after L.L. Popov of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Professor and Head of the Centre for International and European Labour Law Studies (CIELLS), University of Warsaw, and Endowed Professor European and Comparative Labour Law, University of Groningens

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Published
in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 79
№ 9 (238)
September 2026

The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology and Mass Media
(Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media
Registration: PI No. FS77-58927

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://lexrussica.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through “Press of Russia” joint catalogue
and the Internet catalogue of “Kniga-Servis” Agency
Subscription index: 11198
Journal subscription is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University
(MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

07.10.2026
Volume: 17,90 conventional printer's sheets (14,23 author's sheets),
format: 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

V. A. Tselishcheva, A. V. Savkina

Proof-reader

S. I. Ershova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
The Journal is included in RSCI, Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТНОЕ ПРАВО / *JUS PRIVATUM*

- Климанова Д. Д.** Особенности договора финансовой аренды (лизинга) воздушного и водного транспорта 9

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО / *JUS PUBLICUM*

- Дискин Е. И.** Угроза информационному суверенитету России в условиях доминирования иностранных цифровых платформ 21
- Князев Д. В.** Электронные доказательства в гражданском процессе США 33
- Лаптева А. М.** Профессиональные участники инвестиционного рынка: понятие, виды, модели допуска 48

НАУКИ КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА / *JUS CRIMINALE*

- Арзамасцев М. В.** Конституционализация уголовного права как механизм установления его пределов 61
- Мелешко Д. А.** Совместный характер неосторожного преступления: квалификация и значение 78
- Чекулаев Д. П.** Осуществление уголовного судопроизводства в период действия особых правовых режимов 90

ТЕОРИЯ ПРАВА / *THEORIA LEX*

- Краевский А. А.** Теория нормативных коллизий Е. В. Булыгина и К. Э. Альчуррона в контексте полемики с чистым учением о праве 106

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА / *PRO ET CONTRA*

- Рузакова О. А.** Участие технологических холдингов и исследовательских консорциумов в экосистеме технологического развития 119

ИСТОРИЯ ПРАВА / *HISTORIA LEX*

- Почекаев Р. Ю.** Чингизидское право — *ius commune* средневековой Евразии 130
- Лукашевич Д. А., Мартыненко И. А.** Историко-правовая сущность Instrument of Government 1653 г.: проблемы терминологии и конституционной преемственности 142

CONTENTS

PRIVATE LAW / JUS PRIVATUM

- Klimanova D. D.** Specific Features of Financial Lease Agreements for Air and Water Transport 9

PUBLIC LAW / JUS PUBLICUM

- Diskin E. I.** Threats to Russia's Information Sovereignty
under the Conditions of the Dominance of Foreign Digital Platforms 21
- Knyazev D. V.** Electronic Evidence in U. S. Civil Procedure 33
- Lapteva A. M.** Professional Participants of the Investment Market:
The Concept, Types, and Market Access Models 48

CRIMINAL LAW / JUS CRIMINALE

- Arzamastsev M. V.** Constitutionalization of Criminal Law as a Mechanism for Defining its Limits 61
- Meleshko D. A.** The Joint Nature of Negligent Crime: Legal Classification and Significance 78
- Chekulaev D. P.** Implementation of Criminal Proceedings under Special Legal Regimes 90

THEORY OF LAW / THEORIA LEX

- Kraevsky A. A.** E. V. Bulygin and C. E. Alchourrón's Theory
of Normative Conflicts in Debate with the Pure Theory of Law 106

DISCUSSION FORUM / PRO ET CONTRA

- Ruzakova O. A.** Technology Holdings and Research Consortia
as Participants in the Technology Development Ecosystem 119

HISTORY OF LAW / HISTORIA LEX

- Pochekaev R. Yu.** Chinggisid Law — The Ius Commune of Medieval Eurasia 130
- Lukashevich D. A., Martynenko I. A.** The Historical and Legal Nature
of the 1653 Instrument of Government: Issues of Terminology and Constitutional Continuity 142

Д. Д. Климанова
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Особенности договора финансовой аренды (лизинга) воздушного и водного транспорта

Резюме. В условиях санкций в отношении российской транспортной отрасли порядок заключения, исполнения и прекращения договоров финансовой аренды (лизинга) воздушного и водного транспорта в России меняется. В статье анализируются квалифицирующие признаки договора финансовой аренды (лизинга) воздушного и водного транспорта, так как правовая квалификация имеет решающее значение при распределении риска ухудшения или гибели транспортных средств, при установлении прав и обязанностей сторон договора. Обосновывается вывод о том, что договор по правовой природе представляет собой договор финансовой аренды (лизинга) или договор бербоут-чартера с последующим выкупом (договор бербоут-чартера на условиях лизинга), если лизингодатель приобретает транспортное средство для лизингополучателя у продавца по договору поставки, а также когда водное или воздушное судно изготавливается по договору подряда. Автор разъясняет варианты согласования специфических условий договора финансовой аренды (лизинга) воздушного и водного транспорта для соблюдения баланса интересов сторон, выявляет гражданско-правовые механизмы, способные стимулировать хозяйствующих субъектов транспортной отрасли к заключению и надлежащему исполнению договоров финансовой аренды (лизинга) воздушного и водного транспорта.

Ключевые слова: договор финансовой аренды; договор лизинга; транспортное средство; воздушное судно; морское судно; речное судно; территория эксплуатации; годные остатки; sinalлагматический характер договора; бербоут-чартер

Для цитирования: Климанова Д. Д. Особенности договора финансовой аренды (лизинга) воздушного и водного транспорта. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 9. С. 9–20. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.238.9.009-020

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Specific Features of Financial Lease Agreements for Air and Water Transport

Daria D. Klimanova
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. Under the sanctions imposed on the Russian transport sector, the procedures governing the conclusion, performance, and termination of financial lease agreements for air and water transport in Russia are undergoing change. The paper examines the qualifying characteristics of financial lease agreements for air and water transport, as the legal characterization of such agreements is crucial to the allocation of the risk of deterioration or loss of transport vehicles and to the determination of the parties' rights and obligations. The paper substantiates the conclusion that, by their legal nature, such agreements constitute either financial lease agreements or bareboat

charter agreements with a subsequent purchase option (bareboat charter agreements on terms of leasing), where the lessor acquires a transport vehicle for the lessee from a seller under a supply contract, as well as where a watercraft or aircraft is constructed under an independent contractor agreement. The author outlines possible approaches to negotiating the specific terms of financial lease agreements for air and water transport in order to ensure a balance of the parties' interests and describes civil-law mechanisms capable of encouraging transport-sector entities to enter into and duly perform such agreements.

Keywords: financial lease agreement; leasing agreement; transport vehicle; aircraft; sea-going vessel; inland waterway vessel; area of operation; salvageable remains; synallagmatic nature of the agreement; bareboat charter

Cite as: Klimanova DD. Specific Features of Financial Lease Agreements for Air and Water Transport. *Lex russica*. 2026;79(9):9-20. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.238.9.009-020

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

Введение

Воздушные и водные транспортные средства являются дорогостоящим имуществом, что влияет на экономическую возможность хозяйствующих субъектов приобрести их на праве собственности, при этом транспортные средства имеют большое значение для эффективной производственной деятельности участников гражданского оборота. В текущих условиях санкций в отношении российской транспортной отрасли порядок заключения, исполнения и расторжения договоров финансовой аренды (лизинга) транспортных средств в России меняется, поэтому важно проанализировать проблемы и предложить пути решения участникам лизинговых правоотношений, в том числе из дружественных для Российской Федерации государств, учесть особенности договоров лизинга транспортных средств с российской национальной принадлежностью, выявить гражданско-правовые механизмы, способные стимулировать хозяйствующих субъектов транспортной отрасли к заключению договоров лизинга и защите их интересов.

В Гражданском кодексе Российской Федерации не сформулирована дефиниция транспортного средства. Понятия некоторых транспортных средств содержатся в отраслевых нормативных

правовых актах¹. В доктрине под транспортным средством понимается техническое устройство, способное к самостоятельному движению в пространстве с целью перевозки (перемещения) физических лиц и/или материальных объектов². Выделяют следующие значимые черты транспортных средств как объекта права: они обладают индивидуально-определенными признаками; относятся к источникам повышенной опасности; являются сложными техническими устройствами, требующими в эксплуатации специальных знаний и навыков, то есть соответствующей подготовки; относятся, как правило, к дорогостоящему имуществу; некоторые из видов транспортных средств отнесены гражданским законодательством к недвижимым вещам (воздушные, морские и речные суда)³.

Особенности правовой природы

Под договором финансовой аренды (лизинга) понимается договор, в соответствии с которым лизингодатель обязуется приобрести в собственность указанное лизингополучателем имущество у определенного им продавца и предоставить лизингополучателю это имущество за плату во временное владение и пользование.

¹ См.: ст. 32 Воздушного кодекса Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ ; ст. 3 Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 07.03.2001 № 24-ФЗ ; ст. 7 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ (здесь и далее в статье, если не указано иное, нормативные документы, материалы судебной практики и международные документы приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

² Гражданское право : учебник / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М. : ПБОЮЛ Л. В. Рожников, 2000. Ч. 2. С. 177, 178.

³ Вавилин Е. В., Боярская Ю. Н., Вавилин В. Е. Договор аренды транспортных средств. Договор каршеринга : монография / под общ. ред. Е. В. Вавилина. М. : Проспект, 2025. С. 40.

Для договора лизинга характерно, что, во-первых, лизингодатель приобретает имущество для лизингополучателя у продавца, который в последующем выступает обязанным лицом перед лизингополучателем, во-вторых, риск случайной гибели или повреждения имущества распределяется в особом порядке.

Для договора финансовой аренды (лизинга) имеет значение срок полезного использования вещи, так как этот период может учитываться для расчета срока возврата финансирования и платы за финансирование, а также влияет на квалификацию правоотношений между сторонами в случае, если возникает спор о том, какой договор заключили стороны — договор аренды или договор финансовой аренды (лизинга)⁴.

Самые дорогостоящие морские и речные суда чаще не просто приобретаются у продавца лизингодателем для лизингополучателя, но изготавливаются по договору подряда, заключенному между лизингодателем и подрядчиком для лизингополучателя. К таким правоотношениям также применяются ст. 667, 668, 670 ГК РФ, ст. 10 Федерального закона от 29.10.1998 № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» (далее — Закон о лизинге), устанавливающие правила взаимодействия между продавцом и лизингополучателем. Такой подход не только защищает интересы лизингополучателя, который может обратиться напрямую к подрядчику в случае выявления недостатков в изготовленном транспортном средстве, но и соответствует интересам лизингодателя, так как он, финансируя строительство судна, не выполняет функцию генерального подрядчика, не обязан нести ответственность за ненадлежащее выполнение работ подрядчиком перед лизингополучателем.

Так, стороны заключили договор лизинга, лизингодатель обязался приобрести в собственность судно, которое должно было быть изготовлено по согласованному сторонами проекту, подрядчик был проинформирован о том, что

судно изготавливается для передачи лизингополучателю. В пределах действия гарантийного срока произошло аварийное событие, в результате экспертизы выяснилось, что причиной поломки был заводской брак. Лизингополучатель обратился напрямую к подрядчику с требованием устранить недостатки выполненных работ, подрядчик отказался, лизингополучатель произвел ремонт самостоятельно за счет собственных средств, обратился в суд с требованием возмещения расходов, а также упущенной выгоды⁵. Суд квалифицировал заключенный между лизингодателем и подрядчиком договор как смешанный, включающий элементы договора купли-продажи и договора строительного подряда, однако, к сожалению, не разъяснил причины такой квалификации в тексте решения.

Важным квалифицирующим признаком договора лизинга является приобретение транспортного средства лизингодателем для лизингополучателя у продавца по договору поставки или изготовление по договору подряда (например, судостроительной верфью). Должны действовать правила ст. 667, 668, 670 ГК РФ, ст. 10 Закона о лизинге, лизингополучатель должен иметь возможность предъявить требования к подрядчику в соответствии со ст. 720–724, 726 ГК РФ. Если же судно не приобретается арендодателем у определенного продавца и не строится по заказу арендатора у определенного подрядчика, такой договор нельзя квалифицировать как договор финансовой аренды (лизинга), договор будет регулироваться общими правилами об аренде или об аренде транспортного средства с экипажем или без экипажа ввиду отсутствия элемента финансирования арендодателем арендатора.

Присоединение России к Конвенции о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования (Кейптаунская конвенция) и Протоколу по авиационному оборудованию⁶

⁴ Если срок договора близок или равен сроку возможного полезного использования вещи, то такой договор будет квалифицирован скорее как договор финансовой аренды (лизинга). Судебной практикой США для дифференциации договора аренды и договора лизинга (имеющего обеспечительный характер) выработан так называемый *bright line test*. См. об этом подробнее: *Правящий П. А. Договор лизинга как способ титульного обеспечения* // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 3. С. 38–71 ; № 4. С. 45–85.

⁵ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 21.11.2023 по делу № А43-549/2022.

⁶ Конвенция о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования (заключена в г. Кейптауне 16.11.2001) ; Протокол по авиационному оборудованию к Конвенции о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования (вместе с Формой безотзывного полномочия на дерегистрацию и вывоз) (подписан в г. Кейптауне 16.11.2001).

привело к изменениям в регулировании отношений сторон по договору финансовой аренды (лизинга), к трансформации взглядов на правовую природу договора. В соответствии с Кейптаунской конвенцией такие способы финансирования для приобретения транспортных средств, как кредит под вещное обеспечение, продажа в кредит с удержанием у продавца права собственности, лизинг, признаются экономически равнозначными. Кроме того, в этой конвенции договор лизинга рассматривается как соглашение, направленное на предоставление финансирования для приобретения транспортных средств, по которому обязанности лизингополучателя по возврату финансирования обеспечены возникновением у лизингодателя права так называемой обеспечительной собственности на транспортное средство.

На изменение подхода к правовой природе договора финансовой аренды (лизинга) повлияла позиция судей высших судебных органов⁷, а особенно постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2011 № 20-П⁸, в котором содержится конституционно-правовое толкование ключевых норм Закона о лизинге. В постановлении Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга»⁹ договор выкупного лизинга по правовой природе однозначно квалифицирован как финансово-кредитный договор¹⁰.

При приобретении морских судов редко заключается непосредственно договор финан-

совой аренды (лизинга). Как правило, стороны заключают договор фрахтования судна без экипажа (бербоут-чартера) с условием о выкупе судна. Практическая целесообразность состоит в том, что правовой режим морского судна определяется статьей 131 ГК РФ, главой II Кодекса торгового мореплавания РФ, а также международными конвенциями¹¹. Между сторонами договора бербоут-чартера распределяются специальные отраслевые риски в соответствии со ст. 211–224 КТМ РФ. Следовательно, в период эксплуатации судна отношения между лизингодателем (судовладельцем) и лизингополучателем (фрахтователем) должны регулироваться статьями 211–224 КТМ РФ. При решении вопросов, связанных с имущественными последствиями расторжения договора, определением стоимости возвращаемого судна, минимизацией рисков при взаимодействии с продавцом, подрядчиком или страховщиком, при передаче предмета лизинга в сублизинг или в залог стороны должны руководствоваться положениями Закона о лизинге, основными разъяснениями судов о договоре лизинга¹². Для разрешения споров, возникающих при расторжении договора бербоут-чартера с условием о выкупе судна, суды квалифицируют правоотношения, вытекающие из договора, как смешанные, включающие элементы договора лизинга и договора бербоут-чартера¹³, или как правоотношения из договора лизинга морского судна¹⁴ и ориен-

⁷ См., например: постановление Президиума ВАС РФ от 25.07.2011 № 3318/11 по делу № А40-111672/09-113-880 ; постановление Президиума ВАС РФ от 12.07.2011 № 17389/10 по делу № А28-732/2010-31/18 ; постановление Президиума ВАС РФ от 12.07.2011 № 17748/10 по делу № А60-46065/2009-СР.

⁸ Российская газета. № 177. 12.08.2011.

⁹ Вестник ВАС РФ. 2014. № 5, май.

¹⁰ Так, в п. 2 постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 17 разъяснено, что имущественный интерес лизингодателя заключается в размещении и последующем возврате с прибылью денежных средств, а имущественный интерес лизингополучателя — в приобретении предмета лизинга в собственность за счет средств, предоставленных лизингодателем, и при его содействии. Приобретение лизингодателем права собственности на предмет лизинга служит для него обеспечением обязательств лизингополучателя по уплате установленных договором платежей, а также гарантией возврата вложенного.

¹¹ Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов 1973 г. (МАРПОЛ/MARPOL) (ред. от 22.03.2024) ; Конвенция о Международных правилах предупреждения столкновений судов в море 1972 г. (COLREG) ; Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982) (с изм. от 23.07.1994).

¹² Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5, май ; Обзор судебной практики по спорам, связанным с договором финансовой аренды (лизинга) (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 27.10.2021).

¹³ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.05.2011 по делу № А56-36764/2010.

¹⁴ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.07.2017 по делу № А40-195982/16.

тируются на упомянутое выше постановление Пленума ВАС РФ № 17.

Однако суды порой противоречиво квалифицируют исследуемые правоотношения. Так, между фрахтователем и судовладельцем был заключен договор бербоут-чартера судна, по условиям которого судовладелец сдал фрахтователю в аренду судно на 20 месяцев, при этом в платежи лизингополучателя включалась плата за фактическое пользование и выкупная стоимость судна. Суд квалифицировал этот договор как смешанный, содержащий элементы договора аренды и договора купли-продажи¹⁵, а не как договор выкупного лизинга, при этом в вопросе установления срока исковой давности суд сослался на п. 23 Обзора судебной практики по спорам, связанным с договором финансовой аренды (лизинга) (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27.10.2021)¹⁶. Полагаем, что суд верно квалифицировал правоотношения: договор не являлся договором выкупного лизинга, судно не приобреталось для фрахтователя судовладельцем; однако представляется обоснованным высказать критическое замечание в отношении ссылки суда на указанный Обзор в части правила расчета сроков исковой давности, так как это положение неприменимо к данному спору.

Правовая квалификация имеет решающее значение для распределения риска повреждения или гибели транспортного средства, для установления прав и обязанностей сторон. В зависимости от правовой квалификации правоотношений решается вопрос о необходимости государственной регистрации обременения права собственности лизингодателя на транспортное средство. Считаем, что в основу правовой квалификации можно положить следующий критерий: если транспортное средство приобретается или изготавливается для лизингополучателя, а финансирует строительство или покупку лизингодатель, договор с таким условием нужно квалифицировать как договор лизинга или договор бербоут-чартера с последующим выкупом (договор бербоут-чартера на

условиях лизинга). Если транспортное средство принадлежит арендодателю или после окончания срока аренды оно должно быть возвращено арендодателю без возможности перехода права собственности на него к арендатору, то договор с таким условием нельзя квалифицировать как договор лизинга.

Договор лизинга транспортных средств может быть квалифицирован как договор присоединения в том случае, когда лизингополучатель не имел возможности согласовать иное содержание отдельных условий договора, проект которого был предложен лизингодателем, а также если спорное условие договора грубо нарушает баланс интересов сторон и его применение приводит к неблагоприятным последствиям для лизингополучателя, а лизингодатель не может обосновать разумность такого условия в договоре¹⁷. Квалификация договора как договора присоединения влияет на применение метода сальдо встречных предоставлений.

Особенности заключения

Поскольку воздушное или водное транспортное средство по своему правовому режиму приравнено к недвижимости, заключение договора лизинга в их отношении обладает особенностями.

Основным последствием распространения на воздушные суда правового режима недвижимости является обязательная регистрация прав на них¹⁸ — такая регистрация носит правоустанавливающий характер. Следовательно, для оформления правоотношений сторон по договору лизинга воздушного судна необходимо, во-первых, зарегистрировать воздушное судно в Государственном реестре воздушных судов, присвоив ему национальную принадлежность Российской Федерации, во-вторых, зарегистрировать право на воздушное судно в Едином государственном реестре прав на воздушные суда.

Для оформления правоотношений по договору лизинга морского судна в соответствии с приказом Минтранса России от 19.05.2017

¹⁵ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 04.04.2023 № Ф03-671/2023.

¹⁶ Обзор судебной практики по спорам, связанным с договором финансовой аренды (лизинга) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.10.2021).

¹⁷ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 10.10.2023 № 305-ЭС23-12470.

¹⁸ В соответствии со ст. 131 ГК РФ ; п. 9 ст. 33 Воздушного кодекса Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 12. Ст. 1383 ; п. 2 ст. 1, ст. 3 Федерального закона от 14.03.2009 № 31-ФЗ «О государственной регистрации прав на воздушные суда и сделок с ними» // СЗ РФ. 2009. № 11. Ст. 1260.

№ 191 (ред. от 30.07.2020) «Об утверждении Правил государственной регистрации судов, прав на них и сделок с ними в морских портах и централизованного учета зарегистрированных судов» необходимо внести сведения в Российский международный реестр судов, Государственный судовой реестр, Российский открытый реестр судов или маломерных судов о морском судне и о праве собственности на него, а также об обременении права собственности на судно. Если судно временно зарегистрировано под Государственным флагом Российской Федерации и договор финансовой аренды (лизинга) включает условия договора бербоут-чартера (договор бербоут-чартера на условиях лизинга или с правом выкупа), то также необходимо внести сведения в бербоут-чартерный реестр.

Оформление отношений по договору лизинга речного судна, в зависимости от предмета договора и иных условий в соответствии со ст. 10 Кодекса внутреннего водного транспорта РФ, предусматривает внесение сведений в один из реестров: государственный судовой реестр; реестр маломерных судов; реестр арендованных иностранных судов; Российский международный реестр судов; реестр строящихся судов¹⁹. Как правило, в договоре лизинга речного судна указывается, что судно регистрируется в реестре судов на имя лизингодателя силами и за счет лизингополучателя.

Перед регистрацией водного судна необходимо присвоить ему класс Российского морского регистра судоходства для подтверждения технического соответствия судна требованиям безопасной эксплуатации в Российском классификационном обществе в соответствии с п. 1 ст. 22 КТМ РФ, п. 1 ст. 35 КВВТ РФ. В случае когда судно строится для лизингополучателя, проектная документация на судно, включая чертежи, спецификации, также подлежит одобрению в Российском классификационном обществе.

Помимо включения сведений о воздушных и водных судах, о праве собственности на воздушные и водные суда, об обременении права собственности на воздушное и водное судно в специальные реестры, запись о договоре финансовой аренды (лизинга) транспортного средства, включающая номер и дату заключения договора, реквизиты лизингодателя и лизингополучателя, сведения о транспортном

средстве, вносится также в Единый федеральный реестр сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности²⁰.

При заключении договора финансовой аренды (лизинга) транспортных средств нельзя забывать о том, что для лизингополучателя такой договор может являться крупной сделкой, в этом случае к нему будут применяться правила ст. 78, 79 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», ст. 46 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».

Особенности исполнения

Договор финансовой аренды (лизинга) является консенсуальным, возмездным, взаимным и синаллагматическим. На стороне лизингополучателя лежит встречное исполнение обязательств по уплате лизинговых платежей, которое обусловлено исполнением лизингодателем обязательств по предоставлению финансирования и оказанию содействия лизингополучателю. Синаллагматический характер договора лизинга проявляется в следующем: во-первых, лизингодатель финансирует лизингополучателя путем перечисления денежных средств продавцу в счет оплаты по договору купли-продажи транспортного средства (или по договору подряда на изготовление водного судна). Во-вторых, продавец передает транспортное средство лизингополучателю. В-третьих, лизингополучатель возвращает денежные средства лизингодателю путем уплаты лизинговых платежей.

По договору лизинга обязательство лизингополучателя по внесению платежей находится в синаллагматической связи не с предоставлением транспортного средства надлежащего качества (в отличие от того, как это установлено для договора аренды), а с обязанностью лизингодателя содействовать в приобретении транспортного средства. Нарушение обязанности по содействию или проявление лизингодателем неосмотрительности влечет за собой возникновение у лизингополучателя права приостановить внесение лизинговых платежей, требовать

¹⁹ Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 07.03.2001 № 24-ФЗ (ред. от 31.07.2025).

²⁰ URL: <https://fedresurs.ru/> (дата обращения: 27.05.2026).

расторжения договора лизинга в связи с существенным характером нарушения договора, как это разъяснено в абз. 2 п. 7 постановления Пленума ВАС РФ № 17, п. 8 и 31 Обзора судебной практики по спорам, связанным с договором финансовой аренды (лизинга).

Важным условием договора лизинга транспортных средств является условие о территории эксплуатации предмета лизинга. Лизингодатель может в договоре указать возможную территорию эксплуатации или ограничить территорию, установив запрет, например, на территории, не имеющие страхового покрытия; территории недружественных государств; зоны проведения боевых действий. В современном мире геополитическая обстановка меняется очень быстро, поэтому стороны могут также установить в договоре условие об одностороннем порядке изменения территории эксплуатации транспортного средства в случае появления или возрастания риска утраты транспортного средства. Однако общий риск повреждения или утраты транспортного средства лежит на лизингополучателе, его интерес в обеспечении сохранности не меньше, чем у лизингодателя. При этом важно учитывать, что за счет эксплуатации транспортного средства лизингополучатель извлекает доход, и недопустима ситуация, когда, опасаясь повреждений, лизингодатель в одностороннем порядке устанавливает запрет на территорию эксплуатации, приводящий к фактической невозможности для лизингополучателя использовать транспортное средство. Целесообразно предусмотреть в договоре возможность для лизингополучателя прийти к соглашению с лизингодателем о досрочном выкупе транспортного средства, или о дополнительном страховом покрытии, или о дополнительном обеспечении обязательств лизингополучателя. Возможность досрочного выкупа транспортного средства при таком условии не должна вести за собой обогащение лизингодателя. При выкупе предмета лизинга лизингополучатель обязан вернуть лизингодателю всю сумму финансирования и плату за него, начисленную на день возврата финансирования (должен учитываться срок пользования финансированием), при этом лизингополучатель не должен платить выкупной платеж, равный, например, остаточной стоимости предмета лизинга, или заранее исчисленные убытки лизингодателя, включающие в себя плату за финансирование, рассчитанную на дату позднее, чем произошел фактический возврат транспортного средства.

Иногда в договоре лизинга транспортных средств в интересах лизингодателя устанавливается условие о том, что если лизингополучатель планирует эксплуатировать транспортное средство на территории иностранного государства, входящего в перечень, утвержденный распоряжением Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц», то между сторонами заключается дополнительно опционный договор купли-продажи переданного по договору лизинга транспортного средства. Включение такого условия в договор приводит к изменению правовой природы договора лизинга транспортного средства, что может существенно повлиять на баланс интересов сторон.

Для надлежащего исполнения договора и возможности нормально использовать транспортное средство лизингодатель должен выдать лизингополучателю доверенность на регистрацию ограничения (обременения) воздушного и водного судна. В доверенности также должно быть предусмотрено полномочие лизингополучателя взаимодействовать с государственными органами и третьими лицами, если их действия приводят к невозможности эксплуатации транспортного средства, например если оно было арестовано или изъято. В интересах лизингополучателя предусмотреть в доверенности полномочие на перерегистрацию транспортного средства за собой после выплаты всех лизинговых платежей и выкупной цены, исключив риск неисполнения лизингодателем обязанности по оформлению перехода права собственности на транспортное средство к лизингополучателю.

Договором может быть предусмотрена обязанность лизингополучателя проходить обязательные технические осмотры и техническое обслуживание у определенных продавцом, изготовителем или лизингодателем подрядчиков (для водного транспорта), авиаремонтных организаций (для воздушного транспорта) с предоставлением обязательных отчетов лизингодателю о прохождении осмотра и о состоянии транспортного средства. В случае поломки транспортного средства у лизингодателя могут возникать сомнения в добросовестности лизингополучателя при ремонте судна, поэтому лизингодатель может препятствовать лизингополучателю в получении страховой выплаты,

подозревая его в растрате выплаты не по целевому назначению — не на ремонт транспортного средства. Для соблюдения баланса интересов стороны могут договориться с ремонтной организацией, заключить соглашение, по которому лизингодатель самостоятельно направляет полученную страховую выплату выбранной сторонами организации на ремонт транспортного средства.

В Российской Федерации реализуются различные национальные и инфраструктурные проекты, предусматривающие предоставление субсидий лизингополучателям²¹. Если лизингополучатель планирует воспользоваться одной из таких субсидий, необходимо учитывать особенности исполнения обязанности по внесению лизинговых платежей, в частности возможность внесения изменений в график платежей в случае предоставления субсидии или решения уполномоченного органа о возврате ранее предоставленной субсидии, внесения изменений в паспорта инфраструктурных проектов.

Особенности расторжения

Расторжение договора лизинга влечет за собой необходимость определения завершающей обязанности сторон путем сопоставления встречных предоставлений: сравнения ранее уплаченных лизингополучателем платежей и размера возвращенного финансирования. Подробные разъ-

яснения о порядке и особенностях расторжения договора лизинга содержатся в п. 3.1–3.6 постановления Пленума ВАС РФ № 17, в частности, в них разъясняется порядок применения метода сальдо встречных предоставлений²². По методу сальдо рассчитывают сумму заключительного платежа, которая присуждается к выплате в пользу лизингодателя или лизингополучателя, учитывая рыночную стоимость предмета лизинга, сумму оставшихся платежей по основному долгу лизингополучателя, проценты за пользование денежными средствами лизингодателя лизингополучателем. Метод сальдо представляет собой метод расчета оставшегося платежа, он не изменяет правовую природу оставшихся платежей, о чем неоднократно указывалось в доктрине²³.

По общему правилу, разъясненному в п. 4 постановления Пленума ВАС РФ № 17, стоимость возвращенного предмета лизинга определяется по его состоянию на момент перехода к лизингодателю риска случайной гибели или случайной порчи предмета лизинга исходя из суммы, вырученной лизингодателем от продажи предмета лизинга или отчета оценщика.

Наиболее справедливым способом реализации предмета лизинга является его продажа по результатам торгов, так как именно в процессе торгов объективно определяется цена предмета лизинга, однако на практике сложно организовать и реализовать торги для продажи воздушного и тем более водного транспорта.

²¹ Например: инфраструктурный проект «Приобретение вертолетов отечественного производства для последующей передачи в лизинг для нужд российских авиакомпаний», утвержденный распоряжением Правительства РФ от 11.02.2023 № 315-р «О внесении изменений в отдельные распоряжения Правительства РФ и утверждении паспортов инвестиционных проектов»; инфраструктурный проект «Приобретение подвижного состава наземного общественного пассажирского транспорта для последующей передачи в лизинг», утвержденный распоряжением Правительства РФ от 30.01.2023 № 185-р «Об утверждении паспорта инвестиционного проекта «Приобретение подвижного состава наземного общественного пассажирского транспорта для последующей передачи в лизинг» и о внесении изменений в распоряжение Правительства РФ от 05.11.2013 № 2044-р»; инфраструктурный проект «Программа льготного лизинга гражданских судов водного транспорта», утвержденный распоряжением Правительства РФ от 15.02.2023 № 337-р «О внесении изменений в распоряжение Правительства РФ от 05.11.2013 № 2044-р и утверждении паспорта инвестиционного проекта».

²² В основе метода сальдо встречных предоставлений лежит следующий принцип: расторжение договора выкупного лизинга не должно влечь за собой получение лизингодателем таких благ, которые поставили бы его в лучшее имущественное положение, чем то, в котором он находился бы при выполнении лизингополучателем договора в соответствии с его условиями, или приводить к освобождению лизингополучателя от обязанностей по возврату финансирования, внесения платы за финансирование и возмещению убытков.

²³ Егоров А. В. Лизинг как финансовая сделка // *Gaudeamus igitur!* : сборник статей к юбилею А. А. Иванова. М., 2020. С. 157; Никитин А. В. Четыре вида требований из выкупного лизинга: как их квалифицировать // *Арбитражная практика для юристов*. 2018. № 4. С. 42–47.

Следовательно, сторонам при заключении договора лизинга водного или воздушного транспорта необходимо подробно договориться о справедливых условиях возможной продажи транспортного средства или о правилах подготовки отчета о его стоимости. Лизингополучатель заинтересован в продаже предмета лизинга по наиболее высокой цене, так как именно вырученная за проданный предмет сумма при применении метода сальдо встречных обязательств учитывается для расчета суммы оставшегося обязательства лизингополучателя перед лизингодателем. Лизингополучатель в соответствии с договором должен иметь возможность участвовать в подготовке отчета о рыночной цене транспортного средства или в поисках покупателя транспортного средства. Если все действия по реализации транспортного средства или по подготовке отчета об оценке осуществляет лизингодатель (находит покупателя или оценщика без согласования с лизингополучателем), то лизингодатель не просто должен вести себя добросовестно и разумно, но такие действия должны квалифицироваться как действия лизингодателя в чужом интересе (в интересе лизингополучателя). Следовательно, и при заключении договора купли-продажи воздушного судна или договора подряда на изготовление водного судна, и при реализации транспортного средства в случае расторжения договора лизингодатель должен действовать в интересах лизингополучателя, выступая в роли посредника.

При расторжении договора лизинга один из вариантов реализации транспортного средства — продажа его третьему лицу, однако между сторонами может возникнуть вопрос о порядке определения рыночной цены транспортного средства. Если стоимость транспортного средства определяется не путем его реализации, а на основании отчета оценщика, необходимо учитывать, что на практике между сторонами очень часто возникают споры по поводу корректности составления таких отчетов²⁴.

Для применения метода сальдо встречных предоставлений при расторжении договора

лизинга в связи с гибелью транспортного средства имеет большое значение определение годных остатков транспортного средства. Так как транспортное средство представляет собой технически сложную вещь, в случае утраты им потребительской ценности как неделимой вещи (например, в случае сильного повреждения корпуса водного судна или планера воздушного судна без возможности его экономически обоснованного восстановления) происходит отделение составных частей для их последующей реализации с целью удовлетворения интересов сторон договора. Такие составные части вещи (транспортного средства) именуют годными остатками. В пункте 5.2 положения Банка России от 04.03.2021 № 755-П «О единой методике определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства»²⁵ установлено, какие части транспортного средства относятся к годным остаткам, а в п. 5.4 содержатся правила расчета стоимости годных остатков. Положение устанавливает требования к определению размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства в рамках договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств и является обязательным для применения страховщиками. Считаем возможным применение данных правил для разрешения споров между сторонами договора лизинга, к тому же в большинстве договоров предусматривается обязанность лизингополучателя застраховать транспортное средство.

По договору лизинга может передаваться не только транспортное средство целиком, но и его составные части. Так, двигатель воздушного судна, опоры шасси, вспомогательные силовые установки могут быть самостоятельными объектами оборота. К таким объектам правила о годных остатках неприменимы.

Исходя из особенностей синаллагматических связей по договору финансовой аренды (лизинга) существуют особенности во взыскании убытков при расторжении договора. Лизингополучатель не может включать лизинго-

²⁴ Так, согласно одному из дел было подготовлено три отчета об оценке ликвидационной стоимости водных судов. В отчетах, подготовленных оценщиками по запросу лизингодателя и по запросу лизингополучателя, стоимость водных судов различалась на 1,4 млрд руб. См. об этом: постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.12.2025 по делу № А40-191705/2023.

²⁵ Положение Банка России от 04.03.2021 № 755-П (ред. от 04.06.2025) «О единой методике определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства» (зарегистрировано в Минюсте России 10.06.2021 № 63845).

вые платежи в размер своих убытков в случае повреждения транспортного средства третьими лицами, так как лизинговые платежи должны выплачиваться лизингополучателем в любом случае, независимо от того, пользуется он транспортным средством или нет. Однако суды при решении вопроса о включении лизинговых платежей в размер убытков лизингополучателя не всегда последовательны²⁶. Упущенная выгода лизингополучателя по договору финансовой аренды (лизинга) представляет собой прибыль, которую он не получил в то время, пока лизингодатель необоснованно препятствовал ему пользоваться транспортным средством. Расчет упущенной выгоды лизингополучатель должен обосновать реальной производственной деятельностью или подготовкой к ней.

Ввиду взаимосвязи договора лизинга и договора поставки воздушного или водного судна (или договора подряда на изготовление водного судна) убытки лизингодателя или лизингополучателя могут быть взысканы как с другой стороны по договору, так и с продавца (судоостроительной компании). Убытки, возникшие ввиду предоставления некачественного транспортного средства, взыскиваются лизингополучателем с продавца, включая, например, прямые расходы на ремонт, неисполнение обязательств перед контрагентами, расходы на аренду транспортного средства с экипажем или без экипажа. С лизингодателя такие расходы могут быть взысканы, только если он необоснованно изъяс транспортное средство у лизингополучателя или самостоятельно выбирал продавца.

Заключение

В результате исследования выявлены особенности заключения, исполнения и расторжения договора финансовой аренды (лизинга) воздушного и водного транспорта, особенности его правовой природы, сформулированы критерии квалификации договора как договора лизинга транспортного средства.

Установлено, что рассматриваемый договор по правовой природе представляет собой до-

говор финансовой аренды (лизинга) или договор бербоут-чартера с последующим выкупом (договор бербоут-чартера на условиях лизинга), если лизингодатель приобретает имущество для лизингополучателя у продавца по договору поставки или изготавливается новая вещь по договору подряда. Правовая квалификация имеет решающее значение при распределении риска ухудшения или гибели транспортного средства, прав и обязанностей сторон. В зависимости от правовой квалификации правоотношений решается вопрос о необходимости государственной регистрации обременения права собственности лизингодателя на транспортное средство.

Заключение договора лизинга обладает особенностями, если предметом является воздушное или водное транспортное средство, которые по своему правовому режиму относятся к недвижимости, а именно требуется государственная регистрация обременения права собственности, которая носит правоустанавливающий характер.

Договор финансовой аренды (лизинга) является консенсуальным, возмездным, взаимным и синаллагматическим. Договор лизинга транспортных средств может быть квалифицирован как договор присоединения. По договору лизинга обязательство лизингополучателя по внесению платежей не находится в синаллагматической связи с предоставлением транспортного средства надлежащего качества (в отличие от того, как это установлено для договора аренды), но находится в синаллагматической связи с обязанностью лизингодателя содействовать в приобретении транспортного средства. Лизингодатель в исполнение договора лизинга заключает договор купли-продажи (или подряда) транспортного средства и обязан содействовать лизингополучателю в приобретении транспортного средства.

Для договора лизинга транспортных средств характерно, что, во-первых, его важным условием является условие о территории эксплуатации предмета лизинга. Во-вторых, для надлежащего исполнения договора и возможности нормально использовать транспортное средство лизингодатель должен выдать лизингопо-

²⁶ Так, авиакомпания взыскивала убытки с аэропорта, возникшие из-за повреждения воздушного судна во время высадки пассажиров, в убытки авиакомпания включила расходы на оплату лизинговых платежей за период простоя судна (постановление Арбитражного суда Центрального округа от 04.09.2025 по делу № А08-9677/2023). В похожем деле суд сделал вывод, прямо противоположный вышеприведенному решению (постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 24.10.2025 по делу № А42-8382/2024).

лучателю доверенность на регистрацию ограничения (обременения) воздушного и (или) водного судна. В-третьих, договором может быть предусмотрена обязанность лизингополучателя проходить технические осмотры и техническое обслуживание с предоставлением отчетов лизингодателю. В-четвертых, если лизингополучатель планирует воспользоваться государственной субсидией на приобретение транспортного средства, необходимо учитывать особенности исполнения обязанности по внесению лизинговых платежей.

При расторжении договора лизинга и изъятии транспортного средства лизингодателем для его последующей реализации сложно организовать и реализовать торги для продажи воздушного и водного транспорта. Следовательно,

сторонам необходимо подробно договориться о справедливых условиях возможной продажи судна или о порядке подготовки отчета о стоимости судна. Посреднический элемент договора лизинга должен признаваться в случае расторжения договора лизинга при продаже предмета лизинга или подготовке отчета об оценке стоимости предмета лизинга. При расторжении договора лизинга в связи с гибелью транспортного средства имеет большое значение определение стоимости годных остатков транспортного средства. Исходя из особенностей синаллагматических связей сторон по договору финансовой аренды (лизинга) существуют особенности в определении размера и в порядке взыскания убытков при расторжении договора лизинга воздушного и водного транспорта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вавилин Е. В., Боярская Ю. Н., Вавилин В. Е. Договор аренды транспортных средств. Договор каршеринга : монография / под общ. ред. Е. В. Вавилина. М. : Проспект, 2025.

Гражданское право : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. Т. 2. М. : ПБОЮЛ Л. В. Рожников, 2000. 736 с.

Егоров А. В. Лизинг как финансовая сделка // *Gaudeamus igitur!* : сборник статей к юбилею А. А. Иванова / сост. и отв. ред.: В. А. Багаев, К. А. Новиков. М. : Закон, 2020. 428 с.

Никитин А. В. Четыре вида требований из выкупного лизинга: как их квалифицировать // *Арбитражная практика для юристов*. 2018. № 4. С. 42–47.

Правящий П. А. Договор лизинга как способ титульного обеспечения // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2023. № 3. С. 38–71 ; № 4. С. 45–85.

REFERENCES

Egorov AV. Leasing as a financial transaction. In: Bagaev VA, Novikov KA (eds.). *Gaudeamus igitur!*: Collection of Papers for the anniversary of A. A. Ivanov. Moscow: Zakon Publ.; 2020. (In Russ.).

Nikitin AV. Four types of claims from redemption leasing: how to qualify them. *Arbitrazhnaya praktika dlya yuristov*. 2018;4:42-47. (In Russ.).

Pravyashchiy PA. Leasing Agreement as a method of title security. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*. 2023;3:38-71; 2023;4:45-85. (In Russ.).

Sergeev AP, Tolstoy YuK (eds.). Civil Law. Textbook. 3rd ed. Vol. 2. Moscow: PBOYuL L.V. Rozhnikov Publ.; 2000. (In Russ.).

Vavilin EV, Boyarskaya YuN, Vavilin VE (ed.). Vehicle lease agreement. Car sharing agreement. Moscow: Prospect Publ.; 2025. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Климанова Дарья Дмитриевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
ddklimanova@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Daria D. Klimanova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
ddklimanova@msal.ru

Материал поступил в редакцию 25 июня 2025 г.

Статья получена после рецензирования 10 августа 2026 г.

Принята к печати 15 августа 2026 г.

Received 25.06.2025.

Revised 10.08.2026.

Accepted 15.08.2026.

Угроза информационному суверенитету России в условиях доминирования иностраных цифровых платформ

Резюме. Статья исследует угрозы суверенитету Российской Федерации, которые связаны с недобросовестными практиками иностранных интернет-платформ (цифровых платформ). Анализируются подходы к противодействию таким практикам с учетом общественного мнения и оценки их общей эффективности, а также их влияние на протестный потенциал российского общества. В научный оборот вводятся данные о новом законодательстве США, подтверждающем существование политической цензуры, которую реализуют крупнейшие мировые интернет-платформы. Восполняются пробелы в оценке влияния иностранных интернет-платформ на информационный потенциал России, предлагаются новые инструменты по противодействию цензуре со стороны таких субъектов. Применение предлагаемых инструментов даст возможность снизить протестный потенциал и повысить доверие к государственной цифровой политике, сохранить конкурентный характер российского сегмента сети «Интернет». Предлагается повысить уровень и качество участия гражданского общества в выработке политики по повышению информационного потенциала с целью защиты суверенитета России в киберпространстве.

Ключевые слова: законодательство об обороте информации; информационный суверенитет; национальная безопасность; цензура; цифровые права; социальные сети; свобода слова

Для цитирования: Дискин Е. И. Угроза информационному суверенитету России в условиях доминирования иностранных цифровых платформ. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 9. С. 21–32. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.238.9.021-032

Благодарности. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Threats to Russia's Information Sovereignty under the Conditions of the Dominance of Foreign Digital Platforms

Evgeniy I. Diskin

National Research University «Higher School of Economics»
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines threats to the sovereignty of the Russian Federation associated with allegedly unfair practices employed by foreign internet platforms (digital platforms). It analyses approaches to countering such practices, taking into account public opinion, assessments of their overall effectiveness, and their impact on the protest potential of Russian society. The paper introduces into academic discourse information on recent U.S. legislation presented as confirming the existence of political censorship implemented by the world's

largest internet platforms. The author addresses gaps in assessing the influence of foreign internet platforms on Russia's information capacity and proposes new instruments for countering censorship applied by such entities. The application of the proposed instruments may help reduce protest potential, increase trust in public digital policy, and preserve the competitive nature of the Russian segment of the Internet. The paper further proposes enhancing both the level and quality of civil society participation in defining policies aimed at strengthening information capacity in order to protect Russia's sovereignty in cyberspace.

Keywords: Information circulation legislation; information sovereignty; national security; censorship; digital rights; social media; freedom of expression

Cite as: Diskin E.I. Threats to Russia's Information Sovereignty under the Conditions of the Dominance of Foreign Digital Platforms. *Lex russica*. 2026;79(9):21-32. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.238.9.021-032

Acknowledgements. The paper was prepared as part of the Fundamental Research Program of the National Research University «Higher School of Economics» (HSE University).

Введение

Иностранные интернет-платформы противодействуют усилиям Российской Федерации по недопущению распространения противоправной информации в отечественном сегменте сети «Интернет» и одновременно ограничивают распространение информации российских СМИ и блогеров¹, создают многочисленные угрозы для правопорядка и национальной безопасности, нарушают законные права граждан и организаций.

Интернет-платформы создают поле контроля за сбором, получением и распространением информации, которое существует по своим сложным корпоративным правилам, рассматривая свою политику как форму проявления «свободы рыночного капитализма»². Таким образом, возникает конфликт, затрагивающий суверенитет Российской Федерации, т.к. право регулирования распространения информации

в цифровой среде может рассматриваться как один из содержательных элементов информационного суверенитета государства. Последний является юридическим свойством государства как особого субъекта информационно-правовых отношений, осуществляющего их правовое регулирование³.

Несмотря на значительное число работ, посвященных информационному суверенитету и его сущности, среди которых можно выделить публикации Э. Ю. Анциферовой, А. А. Ефремова, А. К. Жаровой, И. Ф. Кефели, М. М. Кучерявого, С. А. Мальмберга, А. В. Минбалева, Т. А. Поляковой, Л. В. Терентьевой, исследование поставленной проблемы нельзя назвать законченным. Изменение внешнеполитических условий показывает, что объем противоречий между стремлением государства защитить свой суверенитет, информационными потребностями общества и стремлением иностранных интернет-платформ сохранить кон-

¹ Данный факт неоднократно фиксировался профильными органами исполнительной власти. В 2020 г. Роскомнадзор потребовал от Facebook*, Google и Twitter прекратить цензуру в отношении российских СМИ (URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2020/10/28/13336639/censorship.shtml> (дата обращения: 19.05.2025)); в 2022 г. Роскомнадзор заявил, что YouTube «стал инструментом в информационной войне» и отметил тот факт, что им были зафиксированы в общей сложности 54 факта применения YouTube ограничений в отношении российских каналов (URL: <https://rkn.gov.ru/press/news/news74204.htm> (дата обращения: 19.05.2025)).

* Facebook — продукт корпорации Meta. Решением Тверского районного суда города Москвы от 21.03.2022 компания «Мета Платформс, Инк.» (Meta Platforms, Inc.) признана экстремистской организацией и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

² Cherry B. A. Escalating Instability of Network Neutrality Policy in the U.S. // *Applied Economics in the Digital Era* / ed. by J. Alleman, P. Rappoport, M. Hamoudia. Cham : Palgrave Macmillan, 2020. DOI: 10.1007/978-3-030-40601-1_13.

³ Ефремов А. А. Государственный суверенитет в информационном пространстве: проблемы правового обеспечения // Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы : сборник докладов XIII Московской юридической недели, Москва, 21–24 ноября 2023 г. : в 4 ч. М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024. С. 141.

троль над своей деятельностью играет одну из центральных ролей в динамике регулирования Интернета.

Гипотезой настоящего исследования является тезис о том, что баланс между проведением государственной информационной политики, потребностями общества в области доступа к информации и реализации информационных прав и интересами иностранных интернет-платформ является ключевым фактором обеспечения внешнего контура информационного суверенитета, т.е. связан со всем объемом информационных транзакций на национальном уровне в той их части, которая осуществляется с использованием иностранных платформ и сервисов, либо международных информационных транзакций, затрагивающих национальные информационные интересы России. Поиск такого баланса является ключевым в реализации национального информационного потенциала⁴.

В отечественной научной юридической литературе динамика данных правоотношений в контексте геополитических изменений в полной мере не исследована, не изучено отношение граждан к соответствующей правовой политике, не дана оценка деструктивной деятельности иностранных интернет-платформ по подрыву национального информационного потенциала. В полной мере не изучена связь указанных факторов как основание для формирования законодательной политики по обеспечению информационного суверенитета на его внешнем контуре и влияние на информационный потенциал государства.

Чтобы восполнить данный пробел, применен исторический и телеологический анализ права, системный, статистический и социологический метод, метод исследования социальных конфликтов.

Попытки законодательного определения условий для деятельности иностранных интернет-платформ в России в контексте обеспечения информационного суверенитета

Процесс «суверенизации Интернета», под которым следует понимать стремление государства установить правила, обязательные для всех субъектов, осуществляющих деятельность в российском сегменте Интернета, идет уже 15 лет. До принятия Федерального закона от 28.07.2012 № 139-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию” и отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁵ словосочетания «информация, распространение которой в Российской Федерации запрещено» в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁶ не было, как не было и указания на механизмы реализации таких запретов. Однако с принятием указанных поправок расширение перечня запрещенной информации приобрело значительный размах.

Возникла проблема обеспечения выполнения требований по ограничению доступа к определенной информации. Чтобы решить эту проблему, был разработан проект Федерального закона от 01.07.2021 № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” на территории Российской Федерации» (Закон о «приземлении»). В пояснительной записке к нему отмечено, что «в большинстве случаев требования российских государственных органов рассматриваются зарубежными компаниями и их представителями как выход за пределы юрисдикции Российской Федерации»⁷. Принятие закона должно было

⁴ Термин «информационный потенциал» впервые был использован в работе И. Ф. Кефели и С. А. Мальмберга как совокупный индикатор возможности государства осуществлять независимую информационную политику и во всей полноте регулировать правоотношения, связанные со сбором, получением и распространением информации. Информационный потенциал — выражение информационного суверенитета во всех аспектах его фактической реализации, т.е. оценка состояния правоприменительной деятельности и фактически складывающихся правоотношений в информационной сфере (Кефели И. Ф., Мальмберг С. А. Информационный потенциал государства как основа информационного суверенитета // Управленческое консультирование. 2019. № 1 (121). С. 30).

⁵ СЗ РФ. 2012. № 31. Ст. 4328.

⁶ СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3448.

⁷ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” на территории Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1176731-7> (дата обращения: 19.05.2025).

не только подтвердить суверенитет России в сети «Интернет», но и создать эффективные механизмы понуждения интернет-платформ к выполнению требований российского законодательства. Однако параллельная разработка и принятие Федерального закона от 30.12.2020 № 482-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации”» стали признанием того факта, что иностранные интернет-платформы нарушают права российских граждан и организаций, действуя за пределами территориальной юрисдикции Российской Федерации. Примечательно, что основным способом принуждения иностранных интернет-платформ к выполнению законных требований были и остаются блокировки ресурсов с помощью ТСПУ (технических средств противодействия угрозам). Последующие события показали, что в условиях международного конфликта высокой интенсивности указанные меры не являются эффективными, а лишение иностранных корпораций доступа к российскому рынку на легальных основаниях не является для них критичным. К сожалению, должной оценки применения блокировок с точки зрения их влияния на информационный потенциал государства дано не было. Следует отметить, что их влияние в совокупной оценке различных факторов скорее отрицательное.

Деятельность иностранных интернет-платформ в России и их влияние на национальный информационный потенциал

Несмотря на большие усилия по продвижению российских социальных сетей и аудиовизуальных платформ на отечественном рынке, существует значимый объем данных, которые подтверждают сохранение влияния и охват российского медиапространства со стороны иностранных интернет-платформ.

Так, по данным компании Mediascope, крупнейшей интернет-платформой по охвату аудитории в июле 2024 г.⁸ оставался YouTube с 79 %⁹, он также лидировал по доле времени, которое проводят на площадке абсолютно все возрастные категории¹⁰. Второй и четвертой по популярности платформами являются Telegram и TikTok, а «ВКонтакте» — лишь третьей (для международного рынка используется наименование VK). После частичной блокировки доля YouTube падает, однако говорить о полной потере значимости данной платформы явно преждевременно¹¹. В частности, даже после применения больших ресурсов для замедления месячный охват аудитории YouTube составил 89,6 млн человек, лишь на 2,4 млн человек меньше, чем у главной российской социальной сети — «ВКонтакте»¹².

Иными словами, информационное пространство, к которому имеют доступ граждане России, в значительной мере не подчиняется национальному законодательству: не менее 50 % объема потребленного контента распространяли иностранные интернет-платформы. Отметим, что в случае с YouTube речь идет о платформе с большим уровнем вовлеченности и объеме времени, которое тратит пользователь на просмотр контента, что означает большой объем транслируемых смыслов и высокую

⁸ Именно в июле 2024 г. начали применяться меры частичной блокировки аудиовизуального сервиса YouTube.

⁹ Расчет аудитории интернет-ресурса ведется исходя из оценки общего количества пользователей Интернета в России, которая по оценкам компании Mediascope в I квартале 2024 г. составила 103 млн чел. Таким образом, в рассматриваемый период аудитория YouTube составляла 81,3 млн чел.

¹⁰ Аудитория социальных медиа // URL: https://mediascope.net/upload/iblock/438/37qf2vk4di1n4ncguevk3tufyzb11qfx/Аудитория_социальных_медиа_Mediascope.pdf (дата обращения: 19.05.2025).

¹¹ Эксперты заявили о сокращении трафика YouTube в России в два раза // URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/20/09/2024/66ed84909a7947ed33039906 (дата обращения: 19.05.2025).

¹² «ВКонтакте» впервые обошла YouTube по охвату среди россиян. Как соцсеть привлекает новых блогеров и пользователей // URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/15/01/2025/6786315b9a79476fac9a1bd6 (дата обращения: 19.05.2025).

нагрузку на когнитивную сферу человека¹³. Во многом это касается и Telegram, и ряда других платформ, например TikTok.

Существует точка зрения, согласно которой пример Китайской Народной Республики, где максимально ограничены все иностранные интернет-ресурсы, является образцом эффективного обеспечения информационной безопасности, а следовательно, и защиты национального суверенитета в киберпространстве¹⁴. Концептуально это упрощает вопрос о том, где начинается и заканчивается национальный суверенитет в киберпространстве. В случае восприятия такой концепции суверенитет, а точнее юрисдикция России, действительно ограничен территориальными пределами физического нахождения телекоммуникационного оборудования на ее территории¹⁵. В некотором смысле из посыла об ограничении суверенитета России в информационном пространстве пределами ее физической территории (на которой находится соответствующее оборудование) и доменной зоной исходили разработчики Закона о «приземлении». Тем не менее данный подход показал, что он недостаточно эффективен, особенно в условиях значительной геополитической напряженности, когда оказалось, что Россия и вопросы ее национальной безопасности, ее граждане, организации, должностные лица становятся предметом дискредитации и дезинформации, а против государства развернута беспрецедентная по своему накалу информационная война¹⁶.

Немаловажно и то, что ответные действия государства, чаще всего выражающиеся в ограничении доступа к иностранным интер-

нет-платформам, представляют собой ограничение конкуренции, что «неизбежно приводит к замедлению развития технологий, заставляя государство жить в дилемме: прогресс или безопасность»¹⁷.

Логика, в которой ограничение иностранных интернет-ресурсов является основным средством обеспечения информационного суверенитета, нередко связана с отождествлением информационного и технологического суверенитета. Поскольку в стратегических документах действительно ставится вопрос о «достижении самостоятельности», например в области использования инструментов искусственного интеллекта (ИИ), представляется необходимым оценить достоинства и недостатки такого подхода с точки зрения его влияния на информационный потенциал России¹⁸.

В случае развития ИИ речь идет о технологическом суверенитете¹⁹, а вопрос доступа к иностранным интернет-платформам лежит в первую очередь в плоскости вопроса о доступе к информации и ее распространении. В рамках настоящего исследования предлагается разграничить понятия информационного и технологического суверенитета, опираясь в том числе на социально-экономические факторы развития общественных отношений в области доступа к информации. Повышение информационного потенциала государства невозможно, если понятие информационного суверенитета остается размытым и нечетким, т.к. это подразумевает невозможность функционального выделения ответственных лиц и постановки корректных целей развития.

¹³ Mahmood-ul-Hassan S., Khan S. U., Sheikh A., Ayub T., Mustansar A., Tabassum M. F. Impact of YouTube Usage on Sleep Quality and Cognitive Function in Efl Learners // Journal of Positive School Psychology. 2022. Vol. 6. No. 11. P. 190.

¹⁴ Кожухова К. Е. Китайский цифровой суверенитет — изоляция или самосохранение? // Возможности и угрозы цифрового общества : материалы конференции, Ярославль, 18–19 апреля 2024 г. Ярославль : Ярославский гос. ун-т имени П.Г. Демидова, 2024. С. 158.

¹⁵ Терентьева Л. В. Принципы установления территориальной юрисдикции государства в киберпространстве // Lex russica (Русский закон). 2019. № 7 (152). С. 121.

¹⁶ Балдицын П. В. Информационная война против России в The New York Times в 2023 году: лингвистический анализ // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2023. № 8 (4). С. 34.

¹⁷ Безруков А. О., Мамонов М. В., Сучков М. А., Сушенцов А. А. Суверенитет и «цифра» // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 2 (108). С. 113.

¹⁸ Пп. «г» п. 19 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

¹⁹ Сервисы, использующие ИИ для решения практических задач в области поиска, работы с текстом, обработки информации и оказания иных подобных услуг, могут также играть большую роль в распространении информации, однако в настоящей работе этот вопрос не рассматривается по соображениям ограничения объема статьи.

Социальное измерение проблемы доступа к иностранным интернет-платформам в контексте концепции информационного суверенитета

Обеспечение соблюдения информационного законодательства со стороны всех субъектов информационных правоотношений является одной из ключевых задач в области государственного управления информационными процессами и обеспечения национальной безопасности. «Выпадение» крупнейших информационных ресурсов из правового поля и при этом сохранение их влияния на информационные процессы, негативное когнитивное воздействие на граждан России является недопустимым. Тем не менее необходимы различные подходы для изучения вопроса об ограничении доступа к крупнейшим интернет-платформам с точки зрения обеспечения информационного потенциала государства.

В динамике последних 10–15 лет ситуация с блокировками крупных иностранных интернет-платформ усложняется быстрее, чем ухудшается геополитическая ситуация в целом. Так, 6 лет назад развернулся крупный кризис вокруг блокировки Telegram в России, который был отмечен массовыми протестами, после чего доступ к мессенджеру был восстановлен²⁰. Несмотря на блокировки, вызвавшие затруднение доступа к целому ряду других ресурсов, в том числе и Telegram, рост числа пользователей мессенджера в России продолжился и в конечном счете их число удвоилось по сравнению с моментом начала его блокировки²¹. Этот пример показывает, что меры по обеспечению информационного суверенитета, выраженные в ограничении деятельности интернет-платформ, не подчиняющихся требованиям законодательства, далеко не всегда достигают своих целей. На конкурентном рынке, когда граждане стремятся получить наиболее удобный и эффектив-

ный для их задач продукт, вопрос обеспечения национальной безопасности в информационном пространстве становится целиком и полностью государственной задачей. При этом государство в силу конституционных положений обязано обеспечить баланс между гарантиями свободы слова и защиты признаваемых законом интересов граждан и организаций, а также предупреждение распространения экстремизма, деструктивного контента и других угроз национальной безопасности. Дискуссия о том, соблюден ли рассматриваемый баланс в законотворчестве и правоприменении, в целом характерна для отечественного научного и гражданского дискурса²².

Значимым фактором в оценке регулирования и правоприменения является изучение общественного мнения по поводу блокировок интернет-ресурсов. Обратимся к данным социологии о реакции населения на частичную блокировку YouTube. По результатам всероссийского опроса 1,6 тыс. человек, проведенного коммуникационным агентством Win2Win Communications с помощью сервиса «ЯндексВзгляд», 77 % опрошенных заявили, что отрицательно относятся к замедлению сервиса YouTube²³. Согласно данным всероссийского телефонного опроса, проведенного агентством Russian Field, 62 % россиян отнеслись бы негативно к полной блокировке YouTube, при этом лишь 17 % опрошенных поддержали бы такое решение²⁴. Результаты таких опросов дают множество вариантов интерпретации, за исключением позитивной оценки соответствующих решений. Тем не менее представляется возможным указать на высокую значимость доступа к интернет-платформе и недостаточную реакцию на выдвинутые представителями государства аргументы в пользу необходимости ограничений со стороны респондентов. Из этого следует закономерный вопрос о том, в какой степени должно учитываться мнение граждан о

²⁰ Подробнее см.: История блокировки Telegram в России // URL: <https://tass.ru/info/8761201> (дата обращения: 19.05.2025).

²¹ «Запрет не сработал»: Дуров подвел итоги блокировки Telegram в России // URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/milliardery/403413-zapret-ne-srabotal-durov-podvel-itogi-blokirovki-telegram-v-Rossii> (дата обращения: 19.05.2025).

²² Горлов Е. В., Шириня А. А. Основные правовые механизмы защиты конституционного права на свободу мысли и слова в современной России // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8. № 4. С. 23.

²³ URL: <https://iom.anketolog.ru/2023/11/19/v-kakih-socsetyah-rossiyane-provodyat-bol-she-vremeni> (дата обращения: 19.05.2025).

²⁴ URL: https://t.me/russian_field_soc/1871 (дата обращения: 19.05.2025).

конкретных мерах по обеспечению информационного суверенитета? В законодательстве он пока не отражен, не отражена также роль гражданского общества в данном процессе.

Отметим, что существуют социологические данные о том, что мотивы мер по блокировке доступа к тем или иным платформам остаются непонятными большинству граждан. Данный вывод следует из результатов опроса «Левада-центра» (признан иностранным агентом) от мая 2022 г., когда были заблокированы платформы Facebook и Instagram после признания их владельца — корпорации Meta экстремистской организацией. В частности, 46 % респондентов не поддерживали блокировку, а среди тех, кто поддержал (32 %), лишь 19 % причиной назвали пропаганду / информационную войну против России²⁵. Следует также отметить, что в целом россияне скорее не готовы отказываться от удобных для них платформ: лишь 40 % респондентов ответили, что прекратили пользоваться запрещенными в России ресурсами, по данным опроса НПФ «Открытие», проведенного в апреле 2023 г.²⁶

Важным аспектом рассматриваемого вопроса является отношение к данным мерам молодых людей от 18 до 29 лет. Например, в этой возрастной группе к блокировке YouTube негативно относится 81 %²⁷. Сходная тенденция прослеживалась и в ситуации с блокировкой Telegram, когда доля молодых респондентов (18–24 года), называвших важным сохранение доступа к Telegram, вдвое превышала показатель в среднем по всем возрастным группам²⁸.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что проблема блокировки иностранных интернет-платформ сохраняет протестный потенциал

даже в условиях крупных геополитических вызовов, когда в целом доверие к власти растет²⁹. При этом нельзя сказать, что молодежь требует невозможного. Так, основными принципами Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы³⁰ являются: обеспечение прав граждан на доступ к информации, а также обеспечение свободы выбора средств получения знаний при работе с информацией. То есть граждане ждут обеспечения на практике данных принципов. При этом следует согласиться с тезисом, высказанным в п. 17 Стратегии, что большинство государств вынуждены на ходу адаптировать государственное регулирование сферы информации. Однако правовая политика в этой области выражается в том, что основным инструментом является применение блокировок несмотря на негативную реакцию общества — во многом из-за отсутствия эффективных альтернатив. Недостатки этого подхода уже отмечались в отечественной литературе³¹.

Проблемные практики интернет-платформ как угроза информационному потенциалу государства

Изучив социальные факторы ограничения доступа к иностранным интернет-платформам, которые показывают скорее отрицательное отношение к действующей правовой политике, следует изучить обратную сторону вопроса, т.е. непосредственные предпосылки для ограничения доступа к интернет-платформам, вводимых государством.

Исследователи констатируют, что тенденция к усилению контроля над интернет-платформа-

²⁵ URL: <https://t.me/oizmedia/504> (дата обращения: 19.05.2025).

²⁶ URL: <https://tass.ru/obschestvo/17522429> (дата обращения: 19.05.2025).

²⁷ URL: https://t.me/russian_field_soc/1871 (дата обращения: 19.05.2025).

²⁸ Опрос ВЦИОМа показал важность доступа к Telegram для четверти россиян // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5aded1d49a7947aee1258ae4> (дата обращения: 19.05.2025).

²⁹ По данным ВЦИОМ, если рейтинг доверия к президенту России В. В. Путину в декабре 2021 г. составлял 63,6 %, то в декабре 2023 г. уже 79,7 %, а в октябре 2024 г. — 78,5 %. См.: URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-20211217>; <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-22122023>; <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-25102024> (дата обращения: 19.05.2025).

³⁰ Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».

³¹ Кефели И. Ф., Мальмберг С. А. Информационный потенциал государства как основа информационного суверенитета // Управленческое консультирование. 2019. № 1 (121). С. 30.

ми как средствами распространения информации является общемировой³².

Переходя к описанию и оценке деструктивных практик, прежде всего нужно отметить их глубоко скрытый, замаскированный характер, который до недавнего времени был способен вводить в заблуждение не только обывателей, но и экспертов. До смены президентской администрации в США в январе 2025 г. интернет-платформы упорно отрицали проведение политики цензуры, указывая, что осуществляют «борьбу с фейк-ньюз³³ и языком ненависти»³⁴. Действительно, сама природа высказывания в Сети часто может иметь конфликтный характер, выражать неодобрение, критику, порицание, гнев, поскольку Интернет предоставляет возможность транслировать эмоциональные высказывания без сдерживающих факторов, которые существуют в реальном пространстве, в том числе благодаря иллюзорной анонимности³⁵. Данный фактор дает интернет-платформам значительный простор для проведения собственной политики модерации, тем более что большая часть государств с неолиберальными режимами прямо подталкивают интернет-платформы к осуществлению такой политики, принимая жесткие законодательные требования в отношении недопущения распространения так называемого языка ненависти³⁶. Следует согласиться с тезисом о том, что ненависть, вражда, национальная рознь, непристойные материалы, порнография, шокирующий кон-

тент, мошенничество, контент, нарушающий авторские права, должны ограничиваться или полностью удаляться в соответствии с национальным законодательством.

Тем не менее после публичного признания вице-президента США Дж. Д. Вэнса в ходе Мюнхенской конференции по безопасности 15 февраля 2025 г. в том, что «предыдущая администрация угрожала и запугивала социальные сети, чтобы осуществлять цензуру», а также в том, что «наше собственное правительство поощряло частные компании заставлять молчать людей, которые осмеливались произнести то, что оказалось очевидной истиной»³⁷, дискуссия о существовании в США политической цензуры интернет-платформ (Цензура 2.0) может считаться завершенной.

Однако важно понимать, в чем конкретно выражаются проблемные практики интернет-платформ, дабы противодействовать им предметно. Хороший иллюстративный исследовательский материал дают признания старшего инженера корпорации Meta Дж. Гьявали, не знавшего, что говорит в условиях съемки скрытой камерой³⁸. В ходе беседы с журналисткой, работавшей под прикрытием, он раскрыл ряд практик Цензуры 2.0 в области модерации контента и работы рекомендательных алгоритмов. В частности, он подтвердил, что Facebook применяет специальные алгоритмы для резкого снижения количества показов публикаций и охвата аудитории пользователей, если

³² Зиновьева Е. С., Булга В. И. Цифровой суверенитет Европейского Союза // Современная Европа. 2021. № 2 (102). С. 46.

³³ Русскоязычные толковые словари не содержат определения данного термина. Англоязычный Кембриджский толковый дает следующее определение термина «фейковые новости» (англ. fake news) — ложные истории, которые кажутся новостями, распространяемые через Интернет или иными способами, создаваемые для того, чтобы влиять на политические события или в качестве шутки. Подробнее о термине см.: Дискин Е. И. Фейковые новости как политико-правовой феномен // Закон. 2022. № 3. С. 108–120. DOI: 10.37239/0869-4400-2022-18-3-108-120.

³⁴ Facebook CEO Mark Zuckerberg pushes back against claims of anti-conservative censorship // URL: <https://www.cnet.com/news/politics/facebook-ceo-mark-zuckerberg-pushes-back-against-claims-of-conservative-censorship/> (дата обращения: 19.05.2025).

³⁵ Mondal M., Silva L. A., Correa D., Benevenuto F. Characterizing usage of explicit hate expressions in social media // New Review of Hypermedia and Multimedia. 2018. No. 24(2). P. 115.

³⁶ Siyuan C. Regulating online hate speech: the Singapore experiment // International Review of Law, Computers & Technology. 2023. No. 38(2). P. 131.

³⁷ The Speech That Stunned Europe. U. S. Vice President J. D. Vance's remarks at the Munich Security Conference // URL: <https://foreignpolicy.com/2025/02/18/vance-speech-munich-full-text-read-transcript-europe/> (дата обращения: 19.05.2025).

³⁸ Facebook engineer admits site 'automatically demotes' anti-Kamala posts to 'help the Democrats' // URL: <https://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-13970987/Facebook-engineer-admits-site-automatically-demotes-anti-Kamala-posts-help-Democrats.html> (дата обращения: 19.05.2025).

они позволяют себе критику президентской администрации Байдена и, в частности, кандидата в президенты К. Харрис (статус на момент записи). Дж. Гьявали отметил, что «если, например, ваш дядя из Огайо говорит, что Харрис не подходит для должности президента, потому что бездетна», то такое сообщение будет практически невидимо для других пользователей. Он также упомянул, что у компании существует специализированный механизм, названный Civic classifier (англ. Классификатор общественных данных), который обеспечивает удаление и сокращение показов «нежелательного контента». По словам Гьявали, внутри Facebook данный процесс называется red listing, т.е. буквально применение «красных списков» [запрещенной информации]. Обращает на себя внимание и тот факт, что на прямой вопрос, являются ли обсуждаемые практики помощью для избирательной кампании Камалы Харрис на пост президента, он ответил утвердительно.

Отметим, что одним из первых указов после повторного вступления в должность президента США Д. Трампа является Указ «О восстановлении свободы слова и прекращении федеральной цензуры»³⁹ (Указ о свободе слова), который признает, что «государство заставляло интернет-платформы осуществлять цензуру под видом борьбы с дезинформацией, продвигая необходимый ему нарратив» (п. 1).

Эти факты подтверждают претензии Российской Федерации относительно деструктивной политики цензуры со стороны иностранных интернет-платформ⁴⁰, однако их недостаточно с точки зрения защиты интересов российских пользователей. В качестве жертв репрессивной информационной политики указаны только

граждане США. Буквальное толкование текста Указа о свободе слова показывает, что он не требует восстановления в правах граждан других государств и требует лишь прекращения государственного вмешательства в деятельность интернет-платформ, но не прекращения цензуры как таковой.

Между тем число случаев применения Цензуры 2.0 в отношении российских граждан весьма велико. Характерным примером можно назвать случай, когда социальная сеть Twitter отчиталась об удалении 100 российских аккаунтов, действия которых были направлены на «ослабление стабильности и надежности НАТО»⁴¹. В 2020 г. подобным образом тот же Twitter «отменил» более тысячи аккаунтов, якобы связанных с Россией, за «распространение неоригинальной политической информации в интересах властей»⁴². Примечательно, что такие действия активно синхронизируются с политикой недружественных государств, когда сначала происходит введение санкций против российских медиа, а затем удаление их аккаунтов из соответствующих социальных сетей, как это произошло с аккаунтами медиагруппы «Россия сегодня» и Russia Today в сентябре 2024 г.⁴³

Практики Цензуры 2.0 являются угрозой для информационного суверенитета России. Признание факта их существования со стороны новой администрации США является существенным шагом в восстановлении прав российских пользователей и должно стать поводом для переосмысления соответствующей политики. Поскольку было признано, что интернет-платформы США осуществляли цензуру в Интернете под давлением администрации Байдена,

³⁹ Executive Order: Restoring Freedom of Speech and Ending Federal Censorship // URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/restoring-freedom-of-speech-and-ending-federal-censorship/> (дата обращения: 19.05.2025).

⁴⁰ Об этой проблеме подробно говорил заместитель председателя Совета безопасности Российской Федерации Д. А. Медведев: «Мы им неоднократно говорили, что вы какой-то баланс держите. Но нет. Они что хотят? Они хотят нас изолировать. Чтобы наш голос не был слышен нигде». См.: Дмитрий Медведев: Зарубежные интернет-платформы хотят изолировать жителей России, потому что их голос более убедителен // URL: <https://er.ru/activity/news/dmitrij-medvedev-zarubezhnye-internet-platformy-hotyat-izolirovat-zhitelej-Rossii-potomu-chto-ih-golos-bolee-ubeditelen> (дата обращения: 19.05.2025).

⁴¹ Twitter объявил о блокировке 100 связанных с Россией аккаунтов // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/603549629a7947cf3e3eae1d?from=soru> (дата обращения: 19.05.2025).

⁴² Шмырова Валерия. Twitter блокирует пользователей, пишущих кириллицей, как «русских троллей» // URL: https://www.cnews.ru/news/top/2018-0523_twitter__blokiruet_vsehkto_ispolzuet_kirillitsu (дата обращения: 19.05.2025).

⁴³ Подробнее см.: Песков назвал недопустимой блокировку российских СМИ // URL: <https://www.kommer sant.ru/doc/7161734> (дата обращения: 19.05.2025).

то необходима смена приоритетов в правовой политике по данному вопросу. От подхода, выражающегося в безусловной блокировке соответствующих платформ, — к преследованию конкретных лиц из предыдущей администрации, ответственных за приказы о такой противоправной деятельности, а также руководителей интернет-платформ, отвечавших за их выполнение. Необходимо также включить данный вопрос в диалог о нормализации отношений между Россией и Соединенными Штатами, тем более что он будет логичным продолжением соответствующей политики действующей администрации.

Выводы

Проанализированные данные о развитии регулирования иностранных интернет-платформ, их влияние на российское информационное пространство, анализ общественного мнения по отношению к блокировкам и выявление фактов, подтверждающих цензуру со стороны интернет-платформ, позволяют сделать ряд выводов.

Текущая регуляторная политика, направленная на повышение информационного потенциала России, одновременно и недостаточно эффективна, и создает ряд политических рисков, повышая протестный потенциал. Цели и задачи блокировок иностранных интернет-платформ недостаточно понятны гражданам, гражданское общество в недостаточной степени привлекается к выработке соответствующей политики.

Одновременно с этим заявления представителей российского государства о наличии в действиях иностранных интернет-платформ цензуры совсем недавно получили подтверждение на уровне законодательства США, что свидетельствует о необходимости противодействия

такой политике. По сути, интернет-платформы осуществляют «деконструкцию международной субъектности России, ее права выступать полноправным участником международных отношений»⁴⁴. Это достигается рядом последовательных мер по удалению и подавлению информации, которая соответствует государственным нарративам в области международной и внутренней политики Российской Федерации, вопросам истории и культуры, продвижением деструктивной информации, направленной на разрушение традиционных ценностей, закрепленных в Конституции РФ, межнационального и межконфессионального мира.

Однако подтверждение того факта, что указанные действия предпринимались по принуждению со стороны предыдущей президентской администрации США, могло бы являться поводом для пересмотра политики блокировок, т.к. она не может достигнуть своей цели — изменения политики глобальных интернет-платформ. Необходима индивидуализация ответственности за злоупотребление властью в целях нанесения ущерба интересам Российской Федерации как со стороны функционеров правительства, так и со стороны руководителей интернет-платформ. В данном случае вполне возможно рассчитывать на сотрудничество новой президентской администрации в рамках продолжения политики прекращения цензуры, сделав этот вопрос частью переговорного процесса о восстановлении отношений.

Отдельно отметим, что на законодательном уровне не достигнута должная терминологическая ясность, т.к. в российском законодательстве до сих пор не отражено понятие «информационный суверенитет», что не позволяет в полной мере формулировать задачи по его защите и оценивать эффективность соответствующих мер, тем самым снижается информационный потенциал государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балдицын П. В. Информационная война против России в The New York Times в 2023 году: лингвистический анализ // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2023. № 8 (4). С. 32–39. URL: <https://cmd-journal.hse.ru/article/view/18496> (дата обращения: 19.05.2025).

Безруков А. О., Мамонов М. В., Сучков М. А., Сушенцов А. А. Суверенитет и «цифра» // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 2 (108). С. 106–119.

⁴⁴ Царик В. С. Борьба с «российской дезинформацией» в публичном позиционировании западных институтов: анализ официальных сайтов НАТО и Европейского Союза // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. № 6. С. 109.

Горлов Е. В., Шириня А. А. Основные правовые механизмы защиты конституционного права на свободу мысли и слова в современной России // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8. № 4. С. 20–25.

Ефремов А. А. Государственный суверенитет в информационном пространстве: проблемы правового обеспечения // Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы : сборник докладов XIII Московской юридической недели, Москва, 21–24 ноября 2023 г. : в 4 ч. М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024. С. 140–142.

Зиновьева Е. С., Булга В. И. Цифровой суверенитет Европейского Союза // Современная Европа. 2021. № 2 (102). С. 40–49.

Кефели И. Ф., Мальмберг С. А. Информационный потенциал государства как основа информационного суверенитета // Управленческое консультирование. 2019. № 1 (121). С. 29–39.

Кожухова К. Е. Китайский цифровой суверенитет — изоляция или самосохранение? // Возможности и угрозы цифрового общества : материалы конференции, Ярославль, 18–19 апреля 2024 г. Ярославль : Ярославский гос. ун-т имени П.Г. Демидова, 2024. С. 158–164.

Терентьева Л. В. Принципы установления территориальной юрисдикции государства в киберпространстве // Lex russica (Русский закон). 2019. № 7 (152). С. 119–129.

Царик В. С. Борьба с «российской дезинформацией» в публичном позиционировании западных институтов: анализ официальных сайтов НАТО и Европейского Союза // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-rossiyskoy-dezinformatsiey-v-publichnom-pozitsionirovanii-zapadnyh-institutov-analiz-ofitsialnyh-saytov-nato-i-evropeyskogo> (дата обращения: 19.05.2025).

Cherry B. A. Escalating Instability of Network Neutrality Policy in the U.S. // Applied Economics in the Digital Era / ed. by J. Alleman, P. Rappoport, M. Hamoudia. Cham : Palgrave Macmillan, 2020.

Mahmood-ul-Hassan S., Khan S. U., Sheikh A., Ayub T., et al. Impact of YouTube Usage on Sleep Quality and Cognitive Function in Efl Learners // Journal of Positive School Psychology. 2022. Vol. 6. No. 11. P. 189–199. URL: <https://journalppw.com/index.php/jpsp/article/download/13876/8983/16917> (дата обращения: 19.05.2025).

Mondal M., Silva L. A., Correa D., Benevenuto F. Characterizing usage of explicit hate expressions in social media // New Review of Hypermedia and Multimedia. 2018. No. 24(2). P. 110–130. URL: <https://doi.org/10.1080/13614568.2018.1489001> (дата обращения: 19.05.2025).

Siyuan C. Regulating online hate speech: the Singapore experiment // International Review of Law, Computers & Technology. 2023. No. 38(2). P. 119–139. URL: <https://doi.org/10.1080/13600869.2023.2295091> (дата обращения: 19.05.2025).

REFERENCES

Balditsyn PV. The Information War in the New York Times in 2023: A Linguistic Analysis. *Communications. Media. Design*. 2023;8(4):32-39. Available at: <https://cmd-journal.hse.ru/article/view/18496> [Accessed 19.05.2025]. (In Russ.).

Bezrukov AO, Mamonov MV, Suchkov MA, Sushentsov AA. Russia in the Digital World: International Competition and Leadership. *Russia in Global Affairs*. 2021;19(2):64-85. (In Russ.).

Cherry BA. Escalating Instability of Network Neutrality Policy in the U.S. In: Alleman J, Rappoport P, Hamoudia M Cham (eds.). *Applied Economics in the Digital Era*. Palgrave Macmillan Publ.; 2020.

Efremov AA. State sovereignty in the information space: problems of legal support. Legal Support of the Sovereignty of Russia: Problems and Prospects. Proceedings of the 13th Moscow Legal Week, Moscow, November 21–24, 2023. In 4 Parts. Kutafin University (MSAL) Publ.; 2024. (In Russ.).

Gorlov EV, Shirinya AA. Main legal mechanisms for the protection of the constitutional right to freedom of thought and speech in modern Russia. *Juridical Journal of Samara University*. 2022;8(4):20-25. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-4-20-25>.

Kefeli IF, Malmberg SA. Information potential of the state as the basis of information. *Administrative Consulting*. 2019;1(121):29-39. (In Russ.).

Kozhukhova KE. Chinese Digital Sovereignty: Isolation or Self-Preservation? Opportunities and Threats of Digital Society: Conference Proceedings. Yaroslavl, April 18–19, 2024, p. 158–164. P.G. Demidov Yaroslavl State University Publ.; 2024. (In Russ.).

Mahmood-ul-Hassan S, Khan SU, Sheikh A, Ayub T, et al. Impact of YouTube Usage on Sleep Quality and Cognitive Function in Efl Learners. *Journal of Positive School Psychology*. 2022;6(11):189-199. Available at: <https://journalppw.com/index.php/jpsp/article/download/13876/8983/16917> [Accessed 19.05.2025].

Mondal M, Silva LA, Correa D, Benevenuto F. Characterizing usage of explicit hate expressions in social media. *New Review of Hypermedia and Multimedia*. 2018;24(2):110-130. Available at: <https://doi.org/10.1080/13614568.2018.1489001> [Accessed 19.05.2025].

Siyuan C. Regulating online hate speech: the Singapore experiment. *International Review of Law, Computers & Technology*. 2023;38(2):119-139. Available at: <https://doi.org/10.1080/13600869.2023.2295091> [Accessed 19.05.2025].

Terentyeva LV. Principles of Establishing the Territorial Jurisdiction of the State in Cyberspace. *Lex russica*. 2019;7(152):119-129. (In Russ.).

Tsarik VS. Fighting against «Russian disinformation» in public positioning of Western institutions: analysis of official sites of NATO and the European Union. *Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2019;6:109-125. (In Russ.).

Zinovieva ES, Bulva VI. Digital sovereignty of the European Union. *Modern Europe*. 2021;2(102):40-49. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дискин Евгений Иосифович, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Международной лаборатории цифровой трансформации в государственном управлении Института государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ
д. 11, Мясницкая ул., г. Москва 101000, Российская Федерация
ediskin@hse.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniy I. Diskin, Cand. Sci. (Law), Senior Researcher, International Laboratory for Digital Transformation in Public Administration, Institute of Public and Municipal Administration, National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russian Federation
ediskin@hse.ru

Материал поступил в редакцию 19 мая 2025 г.

Статья получена после рецензирования 19 июня 2025 г.

Принята к печати 15 августа 2026 г.

Received 19.05.2025.

Revised 19.06.2025.

Accepted 15.08.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.238.9.033-047

Д. В. Князев

Западно-Сибирский филиал Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева
г. Томск, Российская Федерация

Электронные доказательства в гражданском процессе США

Резюме. В статье представлен анализ практики обращения с электронными доказательствами (ESI) в гражданском процессе США. Выделены ключевые элементы их раскрытия: выявление, хранение, обработка, анализ и передача данных. Обоснована критическая роль режима litigation hold и метаданных в обеспечении подлинности и целостности доказательств. Показано, что неисполнение обязанностей по сохранению ESI влечет серьезные процессуальные санкции. Особое внимание уделено технологии автоматизированного анализа данных (TAR), трансформирующей подход к рецензированию документов: продемонстрирована как ее эффективность, так и уязвимость к манипуляциям (в частности, через изменение обучающего набора). Отмечено, что использование TAR требует высокой технической подготовки юристов и вызывает споры о допустимости раскрытия алгоритмов. Подчеркнута необходимость предварительной договоренности сторон по вопросам форматов передачи ESI и защиты конфиденциальной информации. В статье критически оценивается высокая стоимость e-discovery и указывается на риски, связанные с неравенством доступа к технологиям. Анализ американского опыта раскрывает потенциал и ограничения цифровых инструментов доказывания и может служить ориентиром для реформирования аналогичных процедур в российском гражданском процессе.

Ключевые слова: гражданский процесс США; раскрытие доказательств; электронные доказательства; цифровизация; метаданные

Для цитирования: Князев Д. В. Электронные доказательства в гражданском процессе США. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 9. С. 33–47. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.238.9.033-047

Electronic Evidence in U.S. Civil Procedure

Dmitriy V. Knyazev

West Siberian Branch

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

Tomsk, Russian Federation

Abstract. This paper analyses handling electronic evidence, or electronically stored information (ESI), in U.S. civil procedure. The author describes the principal stages of e-discovery: identification, preservation, processing, reviewing, and data transferring. The paper substantiates critical role of litigation holds and metadata in ensuring the authenticity and integrity of evidence. It demonstrates that a failure to comply with ESI preservation obligations may result in serious procedural sanctions. Particular attention is devoted to technology-assisted review (TAR) that has transformed document-review practices. The author examines both its efficiency and its susceptibility to manipulation, including through modifications to the training dataset. It is noted that the use of TAR requires lawyers to possess substantial technical expertise and gives rise to disputes concerning the disclosure of algorithms. The paper emphasizes the need for the parties to reach prior agreement on ESI-production formats and the protection of confidential information. It critically assesses the high cost of e-discovery and identifies risks associated with unequal access to relevant technologies. The analysis of U.S. practice reveals both the potential and the limitations of digital evidentiary tools and may serve as a reference point for reforming analogous procedures in Russian civil procedure.

© Князев Д. В., 2026

Keywords: United States Civil Procedure; disclosure of evidence; electronic evidence; digitalization; metadata
Cite as: Knyazev DV. Electronic Evidence in U.S. Civil Procedure. *Lex russica*. 2026;79(9):33-47. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.238.9.033-047

Введение

В условиях сложной международной обстановки и продолжающихся недружественных действий США в отношении Российской Федерации анализ правовой системы США требует особенно взвешенного подхода. Практика США в сфере обращения с электронными доказательствами представляет собой высокоразвитую, оформленную на институциональном уровне модель, которая заслуживает внимательного изучения в целях совершенствования отечественного гражданского процесса. С развитием технологий объемы электронных данных значительно увеличились, что привело к необходимости их использования в судебных процессах. Как верно отмечается в литературе, «российский законодатель весьма осторожно подходит к использованию электронной информации, констатируя существование документов в электронной форме как разновидности письменных доказательств»¹. В отечественной доктрине не сложилось единого понимания электронных доказательств, их места в системе остальных средств доказывания², а также соотношения со смежными категориями, такими как электронный документ³. При этом трудно не согласиться с мнением С. Ф. Афанасьева и В. Ф. Борисовой о том, что электронные дока-

зательства не ограничиваются электронными документами⁴.

В США электронные доказательства стали неотъемлемой частью современных судебных процессов⁵ и во многих случаях играют ключевую роль. Бизнес, государственные структуры и частные лица всё активнее переходят на цифровые формы общения и документооборота. Сегодня значительная часть коммерческой переписки, договоров, технической документации и финансовой отчетности существует исключительно в электронном виде. Поэтому вопросы, связанные с выявлением, сохранением и анализом таких данных, приобретают особую важность и напрямую влияют на исход судебных разбирательств. Серия дел *Zubulake*⁶ сыграла ключевую роль в формировании современных стандартов в области раскрытия электронных доказательств (e-discovery) и обращения с ними. На компании была возложена обязанность не только разрабатывать четкие политики хранения данных, но и регулярно обучать персонал, а также внедрять технологии, обеспечивающие эффективное управление информацией. Судебные решения по этим делам сформировали принципы, которые до сих пор применяются при решении вопросов, связанных с хранением, поиском и представлением электронных доказательств, и которые

¹ Российские процессуалисты о праве, законе и судебной практике : к 20-летию Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : монография / Д. Б. Абушенко, М. А. Алиэскеров, Т. К. Андреева [и др.] ; отв. ред. В. В. Молчанов. М. : Статут, 2023. 480 с. (автор очерка — М. А. Фокина).

² Проблемы реализации принципов гражданского судопроизводства в правоприменительной деятельности : монография / Н. В. Алексеева, С. Т. Багыллы, А. В. Белякова [и др.] ; отв. ред. В. М. Жуйков, С. С. Завриев. М. : Норма, Инфра-М, 2024. 416 с.

³ Ярошенко Т. В. Правовая природа электронных доказательств в гражданском процессе: некоторые проблемные вопросы // Российский судья. 2022. № 9. С. 9–13.

⁴ Очерки современного цивилистического процесса : In Memoriam заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Тамары Евгеньевны Абовой / под ред. Е. И. Носыревой, И. Н. Лукьяновой, Д. Г. Фильченко. М. : Статут, 2023. 324 с. (авторы очерка — С. Ф. Афанасьев, В. Ф. Борисова).

⁵ Garrie D. B., Gelb D. K. An Argument for Uniform E-Discovery Practice in Cross-Border Civil Litigation // Journal of Business & Technology Law. 2012. Vol. 7. No. 2. P. 341.

⁶ Zubulake I: Zubulake v. UBS Warburg LLC, 217 F.R.D. 309 (S.D.N.Y. 2003) // URL: <https://casetext.com/case/zubulake-v-ubs-warburg-llc-6> (дата обращения: 09.07.2025) ; Zubulake IV: Zubulake v. UBS Warburg LLC, 220 F.R.D. 212 (S.D.N.Y. 2003) // URL: <https://casetext.com/case/zubulake-v-ubs-warburg-llc-5> (дата обращения: 09.07.2025) ; Zubulake V: Zubulake v. UBS Warburg LLC, 229 F.R.D. 422 (S.D.N.Y. 2004) // URL: <https://www.quimbee.com/cases/zubulake-v-ubs-warburg-llc-zubulake-iv> (дата обращения: 09.07.2025).

легли в основу последующих изменений в Федеральных правилах гражданского процесса США (далее — ФПГП).

В настоящее время информация в электронной (цифровой) форме, обозначаемая как Electronically Stored Information (ESI), представляет собой особую категорию доказательств (правило 34 ФПГП). ESI охватывает все данные, хранящиеся в электронном виде и размещенные на любых цифровых носителях или в компьютерных системах, откуда их можно извлечь и прочитать — либо напрямую, либо с помощью программной конвертации. К числу таких данных относятся электронная почта, электронные таблицы, текстовые документы, цифровые изображения, аудио- и видеозаписи, базы данных, сообщения из мессенджеров, публикации и комментарии в социальных сетях, а также любые другие форматы, появляющиеся с развитием технологий. ESI включает также динамические данные, поступающие из операционных систем, облачных платформ и специализированных программных сред.

Особенность ESI заключается в том, что такие данные зачастую требуют специализированного программного обеспечения или оборудования для доступа. Согласно правилу 34, к ESI относятся не только видимые пользователю части документов, но и невидимые структурные элементы, включая метаданные, а также разные версии файлов. Таким образом, ESI охватывает весь спектр цифровой информации: от системных журналов (лог-файлов) и электронной переписки до комплексных баз данных и

данных, извлекаемых из современных IT-систем и облачных платформ.

Седонские принципы — авторитетное руководство по управлению и раскрытию электронной информации в гражданском процессе США⁷, для разработки которого объединились известные судьи, адвокаты, а также специалисты в области информационных технологий⁸. Названное руководство фактически дополняет нормы ФПГП и в настоящий момент является стандартом для судов и сторон при обращении с электронными доказательствами.

Однако обращение с электронными данными в судебном процессе сопряжено с рисками и трудностями. Одна из главных проблем — высокие расходы на выявление, обработку и передачу цифровой информации. В условиях постоянно растущего объема данных это особенно актуально. В США, где действует «американское правило» в отношении судебных расходов (судебные расходы не переносятся на другую сторону⁹), затраты на e-discovery могут быть настолько велики, что стороны предпочитают урегулировать спор вне суда¹⁰. Объемы электронных данных, генерируемые крупными корпорациями, могут достигать десятков миллионов сообщений в месяц¹¹, что делает сбор и анализ такой информации крайне затратными. Это вынуждает компании избегать судебных разбирательств, даже если их позиции достаточно сильны¹². Высокие расходы на e-discovery подрывают принципы доступности правосудия и равенства сторон¹³, особенно с учетом того, что суды в разных округах США применяют

⁷ Седонские принципы разработаны организацией The Sedona Conference (г. Седона, Аризона) для повышения эффективности правосудия. Первая версия Седонских принципов появилась в начале 2000-х гг. и с тех пор регулярно обновляется с учетом технологического развития и изменений в правовой системе (см.: The Sedona Principles, Third Edition: Best Practices, Recommendations & Principles for Addressing Electronic Document Production // The Sedona Conference Journal. 2018. Vol. 19. URL: <https://thesedonaconference.org/sites/default/files/publications/The%20Sedona%20Principles%20Third%20Edition.19TSCJ1.pdf>).

⁸ Международный коммерческий арбитраж : учебник / С. А. Абесадзе, Т. К. Андреева, В. Н. Ануров [и др.] ; отв. ред. Т. А. Лунаева ; науч. ред. О. Ю. Скворцов, М. Ю. Савранский, Г. В. Севастьянов. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Редакция журнала «Третейский суд» ; М. : Статут, 2018. Вып. 9. 965 с.

⁹ См.: Князев Д. В. Оплата юридических услуг в гражданском процессе США: гонорар успеха, американское правило и их влияние на судебную нагрузку // Вестник СПбГУ. Право. 2021. Т. 12. Вып. 3.

¹⁰ Harte G. H. Electronic Discovery in Civil Litigation: Avoiding Surprises in Cost Shifting Decisions // Seton Hall Circuit Review. 2016. Vol. 12. No. 2. P. 272.

¹¹ Kourlis R. L. et al. Navigating the Hazards of E-Discovery: A Manual for Judges in State Courts Across the Nation. 2nd ed. Denver : Institute for the Advancement of the American Legal System, University of Denver, 2012. P. 5–6.

¹² Ong J. M. Another Step in the Evolution of E-Discovery: Amendments of the Federal Rules of Civil Procedure Yet Again? // Boston University Journal of Science & Technology Law. 2012. Vol. 18.

¹³ Harte G. H. Op. cit. P. 273.

различные подходы к распределению этих затрат¹⁴.

Сохранность электронных доказательств — также важная проблема. Компании часто используют автоматическое удаление устаревших данных, что может привести к потере ценной информации. Для предотвращения этого используется механизм litigation hold (см. ниже), обязывающий стороны сохранять потенциально релевантные данные с момента, когда возникает вероятность судебного спора. Доступность и возможность восстановления электронных данных зависят от способа хранения. Так, архивы и резервные копии требуют специальных технических решений. Особое значение приобретают метаданные, содержащие сведения о происхождении и изменениях файла. Они могут быть полезны в деле, но их обработка требует дополнительных ресурсов и экспертизы, так как метаданные легко повреждаются¹⁵.

Разнообразие форматов хранения также усложняет процесс. Резервные копии данных — это часто несортированный массив информации, сравнимый с горами бумажных документов, где поиск нужных сведений требует значительных усилий¹⁶. Дополнительную сложность представляет информация, хранящаяся в устаревших системах, доступ к которым возможен только с помощью специальных инструментов¹⁷.

Серьезный риск связан с возможным нарушением конфиденциальности и адвокатской тайны. При сборе данных существует вероятность случайного раскрытия защищенной информации. Без применения таких механизмов, как соглашение clawback, ее отозвать сложно. Современные технологии хранения — облачные сервисы и распределенные базы — усложняют защиту информации, требуя тесного взаимодействия юристов и IT-специалистов.

Американская практика показывает, что основные проблемы на стадии раскрытия доказа-

тельств особенно ярко проявляются при работе с электронными данными. Стороны нередко запрашивают чрезмерный объем информации, что приводит к значительному увеличению затрат и перегрузке судов. Опасаясь обвинений в небрежности, адвокаты стремятся собрать как можно больше данных¹⁸, включая те, что не имеют реальной ценности для дела. Это приводит к избыточной обработке бесполезной информации, подрывая принципы справедливости и доступности правосудия¹⁹. Ответы на запросы о раскрытии доказательств часто носят формальный характер: стороны выдвигают многочисленные возражения и предоставляют минимальный объем информации. В результате процедура превращается в затянутое процессуальное противостояние, отдаляющее участников от сути спора. Суды перегружены разбирательствами, связанными с раскрытием, что увеличивает расходы и затягивает рассмотрение дел. Возникает ощущение, что само раскрытие стало самоцелью, а не инструментом установления истины²⁰.

Основная часть

В гражданском процессе США процедура e-discovery представляет собой самостоятельную стадию процесса, охватывающую выявление, сохранение, обработку и передачу электронных данных, имеющих значение для спора.

Сохранение информации (litigation hold). Потенциально важные для дела электронные данные сразу после возникновения обстоятельств, из которых следует возможность судебного разбирательства, должны быть сохранены сторонами. Litigation hold — особый режим сохранения всех потенциально значимых документов и электронных данных. Должная забота о сохранении данных предполагает, что стороны обязаны предпринимать разум-

¹⁴ См. об этом: *Harte G. H.* Op. cit. P. 272 ; *Tennis B. T.* Cost-Shifting in Electronic Discovery // *Yale Law Journal*. 2010. Vol. 119. No. 6.

¹⁵ *Kourlis R. L.* et al. Op. cit. P. 8–9.

¹⁶ *Kourlis R. L.* et al. Op. cit. P. 5–6.

¹⁷ *Beisner J. H.* Discovering a Better Way: The Need for Effective Civil Litigation Reform // *Duke Law Journal*. 2010. Vol. 60. No. 3. P. 566.

¹⁸ *Rispoli S. L.* et al. When to Leave the Stones Unturned: Using Proportionality to Navigate Discovery Efficiently, Effectively, and Ethically // *Marquette Law Review*. 2023. Vol. 107. No. 2. P. 495.

¹⁹ *Rispoli S. L.* et al. Op. cit. P. 496.

²⁰ См.: *Matthewman W.* Towards a New Paradigm for E-Discovery in Civil Litigation: A Judicial Perspective // *Florida Law Review*. 2020. Vol. 71. No. 5. P. 1263–1266.

ные усилия для сохранения информации, которая может быть потенциально релевантной для судебного процесса²¹. В ФПГП прямо не указано, когда возникает обязанность сохранять данные. В деле *Zubulake* суд подчеркнул, что необходимость сохранения электронных доказательств может возникнуть не только с момента официального предъявления иска, но и уже тогда, когда лицо разумно предвидит (*reasonable anticipation*), что дело может дойти до суда: как только компания или физическое лицо осознают реальную вероятность судебного разбирательства, они должны незамедлительно принять меры для предотвращения уничтожения или утраты данных, которые могут оказаться важными в будущем процессе; уже в этот момент стандартная практика удаления электронных документов должна быть приостановлена. В литературе отмечается, что эта практика широко применяется в США, так как в условиях большого объема и разнообразия электронной информации есть риск непреднамеренной или умышленной утраты доказательств. Основная цель процедуры заключается в соблюдении сторонами обязательства по сохранению доказательств, которые могут иметь значение для будущего разбирательства. При этом уведомление может касаться как тех данных, к которым имеется легкий доступ, так и тех, которые являются менее доступными, но потенциально важными для дела²².

Седонские принципы содержат рекомендации по сохранению ESI, подчеркивая важность баланса между полнотой и разумностью предпринимаемых мер. Сохранять следует только ту информацию, которая может иметь значение для потенциального судебного разбирательства. При этом меры по обеспечению сохранности данных не должны быть чрезмерно обременительными или несоразмерными предполагаемым рискам. Сохранению подлежат не только документы, находящиеся в распоряжении конкретных сотрудников, но также системные данные, архивы и другие возможные источники информации. Организациям рекомендуется заранее подготовиться

к возможным запросам на сохранение или предоставление ESI, разработав и внедрив эффективные программы управления информацией. Такие программы должны включать автоматизированные процедуры классификации, а также своевременное удаление устаревших или неактуальных данных. Принцип разумности, закрепленный в Седонских принципах, предполагает, что стороны не обязаны сохранять каждую копию каждого электронного документа. Достаточно предпринять меры, позволяющие обеспечить сохранность действительно важной информации. Хранение всех данных без разбора не требуется и даже может быть нежелательным с точки зрения эффективности и затрат.

Контент в социальных сетях, даже удаленный или скрытый, может быть запрошен через процедуры *e-discovery*, если он имеет значение для дела. В громком деле *Allied Concrete Co. v. Lester* (2013)²³ суд указал, что удаление контента из социальных сетей в ходе судебного разбирательства рассматривается как препятствие правосудию и может повлечь за собой серьезные санкции. Так, истец по указанию своего адвоката удалил фотографии и другие материалы со своей страницы в социальной сети после получения запроса на раскрытие доказательств от ответчика. Эти действия квалифицировались судом как преднамеренное уничтожение доказательств. Эксперты установили, что истец удалил 16 фотографий. В результате адвокат был оштрафован на 542 000 долл., а истец — на 180 000 долл. Суд признал, что умышленное уничтожение доказательств могло повлиять на беспристрастность судебного разбирательства, поэтому постановил дать присяжным специальную инструкцию: обязал присяжных считать, что удаленные материалы были бы вредны для позиции истца.

Игнорирование *litigation hold* может иметь серьезные последствия, поскольку утрата потенциально важных для дела доказательств расценивается судами как вмешательство в правосудие. В знаменитом деле *Pension Committee*²⁴ часть истцов не выполнила обязанности по сохранению необходимых документов, что при-

²¹ *Bassett D. L. Reasonableness in E-Discovery // Campbell Law Review. 2010. Vol. 32. No. 3. P. 440.*

²² *O'Shea T. M., Stroebel S. B., Banker P. A., Birnbaum R. Using Legal Holds for Electronic Discovery // William Mitchell Law Review. 2014. Vol. 40. No. 2. P. 464–465.*

²³ *Allied Concrete Co. v. Lester, 285 Va. 295, 736 S.E.2d 699 (Va. 2013) // URL: <https://casetext.com/case/allied-concrete-co-v-lester>.*

²⁴ *Pension Committee of the University of Montreal Pension Plan v. Banc of America Securities, LLC, 685 F. Supp. 2d 456 (S.D.N.Y. 2010) // URL: <https://casetext.com/case/pension-com-of-univ-of-montreal-v-banc-of-a-sec>.*

вело к их утрате. В итоге суд применил санкции: присяжным были даны инструкции, позволяющие сделать неблагоприятные выводы для истцов о том, что уничтоженные материалы могли быть невыгодными именно для них. В деле *Apple v. Samsung* (2012)²⁵ выяснилось, что компания Samsung не внедрила эффективный механизм предотвращения удаления электронных сообщений своих сотрудников, несмотря на то что судебный процесс уже был в активной фазе. Стандартная корпоративная политика Samsung предусматривала автоматическое удаление электронных писем через две недели, если пользователь не предпринимал действий для их сохранения. Суд дал присяжным негативные для ответчика инструкции. В деле *In re Google Play Store Antitrust Litigation* (2021)²⁶ суд оштрафовал компанию Google за то, что, уже получив иски, корпорация оставила для сервиса Google Chat настройку history off с 24-часовым автоудалением и переложила выбор переписки, которая должна быть сохранена, на рядовых сотрудников. Суд указал, что позволять работникам самим решать, какие сообщения сохранить, недопустимо, компания должна технически блокировать удаление всех потенциально релевантных чатов и раскрывать противоположной стороне свою политику хранения. В деле *DR Distributors, LLC v. 21 Century Smoking, Inc.* (2022)²⁷ компания оставила включенной автоочистку почты и чатов, не выдала письменные инструкции сотрудникам, а позже скрыла еще 20 коробок документов и не уплатила ранее назначенный миллионный штраф. Суд применил *terminating sanctions* — полное удовлетворение иска и отказ во встречных требованиях. В деле *FTC v. Roomster Corp.* (2023)²⁸ суд подчеркнул, что удаление корпоративной переписки в мессенджере после получения извещения о поданном иске — это серьезное нарушение. Если компания пользуется облач-

ными или мгновенно исчезающими чатами, именно она, а не сервис-провайдер несет риск сохранности переписки. Компания обязана использовать технологии, гарантирующие наличие, сохранность и доступность переписки при необходимости.

Идентификация и сбор информации (identification and collection). Идентификация и сбор информации — это деятельность по выявлению и изъятию относимых данных из всех доступных источников: корпоративных серверов, электронных почтовых систем, облачных хранилищ, личных компьютеров, смартфонов, а также резервных копий и архивов. При идентификации и сборе электронных документов важно учесть особенности различных форматов и систем хранения. Небрежное обращение с данными способно привести к их утрате, что будет расцениваться как неправомерное уничтожение доказательств и повлечет за собой санкции по правилу 37(e) ФППП.

Метаданные играют важную роль в идентификации и сборе ESI, так как могут содержать критически важные сведения о происхождении, авторстве, времени создания и редактирования документов. В строгом смысле термин «метаданные» относится к информации о файле, которая не является содержанием самого документа. Например, файл с текстом содержит такие данные, как дата и время создания, расположение в системе, физическое местоположение устройства, на котором он был создан, ключевые слова или теги, информация о последних изменениях, авторе, а также о пользователях, имеющих к нему доступ²⁹.

Судебная практика демонстрирует, что метаданные могут иметь решающее значение при рассмотрении дел. В деле *Williams v. Sprint/United Management Co.* (2005)³⁰ суд прямо обязал ответчика предоставить электронные таблицы с метаданными, попытки удаления мета-

²⁵ *Apple, Inc. v. Samsung Electronics Co., Ltd.*, 888 F. Supp. 2d 976 (N. D. Cal. 2012) // URL: <https://casetext.com/case/apple-inc-v-samsung-elecs-co-18>.

²⁶ *In re Google Play Store Antitrust Litigation*, No. 21 md 02981 (N. D. Cal. Aug. 25, 2021) // URL: <https://caselaw.findlaw.com/court/us-dis-crt-n-d-cal/2145099.html>.

²⁷ *DR Distributors, LLC v. 21 Century Smoking, Inc.*, No. 3:12-cv-50324, Doc. 527 (N. D. Ill. July 22, 2022) // URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/illinois/ilndce/3:2012cv50324/273819/527/>.

²⁸ *Federal Trade Commission v. Roomster Corp.*, No. 1:22-cv-7389 (S.D.N.Y. Mar. 2, 2023) // URL: <https://caselaw.findlaw.com/court/us-dis-crt-sd-new-yor/2187018.html>.

²⁹ *Rosenberg Z. Returning to Plato's Cave: Metadata's Shadows in the Courtroom* // *Arizona State Law Journal*. 2016. Vol. 48. No. 4. P. 446–447.

³⁰ *Williams v. Sprint/United Management Co.*, No. 03-2200-JWL-DJW (D. Kan. Oct. 5, 2006) // URL: <https://casetext.com/case/williams-v-sprintunited-management-co-2>.

данных без достаточного обоснования могут рассматриваться как процессуальное нарушение. В деле *Elektra Entertainment Group* (2004)³¹ суд использовал метаданные музыкальных файлов для определения их источника. В частности, они позволили установить, кто из пользователей изначально загрузил определенные треки, а также подтвердить, что файлы распространялись через файлообменные сети, что указывало на нарушение прав правообладателей. В деле *Experian Information Solutions v. I-Centrix*³² метаданные позволили выяснить, когда, кем и как часто редактировались соответствующие файлы, что могло подтвердить факт незаконного использования программного кода.

Помимо установления подлинности документов и обнаружения скрытых данных, метаданные помогают выявлять случаи фальсификации доказательств. В деле *Krumwiede v. Brighton Associates, LLC* (2006)³³ анализ метаданных продемонстрировал, что ответчик после получения судебного предписания умышленно изменил тысячи файлов. Аналогично в деле *Plasse v. Tyco Electronics Corp.* (2006)³⁴ суд выявил, что истец изменил даты на своем компьютере, а затем внес изменения в файлы, связанные с делом, что было расценено как уничтожение доказательств.

В деле *Cox Communications* (2018)³⁵ метаданные стали ключевым доказательством систематического нарушения авторских прав, они позволили установить, какие произведения загружались, кем и как часто; метаданные — цифровой след, наглядно демонстрирующий масштаб и повторяемость нарушений. В деле *Sony Music Entertainment v. Cox Communications* (2024)³⁶ анализ метаданных показал, что Cox продолжала обслуживать абонентов, система-

тически распространявших пиратский контент, несмотря на многочисленные уведомления.

Экспертиза. Сбор и анализ электронных доказательств часто требуют привлечения квалифицированных специалистов. Одним из наиболее точных методов сбора ESI является судебно-технический анализ (*eDiscovery/Digital Forensics*). Основная задача экспертов заключается в том, чтобы обеспечить правильное извлечение и сохранение данных, исключить их искажение или утерю, а также гарантировать подлинность информации. В случаях, требующих судебно-технического анализа, могут создаваться точные побитовые копии (*bit-stream imaging*) жестких дисков или иных носителей. Однако этот метод требует значительных затрат и должен использоваться только при наличии серьезных оснований, например при подозрении на преднамеренное удаление данных. Согласно Седонским принципам, создание «зеркальных образов» оправдано, если существует вероятность намеренного уничтожения или изменения информации, а также при расследовании утечки конфиденциальных данных, мошенничества или корпоративного шпионажа. В деле *Delta T, LLC v. Williams* (2021)³⁷ суд одобрил проведение судебной экспертизы с созданием побитовых копий всех цифровых устройств и облачных аккаунтов ответчика. Независимый эксперт выполнил поиск по согласованным ключевым словам, отфильтровал персональные и привилегированные данные и предоставил сторонам только релевантную информацию. В итоге суд признал действия эксперта надлежащими, а полученные доказательства — допустимыми.

Обработка информации (Processing). Обработка информации позволяет сосредоточиться на действительно значимых для дела материа-

³¹ *Elektra Entertainment Group, Inc. v. Does 1-9*, No. 04 Civ. 2289 (RWS) (S.D.N.Y. Sep. 7, 2004) // URL: <http://casetext.com/case/elektra-entertainment-group-4>.

³² *Experian Information Solutions, Inc. v. I-Centrix LLC*, No. 04 C 4437 (N. D. Ill. Nov. 19, 2004) // URL: <https://casetext.com/case/experian-information-solutions>.

³³ *Krumwiede v. Brighton Associates, Case No. 05 C 3003* (N. D. Ill. May. 8, 2006) // URL: <https://casetext.com/case/krumwiede-v-brighton-associates-3>.

³⁴ *Plasse v. Tyco Electronics Corp.*, 448 F. Supp. 2d 302 (D. Mass. 2006) // URL: <http://casetext.com/case/plasse-v-tyco-electronics-corp>.

³⁵ *BMG Rights Management v. Cox Communications*, No. 16-1972 (4th Cir. 2018) // URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca4/16-1972/16-1972-2018-02-01.html>.

³⁶ *Sony Music Entertainment v. Cox Communications, Incorporated*, No. 21-1168 (4th Cir. 2024) // URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca4/21-1168/21-1168-2024-02-20.html>.

³⁷ *Delta T, LLC v. Williams et al.*, No. 1:2020cv00559 — Document 41 (S. D. Ohio 2021) // URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/ohio/ohsdce/1:2020cv00559/243191/41/>.

лах. При первичной сортировке (culling) исключаются заведомо неотносимые данные. Важная задача — удаление дубликатов (deduplication), так как один и тот же документ может храниться в нескольких почтовых ящиках, на разных серверах, существовать в виде нескольких копий. При первичной сортировке и удалении дубликатов, особенно с использованием специализированного программного обеспечения, критически важно сохранять целостность файлов и их метаданных. Любые изменения, затрагивающие дату создания документа, сведения об авторе или другие атрибуты, могут повлиять на допустимость доказательств и поставить под сомнение достоверность собранных данных. Поэтому участники процесса стремятся обеспечить четкую цепочку передачи (chain of custody), фиксируя, какие действия и кем были совершены при обработке данных. В деле Pension Committee суд подчеркнул, что стороны и их адвокаты обязаны документировать все этапы работы с электронными доказательствами, чтобы исключить обвинения в недобросовестном удалении важных материалов.

Анализ и рецензирование (Review), автоматизированный анализ данных (TAR). На стадии анализа и рецензирования происходит оценка значимости каждого конкретного документа, а также проверка, не относится ли он к адвокатской тайне или иным защищенным сведениям. Основным методом упрощения анализа — поиск релевантных данных с помощью ключевых слов. В ходе встречи для согласования процедуры раскрытия доказательств (meet-and-confer) стороны должны договориться о перечне таких ключевых слов и критериях поиска, чтобы избежать чрезмерных затрат и параллельно исключить риск утраты доказательств. Судебная практика, в том числе серия решений Zubulake, показывает, что судьи благосклонно относятся к добросовестному согласованию сторонами алгоритмов и ключевых слов, поскольку это предотвращает споры относительно полноты

раскрытия. Седонские принципы также настаивают на том, что открытость и кооперация при выборе ключевых слов — залог соблюдения принципа пропорциональности и эффективности e-discovery.

Анализ больших объемов данных требует серьезных усилий. Раньше такая работа выполнялась вручную: юристы изучали каждый документ, оценивая его значимость для дела, что требовало внушительных временных и финансовых затрат. Развитие технологий способствовало появлению более продвинутых методов анализа, которые сокращенно называют TAR (technology-assisted review) — автоматизированный анализ данных³⁸. Технология автоматизированного анализа данных основана на обучении программных алгоритмов с использованием примеров релевантных и нерелевантных документов, после чего алгоритм самостоятельно распределяет ESI по уровням важности. В американской литературе отмечается, что в последнее десятилетие фактически произошла переоценка традиционного представления о юридическом анализе документов. Выяснилось, что системы TAR при корректной настройке обеспечивают не только большую эффективность, но и большую точность, чем традиционные методы³⁹.

В ФПП отсутствуют прямые предписания относительно допустимости или недопустимости использования подобных технологий. Экспертным сообществом США разработано «Руководство по автоматизированному анализу данных»⁴⁰. Выделяют несколько этапов TAR. Всё начинается со сбора данных: определяется и подготавливается набор документов, подлежащих анализу. Далее проводится первичная обработка — отбор по определенным критериям (например, временные рамки, ключевые слова), удаление дубликатов, преобразование данных в пригодный для анализа формат. Особое внимание уделяется сложным документам, таким как материалы на иностранных языках

³⁸ Встречаются также predictive coding, computer assisted review, supervised machine learning.

³⁹ Delgado F., Barocas S., Levy K. An Uncommon Task: Participatory Design in Legal AI // Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction. 2022. Vol. 6. No. CSCW1. Art. 51. P. 51:15.

⁴⁰ Как сказано в документе, в разработке руководства принимали участие более 50 практиков и экспертов в области права и технологий, включая представителей юридических фирм, государственных органов и академических кругов. Документ носит рекомендательный характер. Его цель — дать ориентиры, ознакомить с подходами к использованию TAR в процедуре раскрытия доказательств и электронного документооборота в целом (Technology Assisted Review (TAR) Guidelines. Bolch Judicial Institute, Duke University School of Law, Jan. 2019 // URL: <https://edrm.net/wp-content/uploads/2019/02/TAR-Guidelines-Final.pdf>).

или с минимальным текстовым содержанием: они могут требовать дополнительных методов обработки. Дальше — обучение модели. Эксперты вручную помечают документы как значимые или не имеющие значения, формируя обучающую выборку. Алгоритм машинного обучения, опираясь на эти данные, формирует модель, способную прогнозировать относимость остальных документов. Затем проверяются результаты, выявляются ошибки, уточняются метки и корректируется модель. Завершается процесс проверкой того, что алгоритм достиг необходимого уровня точности и надежно выявляет релевантные документы.

Существуют две основные версии TAR — 1.0 и 2.0. TAR 1.0 использует классический подход: вначале формируется контрольная выборка документов, которая вручную анализируется и служит базой для обучения и последующей проверки модели. Обучение проходит поэтапно и завершается, когда предсказания модели стабилизируются. TAR 2.0 использует активное обучение: модель обновляется в реальном времени по мере поступления новых данных и предлагает на проверку наиболее информативные документы.

Ключевую роль в TAR играет команда, в которую входят юристы, аналитики и технические специалисты. Юристы определяют относимость данных и формируют стратегию анализа. Аналитики адаптируют методы обработки, интерпретируют результаты и настраивают процесс. Технические специалисты обеспечивают корректную работу программного обеспечения и управление данными. Завершение TAR считается успешным, когда алгоритм достигает оптимального уровня точности и обеспечивает приемлемый уровень возврата релевантных документов (recall). Это означает, что система способна идентифицировать большую часть релевантных документов в анализируемом наборе данных, при этом минимизируя количество нерелевантных документов, включенных в результаты. С помощью случайного отбора документов из общего набора проводится про-

верка, насколько эффективно алгоритм различает релевантные и нерелевантные документы. Если дополнительные раунды обучения не приводят к значительному улучшению качества классификации, процесс считается завершенным. Исследования показывают, что TAR может быть столь же надежным, как и традиционный ручной анализ, а в ряде случаев даже превосходить его по результативности⁴¹.

Стоит отметить, что использование TAR повлияло не только на процедуру раскрытия доказательств, но и на профессиональные требования к юристам. Современный юрист, работающий в гражданском судопроизводстве, должен понимать основы работы TAR, уметь оценивать результаты машинного классифицирования и грамотно аргументировать их применение в суде⁴².

Судьи традиционно предпочитают не вмешиваться в процесс e-discovery, предоставляя сторонам свободу в выборе методов поиска и анализа электронных доказательств. В деле *Hyles v. N.Y. City* (2016)⁴³ суд признал, что TAR является более точным и эффективным методом, хотя и не стал навязывать его использование, сославшись на необходимость соблюдения принципов самостоятельности сторон в процессе e-discovery. Суд постановил, что ответчик не может быть принужден использовать TAR и имеет право выбирать метод поиска, при условии что выбранный процесс является разумным и пропорциональным.

Судебная практика в США демонстрирует различные подходы к необходимости раскрытия сторонами используемых в TAR алгоритмов: одни суды требуют раскрытия деталей алгоритмов и методов поиска информации при использовании TAR, в то время как другие ограничивают подобные запросы, ссылаясь на адвокатскую тайну и доктрину защиты материалов, подготовленных в преддверии судебного разбирательства (work product)⁴⁴. Например, в деле *In re Boiler Chicken Antitrust Litigation* (2023)⁴⁵ суд обязал стороны раскрыть параметры TAR, включая используемые алгоритмы и обработку сино-

⁴¹ *Streich G.* Court Mandated Technology-Assisted Review in E-Discovery: Changes in Proportionality, Cost-Shifting, and Spoliation // *Fordham Law Review Online*. 2021. Vol. 90. No. 1. P. 140.

⁴² *Delgado F., Barocas S., Levy K.* Op. cit. P. 51:7.

⁴³ *Hyles v. N. Y. City*, 10 Civ. 3119 (AT)(AJP) (S.D.N.Y. Aug. 1, 2016) // URL: <https://casetext.com/case/hyles-v-nyc>.

⁴⁴ *Concannon J. B.* Disclosing Machine Inputs and Outputs: The Vulnerability of Legal Technology in Civil Discovery // *Northwestern Journal of Technology and Intellectual Property*. 2023. Vol. 21. No. 1. P. 140–142.

⁴⁵ *In re Broiler Chicken Antitrust Litig.*, 702 F. Supp. 3d 635 (N. D. Ill. 2023) // URL: <https://casetext.com/case/in-re-broiler-chicken-antitrust-litig-24>.

нимов и ошибок в поисковых запросах. В деле *Moore v. Publicis Groupe* (2012)⁴⁶, наоборот, суд призвал стороны к сотрудничеству в вопросе определения критериев поиска, однако не обязал раскрывать все параметры настройки системы.

В американской литературе звучат призывы к обязательному использованию TAR в процедурах e-discovery. Указывается, что обязательное применение TAR в определенных случаях способствует снижению затрат, минимизирует споры о недобросовестности сторон и помогает судам обеспечивать справедливый и эффективный процесс e-discovery, поэтому требуется разработка детальных судебных стандартов и повышение технической компетентности судей, что позволит избежать неопределенности и повысит доверие к судебным решениям⁴⁷.

В юридическом сообществе указывают и на несовершенства технологии: ее недостаточная прозрачность (особенно TAR 1.0); в случае сбоя или ненадлежащего контроля раскрытие конфиденциальных или привилегированных документов; зависимость эффективности технологии от степени подготовки юристов, работающих с ней. Непонимание принципов ее работы может привести к ошибкам в интерпретации данных или снижению эффективности TAR⁴⁸.

Упомянутая проблема недостаточной прозрачности работы системы усугубляется широкими возможностями для манипуляции в процессе обучения модели. Манипуляция с обучающим набором данных (Seed Set) является одной из ключевых уязвимостей технологии TAR, позволяя предвзято обучать систему и тем самым искажать процесс поиска и выявления релевантных документов. Выделяют несколько вариантов такой манипуляции⁴⁹:

1. Недостаточность данных (Dataset Underrepresentation) — обучающий набор нерепрезентативен, в него преднамеренно не включаются определенные типы документов.

2. Скрытая стратификация (Hidden Stratification) — система машинного обучения обучается на данных с ограниченными характеристиками, что приводит к формированию ложных закономерностей.

3. «Отравление» данных (Data Poisoning) — в обучающий набор включаются заведомо ложные или некорректные документы. Этот метод позволяет тонко настроить алгоритм так, чтобы он неправильно интерпретировал определенные ключевые слова или фразы.

4. Манипуляция на этапе валидации (Validation Manipulation) — искусственно завышается точность модели или скрываются ее недостатки.

5. Манипуляция с выборками (Sample Manipulation) — можно искусственно повысить показатели точности и полноты, выбирая для оценки преимущественно те документы, с которыми модель работает хорошо.

6. Изменение маркировки (Label Manipulation) — на этапе валидации документы проверяются вручную, поэтому можно сознательно занижать количество документов, признанных релевантными, что ведет к увеличению показателя полноты модели.

7. Манипуляция с моментом окончания обучения модели — преждевременное завершение обучения модели может ослабить ее способность находить документы, относящиеся к определенным подтемам, особенно если они недостаточно представлены в обучающем наборе данных. В этом случае алгоритм не успевает обучиться на всех возможных вариациях релевантных документов, и значительная часть информации остается неучтенной.

Отмечается, что крупные юридические фирмы или корпоративные структуры имеют доступ к накопленным данным и могут использовать их для манипуляций в процессе обнаружения документов. Опытные игроки, обладая большим объемом данных из прошлых дел, могут заранее тестировать эффективность различных алгоритмов и использовать только те из них, которые наиболее выгодны в конкрет-

⁴⁶ *Moore v. Groupe*, 868 F. Supp. 2d 137 (S.D.N.Y. 2012) // URL: <https://casetext.com/case/moore-v-groupe>.

⁴⁷ *Streich G.* Op. cit. P. 140–147.

⁴⁸ См.: *Sanders K.* What Is Technology-Assisted Review? (TAR) // *The National Law Review*. 2022. May 19. URL: <https://natlawreview.com/article/what-technology-assisted-review-tar> (дата обращения: 10.07.2025).

⁴⁹ См. подробно: *Matthewman W.* Op. cit. P. 1261–1280 ; *Guha N., Henderson P., Zambrano D. A.* Gamesmanship in Modern Discovery Tech // *Legal Tech and the Future of Civil Justice* / D. F. Engstrom (ed.). Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2023. P. 120–126. URL: <https://ssrn.com/abstract=4227400> (дата обращения: 10.07.2025) ; *Guha N., Henderson P., Zambrano D. A.* Vulnerabilities in Discovery Tech // *Harvard Journal of Law & Technology*. 2022. Vol. 35. No. 2. P. 626–632.

ной ситуации. Это создает неравные условия для менее опытных участников процесса — небольших юридических фирм или отдельных истцов, не обладающих доступом к аналогичным ресурсам⁵⁰.

Передача электронных доказательств (Production). Седонские принципы дают четкие рекомендации по передаче ESI противоположной стороне. Особое внимание уделяется пропорциональности и удобству использования передаваемых данных. Согласно принципу 12, передача ESI должна осуществляться либо в форме, в которой информация обычно хранится, либо в форме, которая является разумно удобной для использования с учетом характера информации и потребностей конкретного дела. Важно, чтобы передача данных обеспечивала возможность поиска, анализа и отображения информации без чрезмерных сложностей для получающей стороны. Наиболее предпочтительным является исходный формат файла (native format), поскольку он позволяет сохранить оригинальную структуру документа и все его свойства, включая скрытую информацию о времени создания, внесенных изменениях и авторах. Однако в ряде случаев стороны предпочитают конвертировать документы в форматы tiff или pdf, так как это облегчает процесс рецензирования (review) и позволяет добавлять комментарии. При этом важно обеспечить доступ к метаданным, так как их утрата при конвертации может привести к оспариванию достоверности и полноты раскрытия. В деле *Pension Committee* суд особо отметил, что выбор формата хранения и конвертации данных не должен приводить к потере значимой информации или затруднять ее анализ. Поэтому стороны, особенно в случаях обработки больших объемов электронных данных, стремятся заранее согласовать технические параметры их обмена. Важно учитывать сохранение метаданных, систему нумерации документов, структуру каталогов и другие детали, которые могут повлиять на последующую работу с данными.

Перед формальной передачей стороны согласовывают технические детали: формат файлов, объем метаданных, нумерацию документов и др. Передача ESI сопровождается созданием сопроводительных списков и описаний, с помощью которых документируется,

какие именно файлы передаются и в каком формате.

Предотвращение разглашения конфиденциальной информации на этапе передачи информации является одной из наиболее деликатных задач, поскольку в массиве предоставляемых документов могут находиться материалы, подпадающие под адвокатскую тайну или другие привилегии, признаваемые американским правом.

ФПГП позволяют возражать против передачи электронных доказательств, если они защищены, в частности адвокатской тайной или доктриной *work product*. Правило 26(b)(5) обязывает стороны предоставлять журнал привилегированных документов (*privilege log*) с указанием того, какой документ не раскрывается и на основании какого именно привилегированного статуса. Проблема в том, что при больших объемах ESI и высокой скорости обработки (особенно с использованием TAR) повышается риск случайной передачи конфиденциальных сведений оппоненту. Кроме того, в литературе отмечается, что значительные риски для конфиденциальной информации несут так называемые теньевые копии (*shadow copies*, автоматические снимки данных, создаваемые для обеспечения их восстановления в случае сбоя системы). Такие копии могут содержать данные, которые пользователь считает удаленными, но они остаются доступными для технических специалистов, что создает риск непреднамеренного раскрытия конфиденциальной информации, так как удаление таких копий требует значительных технических навыков, а в некоторых случаях может быть невозможно⁵¹. Седонские принципы содержат ряд рекомендаций относительно ведения журнала привилегированных документов. Традиционно стороны предоставляют журнал, в котором для каждого документа указывается информация об авторе, получателе и идентификационный номер (*Bates number*), а также обоснование заявления о привилегии. Однако этот процесс может быть трудоемким и зачастую имеет ограниченную практическую ценность, особенно при наличии больших объемов ESI. Поэтому Седонские принципы предлагают более эффективные подходы к ведению журнала привилегированных документов. Одним из таких подходов является

⁵⁰ *Guha N., Henderson P., Zambrano D. A. Vulnerabilities in Discovery Tech.* P. 637–643.

⁵¹ *Young M. To Cure the E-Discovery Headache, Revamp the Rule 26(f) Discovery Conference* // *Northwestern Journal of Technology and Intellectual Property*. 2014. Vol. 12. No. 4. P. 370–371.

ведение журнала по категориям, а не документ за документом. Такой метод позволяет группировать документы по типу привилегии и предоставлять информацию о них обобщенно. В случае возникновения спора о привилегии стороны могут перейти к детальному рассмотрению отдельных документов. Такой подход основан на пояснениях Консультативного комитета 1993 г. к правилу 26(b), которое допускает использование описания привилегированных документов по категориям вместо подробных записей по каждому документу.

Дополнительно стороны могут договориться о признании определенных категорий документов априори привилегированными. Например, документы, подготовленные, отправленные или полученные юристами, представляющими сторону в конкретных юридических вопросах, могут быть исключены из рассмотрения без необходимости их отдельного перечисления. Это позволяет значительно снизить затраты времени и ресурсов на ведение журнала. Рекомендуется также на начальных этапах судебного разбирательства обсуждать процедуры ведения журнала привилегированных документов, чтобы согласовать объем и формат предоставляемой информации. Это можно сделать в рамках конференции по правилу 26(f) или через последующий судебный приказ, чтобы избежать споров о недостаточности информации в журнале. Допускается использование TAR для выделения привилегированных документов и их автоматического исключения из перечня передаваемых документов.

Заключение

Появление и развитие практики e-discovery стало закономерным результатом цифровизации

общественных отношений и широкого распространения электронных форм коммуникации. Американская правовая система выработала комплексный подход к работе с электронными доказательствами, охватывающий все этапы: выявление, хранение, обработку, анализ и передачу данных. Судебные прецеденты — от дел Zubulake до недавних процессов с участием крупнейших корпораций — наглядно продемонстрировали важность своевременного и надлежащего реагирования на угрозу утраты доказательств. Особое внимание уделяется соблюдению режима litigation hold, корректной работе с метаданными и обеспечению непрерывности цепочки хранения и передачи информации.

Одновременно с развитием технологий автоматизированного анализа данных увеличиваются как возможности эффективной обработки больших объемов информации, сохраняемой в электронной (цифровой) форме, так и риски злоупотреблений и манипуляций. Применение TAR неизбежно трансформирует профессиональную роль юриста: он становится координатором сложных технических процессов, соединяющим юридическую экспертизу с цифровыми инструментами.

Несмотря на технологические достижения и институционализацию e-discovery, система сталкивается с рядом серьезных вызовов: высокой стоимостью процедуры раскрытия электронных доказательств, угрозой утраты конфиденциальной информации, непрозрачностью алгоритмов TAR, а также неравенством ресурсов между сторонами. Опыт США показывает, что эффективная работа с электронными доказательствами требует тесного взаимодействия юристов, технических специалистов и суда. Этот опыт может служить ориентиром для развития института электронных доказательств в российском гражданском процессе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Князев Д. В. Оплата юридических услуг в гражданском процессе США: гонорар успеха, американское правило и их влияние на судебную нагрузку // Вестник СПбГУ. Право. 2021. Т. 12. Вып. 3.
- Международный коммерческий арбитраж : учебник / С. А. Абесадзе, Т. К. Андреева, В. Н. Ануров [и др.] ; отв. ред. Т. А. Лунаева ; науч. ред. О. Ю. Скворцов, М. Ю. Савранский, Г. В. Севастьянов. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Редакция журнала «Третейский суд» ; М. : Статут, 2018. Вып. 9. 965 с.
- Очерки современного цивилистического процесса : In Memoriam заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Тамары Евгеньевны Абовой / под ред. Е. И. Носыревой, И. Н. Лукьяновой, Д. Г. Фильченко. М. : Статут, 2023. 324 с.
- Проблемы реализации принципов гражданского судопроизводства в правоприменительной деятельности : монография / Н. В. Алексеева, С. Т. Багыллы, А. В. Белякова [и др.] ; отв. ред. В. М. Жуйков, С. С. Завриев. М. : Норма, Инфра-М, 2024. 416 с.

Российские процессуалисты о праве, законе и судебной практике : к 20-летию Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : монография / Д. Б. Абушенко, М. А. Алиэскеров, Т. К. Андреева [и др.] ; отв. ред. В. В. Молчанов. М. : Статут, 2023. 480 с.

Ярошенко Т. В. Правовая природа электронных доказательств в гражданском процессе: некоторые проблемные вопросы // Российский судья. 2022. № 9. С. 9–13.

Bassett D. L. Reasonableness in E-Discovery // *Campbell Law Review*. 2010. Vol. 32. No. 3. P. 435–454.

Beisner J. H. Discovering a Better Way: The Need for Effective Civil Litigation Reform // *Duke Law Journal*. 2010. Vol. 60. No. 3. P. 547–582.

Concannon J. B. Disclosing Machine Inputs and Outputs: The Vulnerability of Legal Technology in Civil Discovery // *Northwestern Journal of Technology and Intellectual Property*. 2023. Vol. 21. No. 1. P. 140–142.

Delgado F., Barocas S., Levy K. An Uncommon Task: Participatory Design in Legal AI // *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*. 2022. Vol. 6. No. CSCW1. Art. 51. P. 51:1-51:22.

Garrie D. B., Gelb D. K. An Argument for Uniform E-Discovery Practice in Cross-Border Civil Litigation // *Journal of Business & Technology Law*. 2012. Vol. 7. No. 2. P. 341–372.

Guha N., Henderson P., Zambrano D. A. Gamesmanship in Modern Discovery Tech // *Legal Tech and the Future of Civil Justice* / D. F. Engstrom (ed.). Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2023. P. 120–126. URL: <https://ssrn.com/abstract=4227400>.

Guha N., Henderson P., Zambrano D. A. Vulnerabilities in Discovery Tech // *Harvard Journal of Law & Technology*. 2022. Vol. 35. No. 2. P. 626–632.

Harte G. H. Electronic Discovery in Civil Litigation: Avoiding Surprises in Cost Shifting Decisions // *Seton Hall Circuit Review*. 2016. Vol. 12. No. 2. P. 272–300.

Kourlis R. L. et al. Navigating the Hazards of E-Discovery: A Manual for Judges in State Courts Across the Nation. 2nd ed. Denver : Institute for the Advancement of the American Legal System, University of Denver, 2012. 128 p.

Matthewman W. Towards a New Paradigm for E-Discovery in Civil Litigation: A Judicial Perspective // *Florida Law Review*. 2020. Vol. 71. No. 5. P. 1263–1290.

Ong J. M. Another Step in the Evolution of E-Discovery: Amendments of the Federal Rules of Civil Procedure Yet Again? // *Boston University Journal of Science & Technology Law*. 2012. Vol. 18. P. 174–198.

O'Shea T. M., Stroebe S. B., Banker P. A., Birnbaum R. Using Legal Holds for Electronic Discovery // *William Mitchell Law Review*. 2014. Vol. 40. No. 2. P. 464–498.

Rispoli S. L. et al. When to Leave the Stones Unturned: Using Proportionality to Navigate Discovery Efficiently, Effectively, and Ethically // *Marquette Law Review*. 2023. Vol. 107. No. 2. P. 495–528.

Rosenberg Z. Returning to Plato's Cave: Metadata's Shadows in the Courtroom // *Arizona State Law Journal*. 2016. Vol. 48. No. 4. P. 446–480.

Sanders K. What Is Technology-Assisted Review? (TAR) // *The National Law Review*. 2022. May 19. URL: <https://natlawreview.com/article/what-technology-assisted-review-tar>.

Streich G. Court Mandated Technology-Assisted Review in E-Discovery: Changes in Proportionality, Cost-Shifting, and Spoliation // *Fordham Law Review Online*. 2021. Vol. 90. No. 1. P. 140–154.

Tennis B. T. Cost-Shifting in Electronic Discovery // *Yale Law Journal*. 2010. Vol. 119. No. 6. P. 1303–1320.

Young M. To Cure the E-Discovery Headache, Revamp the Rule 26(f) Discovery Conference // *Northwestern Journal of Technology and Intellectual Property*. 2014. Vol. 12. No. 4. P. 370–387.

REFERENCES

Abesadze SA, Andreeva TK, Anurov VN, et al. Lunaeva TA, Skvortsov OYu, Savransky MYu, Sevastyanov GV. *International Commercial Arbitration*. 2nd ed. St. Petersburg: Editorial office of the journal «Arbitration Court». Moscow: Statute Publ.; Issue 9; 2018. (In Russ.).

Abushenko DB, Alieskerov MA, Andreeva TK, et al. Molchanov VV (ed.). *Russian proceduralists on law, law and judicial practice: On the 20th Anniversary of the Civil Procedure Code of the Russian Federation*. Moscow: Statute Publ.; 2023. (In Russ.).

Alekseeva NV, Bagylli ST, Belyakova AV, et al. Zhuikov VM, Zavriev SS (eds.). *Problems of implementing the principles of civil proceedings in law enforcement*. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2024. (In Russ.).

Bassett DL. Reasonableness in E-Discovery. *Campbell Law Review*. 2010;32(3):435-454. (In Russ.).

- Beisner JH. Discovering a Better Way: The Need for Effective Civil Litigation Reform. *Duke Law Journal*. 2010;60(3):547-582.
- Concannon JB. Disclosing Machine Inputs and Outputs: The Vulnerability of Legal Technology in Civil Discovery. *Northwestern Journal of Technology and Intellectual Property*. 2023;21(1):140-142.
- Delgado F, Barocas S, Levy K. An Uncommon Task: Participatory Design in Legal AI. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*. 2022;6(CSCW1):51:1-51:22.
- Garrie DB, Gelb DK. An Argument for Uniform E-Discovery Practice in Cross-Border Civil Litigation. *Journal of Business & Technology Law*. 2012;7(2):341-372.
- Guha N, Henderson P, Zambrano DA. Gamesmanship in Modern Discovery Tech. In: Engstrom DF (ed.). *Legal Tech and the Future of Civil Justice*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2023. P. 120–126. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4227400>.
- Guha N, Henderson P, Zambrano DA. Vulnerabilities in Discovery Tech. *Harvard Journal of Law & Technology*. 2022;35(2):626-632.
- Harte GH. Electronic Discovery in Civil Litigation: Avoiding Surprises in Cost Shifting Decisions. *Seton Hall Circuit Review*. 2016;12(2):272-300.
- Knyazev DV. Payment for legal services in the USA civil procedure: Contingent fee, American rule and their impact on the judicial caseload. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 2021;3:693-711. (In Russ.). DOI: 10.21638/spbu14.2021.313.
- Kourlis RL et al. Navigating the Hazards of E-Discovery: A Manual for Judges in State Courts Across the Nation. 2nd ed. Denver: Institute for the Advancement of the American Legal System, University of Denver; 2012.
- Matthewman W. Towards a New Paradigm for E-Discovery in Civil Litigation: A Judicial Perspective. *Florida Law Review*. 2020;71(5):1263-1290.
- Nosyreva EI, Lukyanova IN, Filchenko DG (eds.). *Essays on the modern civil process: In Memoriam, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor Tamara Evgenievna Abova*. Moscow: Statute Publ.; 2023. (In Russ.).
- Ong JM. Another Step in the Evolution of E-Discovery: Amendments of the Federal Rules of Civil Procedure Yet Again? *Boston University Journal of Science & Technology Law*. 2012;18:174-198.
- O'Shea TM, Stroebel SB, Banker PA, Birnbaum R. Using Legal Holds for Electronic Discovery. *William Mitchell Law Review*. 2014;40(2):464-498.
- Rispoli SL et al. When to Leave the Stones Unturned: Using Proportionality to Navigate Discovery Efficiently, Effectively, and Ethically. *Marquette Law Review*. 2023;107(2):495-528.
- Rosenberg Z. Returning to Plato's Cave: Metadata's Shadows in the Courtroom. *Arizona State Law Journal*. 2016;48(4):446-480.
- Sanders K. What Is Technology-Assisted Review? (TAR). *The National Law Review*. 2022;May 19. Available at: <https://natlawreview.com/article/what-technology-assisted-review-tar>.
- Streich G. Court Mandated Technology-Assisted Review in E-Discovery: Changes in Proportionality, Cost-Shifting, and Spoliation. *Fordham Law Review Online*. 2021;90(1):140-154.
- Tennis BT. Cost-Shifting in Electronic Discovery. *Yale Law Journal*. 2010;119(6):1303-1320.
- Yaroshenko TV. The legal nature of electronic evidence in civil proceedings: some problematic issues. *Russian Judge*. 2022;9:9-13. (In Russ.).
- Young M. To Cure the E-Discovery Headache, Revamp the Rule 26(f) Discovery Conference. *Northwestern Journal of Technology and Intellectual Property*. 2014;12(4):370-387.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Князев Дмитрий Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского процессуального права Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева
д. 4, ул. Обруб, г. Томск 634050, Российская Федерация
kdv1979@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitriy V. Knyazev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil Procedure Law, West Siberian Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Tomsk, Russian Federation
kdv1979@inbox.ru

*Материал поступил в редакцию 10 июля 2025 г.
Статья получена после рецензирования 9 августа 2025 г.
Принята к печати 15 августа 2026 г.*

*Received 10.07.2025.
Revised 09.08.2025.
Accepted 15.08.2026.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.238.9.048-060

А. М. ЛаптеваНациональный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
г. Москва, Российская Федерация

Профессиональные участники инвестиционного рынка: понятие, виды, модели допуска

Резюме. Статья посвящена особенностям правового статуса профессиональных участников инвестиционного рынка, которые играют значительную роль в процессе перераспределения потоков финансового капитала, что особенно ярко проявляется при взаимодействии с населением. От надлежащей правовой регламентации деятельности профессиональных участников зависит не только качество оказываемых ими услуг, но и стабильность инвестиционного рынка в целом. В самом общем виде деятельность этих субъектов состоит в том, что они на квалифицированной основе оказывают содействие инвесторам и реципиентам инвестиций в процессе совершения сделок, обеспечивающих инвестирование. Между тем современный инвестиционный рынок не является статичным и на нем постоянно происходят изменения, такие как цифровизация, трансформация его структуры, смещение границ между функциями его участников и др. Обозначенные факторы необходимо учитывать и при правовом регулировании отношений в данной области. Автор приходит к выводу, что деятельность профессиональных участников подлежит специальной регламентации в целях стимулирования инвестиционной деятельности, обеспечения ее безопасности и прозрачности, а также снижения негативных последствий, возникающих на инвестиционном рынке. В связи с этим законодатель предъявляет повышенные требования к таким участникам. Они касаются организационной формы, финансовой устойчивости, внутренней структуры, лицензирования, наличия специальных реестров, запретов на совмещение отдельных видов деятельности, деловой репутации.

Ключевые слова: профессиональный участник; инвестиции; инвестиционный инструмент; инвестиционная деятельность; инвестиционный рынок; финансовый рынок; кредитные организации; банки; профессиональные участники рынка ценных бумаг

Для цитирования: Лаптева А. М. Профессиональные участники инвестиционного рынка: понятие, виды, модели допуска. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 9. С. 48–60. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.238.9.048-060

Professional Participants of the Investment Market: The Concept, Types, and Market Access Models

Anna M. LaptevaNational Research University
«Higher School of Economics»
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines the specific features of the legal status of professional participants in the investment market that play a significant role in the redistribution of financial capital flows, particularly in their interactions with retail investors. The quality of the services they provide, as well as the overall stability of the investment market, depends on the proper legal regulation of their activities. In general terms, these entities provide qualified assistance to investors and investment recipients in carrying out transactions that facilitate investment. At the same time, the contemporary investment market is not static: it is continually affected by such developments as digitalization, structural transformation, and the blurring of the boundaries between the functions of its participants. These factors must likewise be taken into account in the legal regulation of the relevant relationships. The author concludes that the activities of professional participants require specific

© Лаптева А. М., 2026

regulation in order to ensure the security and transparency of investment activities, promote their development, and mitigate adverse consequences arising in the investment market. Accordingly, the legislature imposes enhanced requirements on such participants, relating to their organizational form, financial soundness, internal structure, licensing, inclusion in specialized registers, restrictions on combining certain types of activities, and business reputation.

Keywords: professional participant; investments; investment instrument; investment activities; investment market; financial market; credit institutions; banks; professional securities market participants

Cite as: Lapteva AM. Professional Participants of the Investment Market: The Concept, Types, and Market Access Models. *Lex russica*. 2026;79(9):48-60. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.238.9.048-060

Введение

Наличие разветвленной системы профессиональных участников, играющих существенную роль во взаимосвязи инвесторов и реципиентов инвестиций, является одним из индикаторов успешного инвестиционного рынка.

Особую роль эти субъекты играют при обслуживании населения (так называемых розничных инвесторов¹), которое традиционно имеет ограниченный доступ для вложений в реальный сектор экономики. Так, немалая часть инвестиционных ресурсов, как отмечают экономисты, формируется за счет сбережений населения, участвующего в инвестиционной деятельности при помощи финансового рынка² (финансовых посредников). Это подтверждают и данные Банка России: количество розничных инвесторов за III квартал 2024 г. достигло 33,8 млн лиц (44 % экономически активного населения страны)³. Соответственно, участие населения в инвестиционной деятельности является одним из ключевых признаков развитого финансового рынка.

В экономической теории выделяются три потока перераспределения финансового капитала⁴:

1) прямые инвестиции, охватывающие вложения в акционерный капитал с получением

дивидендов и прибыли на инвестированный капитал;

2) фондовый рынок, с помощью которого соединяются множество индивидуальных инвесторов, вкладывающих денежные средства в различные финансовые инструменты. Такими инструментами, как правило, являются бездокументарные ценные бумаги (акции, облигации), массово выпускаемые эмитентами, соответственно, требующие контроля со стороны публично-правового образования, а также производные финансовые инструменты, предназначенные для определенной профессиональной группы инвесторов. При этом на рынке ценных бумаг без участия профессиональных участников деятельность инвесторов и реципиентов инвестиций практически невозможна⁵. Такое положение вещей связано с тем, что основной объем инвестиций осуществляется на организованном рынке, прямой доступ к которому предоставляется лишь отдельным категориям инвесторов (например, дилерам);

3) третий поток формируется финансовыми посредниками, к которым относятся кредитные организации (банки, небанковские кредитные организации).

Перечисленное демонстрирует, что два из трех упомянутых потоков перераспределения финансового капитала формируются при помо-

¹ Лаптева А. М. Правовой статус инвестора — физического лица на рынке ценных бумаг // Законодательство. 2022. № 4. С. 60.

² Инвестиции / под ред. В. В. Ковалева, В. В. Иванова, В. А. Лялина. М. : ТК Велби, 2003. С. 6, 16 (авторы главы — В. В. Иванов, П. В. Воробьев, В. А. Лялин).

³ См.: Обзор ключевых показателей брокеров. III квартал 2024 г. : информационно-аналитический материал. М., 2024 // URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/54866/review_broker_Q3_2024.pdf (дата обращения: 29.06.2025).

⁴ Инвестиции : учебник и практикум для вузов / В. Е. Леонтьев, В. В. Бочаров, Н. П. Радковская. М. : Юрайт, 2023. С. 124.

⁵ Другую ситуацию можно наблюдать на рынке цифровых финансовых активов, сделки с которыми могут осуществляться без участия финансовых посредников.

щи специальных инвестиционных институтов (посредников)⁶, именуемых также финансовыми посредниками⁷, к которым в специальной литературе относят участников банковской системы, фондового рынка — профессионалов финансового и инвестиционного рынков. Роль этих субъектов состоит в том, что они аккумулируют временно свободные инвестиционные ресурсы и трансформируют их в инвестиции. Иными словами, они предоставляют возможность населению и бизнесу, у которых отсутствует прямой доступ к реальному сектору экономики, использовать финансовые продукты, инвестиционные инструменты и услуги для решения своих деловых задач, реализации личных целей.

Значительная роль финансовых посредников, необходимость повышения их финансовой устойчивости, потребность вывода с рынка несостоятельных участников отмечается и в Основных направлениях развития финансового рынка Российской Федерации на 2023 год и период 2024 и 2025 годов⁸. От финансовых посредников зависит надежность и стабильность инвестиционного рынка. Банк России весьма тщательно следит за формированием доверительной среды на инвестиционном рынке, а также предлагает различные инициативы, способствующие его устойчивости и повышению к нему доверия со стороны розничных инвесторов.

Одной из такого рода инициатив можно назвать направления развития архитектуры российского фондового рынка. В рамках этих предложений к обсуждению предлагаются вопросы универсализации деятельности профессиональных участников фондового рынка⁹.

Впрочем, следует обратить внимание, что и в более ранних своих обзорах Банк России поднимал вопросы, касающиеся расширения специализации профессиональных участников в различных сегментах инвестиционного рынка¹⁰. Фактически речь идет о модели допуска на инвестиционный рынок лиц, предлагающих инвестиционные услуги и инструменты различным субъектам инвестиционной деятельности.

В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть особенности и виды профессиональных участников инвестиционного рынка, а также возможность универсализации их деятельности.

Основная часть

Понятие и значение инвестиционного рынка.

Для установления границ исследования необходимо определиться с понятием «инвестиционный рынок», поскольку от его содержательного наполнения зависит и круг профессиональных участников.

Инвестиционный рынок представляет собой сложное и постоянно изменяющееся явление, включающее субъектов инвестиционной деятельности, инвестиционный спрос и предложение, инвестиционную структуру¹¹. Вокруг содержания этого понятия и используемой терминологии ведутся дискуссии. Так, некоторые авторы не выделяют инвестиционный рынок в качестве самостоятельного понятия, а говорят о рынке капиталов, другие сводят его только к фондовому рынку, а третьи рассматривают его более широко, включая в это понятие рынок объектов не только реального, но и финансо-

⁶ Лукасевич И. Я. Инвестиции : учебник. М. : Вузовский учебник : Инфра-М, 2024. С. 12 ; Николаева И. П. Инвестиции : учебник. М. : Дашков и Ко, 2023. С. 10.

⁷ Игонина Л. Л. Инвестиции. М. : Магистр : Инфра-М, 2021. С. 73–74. Отметим, что термин «финансовый посредник» может использоваться в узком значении, например только в отношении лиц, осуществляющих брокерскую деятельность. См.: Универсализация или специализация? Роли участников на фондовом рынке : доклад для общественных консультаций / Банк России. М., 2024. С. 7.

⁸ Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 и 2024 годов / Банк России. М., 2021.

⁹ Универсализация или специализация? Роли участников на фондовом рынке. С. 2.

¹⁰ Например, в 2020 г. Банк России указывал на необходимость расширения деятельности специализированных депозитариев. См.: Развитие института специализированных депозитариев : доклад для общественных консультаций / Банк России. М., 2020. С. 21. В 2021 г. предлагал совместить деятельность кредитной и страховой организаций с управлением паевыми инвестиционными фондами (ПИФ), деятельность профессиональных участников рынка ценных бумаг с оказанием платежных услуг и др. См.: Совмещение видов деятельности на финансовом рынке / Банк России. М., 2021. С. 24.

¹¹ См.: Игонина Л. Л. Указ. соч. С. 49–51.

вого (ссудный, фондовый, рынок ценных бумаг, валютный рынок) и инновационного инвестирования¹².

На наш взгляд, для целей правового регулирования более приемлемым является широкое определение инвестиционного рынка. Это связано с тем, что данный термин довольно часто используется в программных документах или отраслевых стандартах, которые направлены на различные сегменты инвестиционного рынка, а не только на реальное инвестирование¹³.

Инвестиционный рынок имеет важное значение для современной экономики любого государства, так как именно с его помощью осуществляется круговорот инвестиций, реализация инвестиционного спроса и предложения¹⁴. Следовательно, от структуры инвестиционного рынка, «качества» его профессиональных участников зависит эффективность инвестиций и инвестиционной деятельности.

Понятие и признаки профессиональных участников инвестиционного рынка. Эти субъекты, как ранее отмечалось, являются центральными звеньями в процессе перераспределения инвестиционного капитала.

В доктрине инвестиционного права, как правило, их рассматривают как вид субъектов инвестиционной деятельности¹⁵. Между тем можно встретить и противоположную точку

зрения, состоящую в том, что они к таковым не относятся, а являются субъектами лишь инвестиционного процесса. Обосновывается это, во-первых, отличными от функций инвестора функциями профессиональных участников, а во-вторых, тем, что такие субъекты реализуют свои обычные полномочия в рамках гражданско-правовых договоров¹⁶.

Соглашаясь с тем, что по общему правилу они выполняют функции, отличные от функций инвесторов¹⁷, полагаем, что профессиональных участников все-таки следует относить к субъектам инвестиционной деятельности по причине того, что они при помощи различных правовых конструкций участвуют в ней. Например, управляющие компании, доверительные управляющие ценными бумагами заключают с инвесторами договоры, на основании которых инвестируют их средства. Более того, некоторые виды профессиональных участников одновременно являются инвесторами, например институциональные инвесторы, среди которых выделяют инвестиционные и пенсионные фонды. При этом наличие у такого профессионального участника маски институционального инвестора накладывает отпечаток на его статус. Так, под институциональными инвесторами экономисты в широком смысле понимают финансовых посредников любого типа¹⁸. Сходную позицию можно встретить и в юридиче-

¹² См.: *Борисова О. В., Малых Н. И., Овешникова Л. В.* Инвестиции : учебник и практикум для вузов. М. : Юрайт, 2024. С. 14 ; *Теплова Т. В.* Инвестиции. М. : Юрайт, 2024. С. 21 ; *Данилова Т. Н.* Инвестиционный рынок и его место в структуре финансового рынка // *Финансы и кредит.* 2002. № 8. С. 11.

Отметим, что инвестиционный рынок является частью финансового рынка (финансовой сферы в целом), хотя их не всегда легко разграничить. Указанное обусловлено тем, что элементы этих рынков взаимосвязаны и между ними нет жесткой границы. Так, зачастую на этих рынках фигурируют одни и те же объекты, используются одни и те же институциональные формы (например, профессиональные участники). См.: *Данилова Т. Н.* Указ. соч. С. 21.

¹³ См.: Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2011 год и плановый период 2012 и 2013 годов, разработан Минэкономразвития России ; постановление Правительства РФ от 13.10.1995 № 1016 «О Комплексной программе стимулирования отечественных и иностранных инвестиций в экономику Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 43. Ст. 4069 ; указание Банка России от 05.09.2016 № 4127-У «О внесении изменений в положение Банка России от 28.12.2015 № 526-П “Отраслевой стандарт бухгалтерского учета ‘Порядок составления бухгалтерской (финансовой) отчетности страховых организаций и обществ взаимного страхования’”» // *Вестник Банка России.* 2017. № 16–17.

¹⁴ *Борисова О. В., Малых Н. И., Овешникова Л. В.* Указ. соч. С. 18.

¹⁵ *Инвестиционное право : учебник для вузов / А. М. Лаптева, О. Ю. Скворцов.* М. : Юрайт, 2022. С. 98 (автор главы — О. Ю. Скворцов).

¹⁶ *Ратникова Д. С.* Правовое регулирование инвестиционной деятельности в Российской Федерации: теоретические основы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 139–140.

¹⁷ В качестве исключения можно назвать дилерскую деятельность, появление которой в законодательстве о рынке ценных бумаг разделило инвесторов на профессиональных, т.е. регулируемых и лицензируемых, и непрофессиональных.

¹⁸ *Шарп У., Александер Г., Бэйли Дж.* Инвестиции. М. : Инфра-М, 2009. С. 11 ; *Иголина Л. Л.* Указ. соч. С. 77.

ской литературе. Например, А. Е. Молотников пишет о них как о финансовых посредниках, аккумулирующих средства индивидуальных инвесторов и осуществляющих инвестиционную деятельность от своего лица¹⁹. Широкого подхода к институциональным инвесторам придерживается Е. В. Терехова, использующая для их обозначения термин «институциональный субъект». Автор относит к ним государственные корпорации, банки развития, инвестиционные фонды, негосударственные пенсионные фонды (НПФ)²⁰. Н. Г. Удальцова под ними понимает юридических и физических лиц, для которых инвестирование является профессиональным видом деятельности, осуществляемым на постоянной основе за счет собственных и заемных средств. К этой группе относятся профессиональные участники рынка ценных бумаг (дилеры), а также юридические лица, для которых инвестирование в ценные бумаги является предметом их уставной деятельности (инвестиционные и пенсионные фонды, страховые организации, коммерческие банки)²¹.

В то же время следует иметь в виду, что правовой статус субъектов, которых относят к институциональным инвесторам, неоднороден. Например, если говорить о паевом инвестиционном фонде, то его управляющая компания выступает в качестве доверительного управляющего, который может совершать юридические и фактические действия в интересах учредителя управления (управляет активами этого фонда), но собственником передаваемого имущества не является. Другими словами, он инвестирует средства от лица учредителей доверительного управления (владельцев инвестиционных паев) на основании переданных инвестором полномочий по инвестированию.

У негосударственных пенсионных фондов иная юридическая конструкция. В отличие от управляющих компаний эти фонды являются собственниками пенсионных накоплений и пенсионных резервов (ст. 3 Федерального закона от 07.05.1998 № 75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах»²² (далее — Закон об

НПФ)). Кроме того, они могут размещать средства пенсионных резервов самостоятельно, а также через управляющую компанию (ст. 25 Закона об НПФ). При этом закон устанавливает жесткие требования к перечню объектов, в которые могут вкладываться такие пенсионные активы. Кредитные организации также являются собственниками средств, которые привлекают на основании договоров банковского вклада. Аналогичное можно сказать и в отношении страховых организаций. При этом следует обратить внимание, что с 2024 г. в соответствии с Федеральным законом от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах»²³ (далее — Закон об инвестиционных фондах) страховые организации получили возможность осуществлять деятельность по доверительному управлению наравне с управляющими компаниями. Таким образом, страховые организации в некоторых случаях могут выступать как управляющие компании (Федеральный закон от 25.12.2023 № 631-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»)²⁴. Следовательно, об этих субъектах можно говорить не только как об инвесторах, но и как о лицах, осуществляющих вложения от имени других субъектов.

Приведенные соображения позволяют прийти к выводу, что единственным юридическим признаком этих лиц будет осуществление ими инвестиционной деятельности на профессиональной основе в определенном сегменте инвестиционного рынка. Условность этого признака означает, что профессиональность может быть не только у институциональных инвесторов, но и у иных субъектов инвестиционной деятельности (иных видов инвесторов, реципиентов инвестиций). С тем исключением, что деятельность профессиональных (институциональных) инвесторов подлежит лицензированию и государственному надзору. Из этого вытекает, что обособление институциональных инвесторов в самостоятельную группу имеет скорее экономическое значение, хотя у отдельных видов институциональных инвесто-

¹⁹ Предпринимательское право Российской Федерации : учебник / отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. М. : Норма : Инфра-М, 2020. С. 684 (автор главы — А. Е. Молотников).

²⁰ Терехова Е. В. Инвестиционное право: публично-правовые начала : учеб. пособие. М. : РГУП, 2015. С. 77.

²¹ См.: Удальцова Н. Г. Первичное публичное предложение (размещение) ценных бумаг: правовая природа. М. : Инфотропик Медиа, 2012. С. 81.

²² СЗ РФ. 1998. № 19. Ст. 2071.

²³ СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4562.

²⁴ СЗ РФ. 2024. № 1 (ч. I). Ст. 12.

ров можно выделить их специфические юридические признаки.

Таким образом, в самом общем виде деятельность профессиональных участников состоит в том, что они на квалифицированной основе оказывают содействие инвесторам и реципиентам инвестиций в совершении сделок, обеспечивающих инвестирование. Более того, развитие профессиональных услуг на некоторых инвестиционных рынках (прежде всего это касается фондового рынка) повлекло за собой возложение на таких участников обязанности по совершению действий, связанных с процессом инвестирования, за исключением принятия управленческих решений и контроля за выполнением поставленных задач.

Говоря о профессионализме в отношении этой группы участников инвестиционной деятельности, можно констатировать, что таковой предполагает не только вспомогательность их функций, но и то, что деятельность таких участников рынка является предпринимательской, поскольку она осуществляется на условиях самокупаемости и нацелена на систематическое получение прибыли. Кроме того, в некоторых случаях они сами могут выступать в качестве инвесторов²⁵.

В отношении рассматриваемой категории участников инвестиционной деятельности можно выделить ряд особенностей.

Во-первых, деятельность, осуществляемая ими, как было отмечено ранее, является предпринимательской. Указанное означает, что они должны иметь статус индивидуального предпринимателя или коммерческой организации. Как правило, законодательство предписывает необходимость наделения статусом коммерческой организации. В качестве примера укажем Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ

«О рынке ценных бумаг»²⁶ (далее — Закон о рынке ценных бумаг), где только одному из профессиональных участников (инвестиционному советнику) предоставлена возможность выбора организации своей деятельности между статусом индивидуального предпринимателя и юридическим лицом.

Во-вторых, из указанной выше особенности вытекает еще одна — профессионализм, рассматриваемый в двух аспектах: внутреннем (содержательном) и внешнем. Первый аспект означает, что деятельность осуществляется по определенным правилам и методикам субъектами, имеющими определенную квалификацию и располагающими необходимой для принятия и реализации решений информацией. Второй аспект выражается в исключительности ее осуществления: для субъекта, реализующего ту или иную профессиональную деятельность, подобная деятельность является единственной — это его работа, которая выступает основным источником его совокупного дохода²⁷. Однако, как будет показано далее, этот аспект в настоящее время претерпевает изменения.

В-третьих, к учредителям таких организаций, а также органам их управления и работникам предъявляются дополнительные требования: отсутствие неснятой или непогашенной судимости за определенные виды преступлений (как правило, в области экономической деятельности или против государственной власти), отсутствие некоторых видов административного наказания (дисквалификации, срок которой не истек), привлечение к субсидиарной ответственности по обязательствам финансовой организации, признанной банкротом, утверждение существенно недостоверной отчетности и т.д.²⁸

²⁵ Однако статус профессиональных участников — инвесторов отличается от «обычных» инвесторов прежде всего тем, что законом, специальными правилами (например, правилами НПФ), которые подлежат контролю (регистрации) со стороны уполномоченного субъекта (как правило, Банка России), предельно четко регламентируются способы и объекты инвестирования, порядок учета инвестируемого имущества, требования к отчетности. Это, на наш взгляд, связано с тем, что эти субъекты аккумулируют значительные средства розничных инвесторов, и, соответственно, неблагоприятный исход их инвестиционной деятельности может отрицательно отразиться на благополучии населения. Исключением является дилер, который осуществляет инвестирование за свой счет.

²⁶ СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

²⁷ Кузнецов М. В. Понятие и признаки профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг // Предпринимательское право. 2010. № 3. С. 16–17 ; Галанов В. А. Рынок ценных бумаг : учебник. М. : Инфра-М, 2023. С. 234.

²⁸ Перечисленные требования основываются на международных принципах и подходах к оценке деловой репутации.

Обозначенные требования к членам органов управления, руководителям, должностным лицам и учредителям условно можно назвать требованиями к деловой репутации. Появление этих требований обусловлено необходимостью ограничения допуска к управлению неквалифицированных и недобросовестных лиц, защитой прав и законных интересов участников инвестиционного рынка, их клиентов, а также их контрагентов.

Суммируя изложенное, можно заключить, что деятельность профессиональных участников подлежит специальной регламентации в целях стимулирования инвестиционной деятельности, обеспечения ее безопасности и прозрачности, а также снижения негативных последствий, возникающих на инвестиционном рынке.

В-четвертых, эти субъекты обладают специальной правоспособностью, т.е. вправе заниматься только теми видами деятельности, которые разрешены законом. При этом в большинстве случаев таким участникам необходимо получить лицензию либо пройти иную разрешительную процедуру до начала осуществления профессиональной деятельности (например, включение в специальный реестр²⁹). По общему правилу они вправе совершать только те сделки, которые соответствуют характеру их деятельности (например, посреднические сделки и сделки по возмездному оказанию услуг). Это проявляется в том, что законодательно устанавливаются запреты на совмещение конкретных видов деятельности либо исчерпывающе перечисляются виды деятельности, которые допустимо совмещать³⁰.

Виды профессиональных участников и условия их допуска на рынок. Современный инвестиционный рынок представляет собой сложную динамичную систему, на которую оказывают влияние различные факторы. Примерами того являются цифровизация, расширяющая доступность инвестиционных продуктов для различных субъектов, размытие границ между сегментами рынка и функциями его участников, усложнение рисков. Обозначенное необходимо учитывать при правовом регулировании отношений, возникающих в данной области. В частности, отмеченные обстоятельства в аспекте рассматриваемой нами проблематики ставят вопрос об архитектуре инвестиционного рынка и порядке допуска профессиональных участников.

Международная практика демонстрирует наличие двух моделей допуска профессиональных участников на рынок, которые имеют определенные национальные особенности. Первая модель построена по принципу допуска к каждому виду финансовой услуги (Сингапур, Япония, Германия, Казахстан и др.), вторая модель предполагает допуск к блоку финансовых услуг (Южная Корея, ЮАР), сходных по своему содержанию³¹.

Анализ российского регулирования показывает, что на рынке реализована первая модель, означающая допуск профессиональных участников к осуществлению одного вида деятельности. При этом совмещение с иными видами минимально или прямо запрещено. Заинтересованному субъекту для получения права осуществлять профессиональный вид деятельности (допуск в определенный сегмент

²⁹ К таким реестрам относятся: реестр операторов инвестиционных платформ (ст. 2, 16 Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 441) ; реестр операторов информационных систем (ст. 5 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018 (далее — Закон о ЦФА)).

³⁰ Так, в соответствии со ст. 10 Закона о рынке ценных бумаг осуществление деятельности по ведению реестра не допускает ее совмещения с другими видами профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, за исключением депозитарной деятельности. В качестве еще одного примера назовем статью 6 Закона РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (Российская газета. 1993. № 6), в которой установлено, что страховые организации, в том числе перестраховочные организации, общества взаимного страхования, не вправе осуществлять предпринимательскую деятельность, не связанную со страховой деятельностью (страховым делом), за исключением деятельности по доверительному управлению ПИФ.

³¹ Совершенствование допуска на финансовый рынок. Новые возможности для участников : доклад для общественных консультаций / Банк России. М., 2020. С. 4–9.

рынка) необходимо соответствовать различным требованиям (организационно-правовая форма, финансовое положение, структура органов управления, квалификация и т.д.), а также пройти разрешительную процедуру (лицензирование, аккредитацию). Такая модель допуска предполагает разделение функций между его участниками и вариативные условия для допуска этих субъектов исходя из вида осуществляемой ими деятельности. Соответственно, в зависимости от сегмента инвестиционного рынка можно выделить следующие группы профессиональных участников.

Первая группа — это профессиональные участники рынка ценных бумаг, которые неоднородны по своему составу. Субъектов этого рынка в зависимости от степени его организованности можно разделить на участников организованного рынка ценных бумаг (биржевого) и участников неорганизованного рынка. На основании функций, которые они выполняют, их можно объединить в следующие группы:

1) организаторы инфраструктуры (организаторы торговли — биржа, торговая система)³², основная функция которых — создание и обеспечение условий для организации и ведения торгов, т.е. предоставление площадки для сведения продавцов и покупателей;

2) вспомогательные организации, обслуживающие организованные торги: а) профессиональные участники, совершающие сделки с ценными бумагами, а также с производными финансовыми инструментами (брокеры, управляющие компании, дилеры)³³; б) участники учетной системы фондового рынка (регистраторы, депозитарии)³⁴, одного из центральных звеньев, соединяющих инвесторов и эмитентов, призванного обеспечить надежность и

оперативность учета; в) участники, оказывающие консультирование (инвестиционные советники);

3) субъекты инфраструктуры организованного рынка, обеспечивающие его функционирование (клиринговые организации, центральный контрагент³⁵, трансфер-агенты, репозитории).

Отечественное законодательство в рассматриваемой области основывается на нескольких нормативных актах. Так, в одном из центральных законов в отдельную главу (гл. 2 Закона о рынке ценных бумаг) помещены положения о профессиональных участниках рынка ценных бумаг, к которым относятся брокер, дилер, инвестиционный советник, депозитарий, регистратор, управляющий. Буквальное толкование этой главы показывает, что профессиональными участниками рынка ценных бумаг являются лишь те субъекты, которые осуществляют виды деятельности, перечисленные в ней.

Однако необходимо обратить внимание, что статус некоторых участников фондового рынка (например, организаторов торговли, клиринговых организаций) регулируется отдельными специальными законами. Такая ситуация обусловлена причинами исторического характера. Так, в период становления российского рынка ценных бумаг законодатель постепенно создавал его инфраструктуру, устанавливал особенности правового статуса его субъектов, а также вариативность допуска различных участников.

Второй самостоятельной группой можно назвать профессиональных участников коллективного инвестирования³⁶. Рынок коллективных инвестиций связан с отношениями, возникающими в процессе формирования и использования объединенного имущества (пула),

³² Федеральный закон от 21.11.2011 № 325-ФЗ «Об организованных торгах» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6726.

³³ Эта группа также неоднородна по своему составу, например, дилер — это профессиональный инвестор, отличающийся от других инвесторов, в том числе квалифицированных, тем, что он является участником организованных торгов, действующим за свой счет. Брокерская деятельность, напротив, предполагает осуществление функции финансового посредника, состоящей в привлечении потенциальных инвесторов (клиентов) и обеспечение их доступа к торгам, маржинальную торговлю, андеррайтинг.

³⁴ Практически каждого из перечисленных участников можно также разделить на виды. Например, можно выделить расчетного депозитария (ст. 7 Закона о рынке ценных бумаг), центрального депозитария (Федеральный закон от 07.12.2011 № 414-ФЗ «О центральном депозитарии» // СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7356), специализированного депозитария (ст. 44 Закона об инвестиционных фондах, ст. 36.18 Закона об НПФ).

³⁵ Федеральный закон от 07.02.2011 № 7-ФЗ «О клиринге, клиринговой деятельности и центральном контрагенте» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 904.

³⁶ В юридической литературе его предлагают рассматривать вместе с рынком ценных бумаг. См.: Шевченко О. М. Правовое регулирование рынка ценных бумаг и коллективных инвестиций : учебник. М. : Проспект, 2021. С. 19.

передаваемого в доверительное управление профессиональному управляющему в целях его инвестирования и распределения полученных финансовых результатов³⁷. Соответственно, на рынке коллективных инвестиций существуют следующие профессиональные участники: 1) управляющие компании; 2) НПФ; 3) специализированные общества (специализированное финансовое общество, специализированное общество проектного финансирования); 4) специализированные депозитарии.

Анализ деятельности субъектов перечисленных выше групп свидетельствует, с одной стороны, о разделении функций между ними, с другой — о сходных по экономическому содержанию некоторых видов деятельности профессиональных участников. Примером тому являются деятельность по управлению ценными бумагами (управляющий) и деятельность по управлению активами акционерного инвестиционного фонда и доверительному управлению ПИФ (управляющая компания), которые разрешены к совмещению и могут осуществляться одним юридическим лицом (ч. 4 ст. 38 Закона об инвестиционных фондах). При этом требования к таким видам деятельности различаются. Кроме того, напомним, что в 2024 г. страховым организациям была предоставлена возможность совмещать свою деятельность с деятельностью управляющей компании инвестиционного фонда. Правда, появление такой возможности было продиктовано не сходными экономическими характеристиками деятельно-

сти, а необходимостью предложения потенциальным инвесторам нового инвестиционного инструмента (долевого страхования жизни).

Небезынтересным в аспекте рассматриваемой темы представляется вопрос об универсализации участников фондового рынка, который был представлен на обсуждение Банком России. Дискуссия была обусловлена тем, что брокерские компании стали активно использовать интернализацию (исполнение поручений клиента минуя биржевую инфраструктуру)³⁸ и кросс-агентирование (модель, в рамках которой брокер одновременно представляет контрагентов по сделке)³⁹. Строго говоря, эти профессиональные участники в рамках своей инфраструктуры частично осуществляли функции, характерные для организаторов торгов.

Такое положение вещей послужило основанием для появления и развития идеи об универсализации деятельности профессиональных участников, что предполагает реализацию двух компонентов:

1) дезинтермедияция — устранение посредников, т.е. прямой доступ инвесторов на рынок, который смогут предоставлять инфраструктурные организации (организаторы торговли);

2) возможность брокеров самостоятельно сводить заявки инвесторов на наилучших доступных условиях (интернализация и кросс-агентирование).

Перечисленное демонстрирует, что универсализация деятельности обосновывается не их сходством, а иными факторами.

³⁷ См.: Предпринимательское право : Правовое сопровождение бизнеса : учебник для магистров / отв. ред. И. В. Ершова. М. : Проспект, 2017. С. 706 (автор главы — О. М. Шевченко).

³⁸ Общая схема взаимодействия организатора торговли на фондовом рынке с профессиональными участниками и их клиентами состоит в том, что клиент (инвестор) подает заявку на сделку брокеру, который обрабатывает ее, т.е. проверяется возможность исполнения заявки с точки зрения требований брокера и биржи (например, достаточность средств, ценных бумаг). При соблюдении условий она преобразуется в заявку клиентского типа от лица брокера и передается на сервер биржи, где также происходит проверка возможности исполнения, но уже с точки зрения возможностей брокера. При этом клиентская персонализация заявки в момент подачи ее на биржу теряется, и она становится обезличенной клиентской заявкой брокера — участника биржевых торгов. См.: Финансовая экономика : учебник / под науч. ред. В. В. Иванова, Н. А. Львовой. М. : Проспект, 2022. Т. 1. С. 648–649 (автор главы — О. Ю. Коршунов). Между тем при интернализации исполнение сделок осуществляется одним брокером без выхода на биржу.

³⁹ В экономической литературе такая тенденция связывается с тем, что крупные игроки (например, «Сбербанк», «Т-Банк»), имеющие значительную базу клиентов, проводят сделки в рамках систем банков. По мнению специалистов, интернализация ликвидности ведет к разрушению биржевых механизмов справедливого ценообразования, обеспечения равных прав для всех участников торгов и прозрачности биржевых сделок, ценой на рынке становится легче манипулировать, требуется уже меньший объем сделки, чтобы изменить цену, так как сам рынок искусственно сужается. См.: Гусев А. А., Семенова Е. В., Гибадуллин Э. И. Интернализация ликвидности как фактор разрушения биржевого рынка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Экономика». 2021. № 2. С. 23–24.

Полагаем, что по вопросу универсализации деятельности организаторов торговли и брокеров следует согласиться с доводами Банка России, заключающимися в том, что такая деятельность способна повлечь за собой высокий рост издержек и новые риски из-за дробления торговли среди нескольких площадок⁴⁰. Кроме того, если говорить о возможности совмещения профессиональных видов деятельности на инвестиционном рынке, то это должны быть комплексные (экономически сходные) виды с подобными базовыми рисками (например, операционный, поведенческий, фидуциарный и т.д.), что вряд ли применимо к организаторам инфраструктуры и посредникам (брокерам), поскольку первые создают условия для организации торгов, а вторые обеспечивают доступ к торгам для своих клиентов. Соответственно, риски, сопровождающие перечисленные виды деятельности, различны: первым присущ операционный риск, а вторым — поведенческий.

В качестве еще одной самостоятельной группы необходимо выделить профессиональных участников цифрового инвестиционного рынка⁴¹, которые появились позднее, и их возникновение связывается с необходимостью формирования контролируемого рынка цифровых продуктов. Субъектов на этом рынке в зависимости от вида платформенного сервиса (информационной системы) можно разделить на подгруппы: 1) профессиональные участники финансовой платформы (оператор финан-

совой платформы, регистратор финансовых транзакций)⁴²; 2) профессиональные участники информационной системы (оператор информационной системы, оператор обмена цифровых финансовых активов (ЦФА), узлы информационной системы⁴³, цифровой депозитарий и организация, осуществляющая обмен цифровых валют⁴⁴); 3) профессиональные участники инвестиционной платформы (оператор инвестиционной платформы)⁴⁵. Кроме того, исходя из характера выполняемой ими функции, в этой группе можно выделить: 1) организаторов инфраструктуры (операторов соответствующих платформ и систем); 2) посредников (оператор обмена ЦФА, организация, осуществляющая обмен цифровых валют); 3) участников учетной системы (цифрового депозитария).

В рассматриваемой области сложились два направления по совершенствованию деятельности этих субъектов. Первое условно назовем консервативным. Оно исходит из того, что изменений в этой части не требуется⁴⁶. Исключением является предложение Банка России о наделении организатора торговли статусом оператора обмена цифровых активов и распространении на цифровые права, допускаемые к организованным торгам, правил, аналогичных для традиционных активов⁴⁷. Между тем остается не вполне понятным, что именно необходимо изменить, поскольку с момента принятия Закона о ЦФА (2020 г.) в нем имело место положение о возможности получения статуса

⁴⁰ Универсализация или специализация? Роли участников на фондовом рынке. С. 20.

Сходную позицию высказала Национальная ассоциация участников фондового рынка (НАУФОР): Комментарии НАУФОР к докладу Банка России «Универсализация или специализация? Роли участников на фондовом рынке», одобрены Советом директоров НАУФОР 25.07.2024 // URL: <https://naufor.ru/tree.asp?n=28684> (дата обращения: 18.11.2024).

⁴¹ В данной работе под ним будем понимать такой рынок, где взаимодействие между субъектами происходит в цифровой среде с использованием цифровых технологий, а объектами являются цифровые продукты (цифровые права, цифровые финансовые активы и т.д.). См.: Головенчик М. Г., Головенчик Г. Г. Особенности функционирования цифровых рынков // Цифровая трансформация. 2023. № 29 (2). С. 14–16.

⁴² Федеральный закон от 20.07.2020 № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» // СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4737.

⁴³ Ст. 5 и 10 Закона о ЦФА.

⁴⁴ Ст. 22, 18 Федерального закона от 04.08.2026 № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» // СЗ РФ. 2026. № 32. Ст. 4479.

⁴⁵ Ст. 2 Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ...».

⁴⁶ Так, Банк России в более ранних обзорах мотивировал это новизной данной группы субъектов. См.: Совершенствование допуска на финансовый рынок. Новые возможности для участников. С. 24.

⁴⁷ Развитие рынка цифровых активов в Российской Федерации : доклад для общественных консультаций / Банк России. М., 2022. С. 22.

оператора обмена ЦФА организатором торгов. В частности, был установлен упрощенный порядок получения статуса такого оператора по сравнению с иными юридическими лицами. Для этого организатору торговли достаточно было подать соответствующее ходатайство для включения в реестр (ч. 2 ст. 10 Закона о ЦФА).

Второе направление, более революционное, исходит из того, что в данной области назрела необходимость существенных изменений. В частности, следует отказаться от ограничений на совмещение деятельности финансовых организаций и финансовых платформ (например, разрешить совмещение деятельности оператора со всеми видами профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, деятельностью управляющей компании ПИФ и НПФ, а также деятельностью кредитной организации). Подобного рода изменения мотивируются улучшением доступности и качества финансовых продуктов для потребителя⁴⁸. Полагаем, что такие изменения требуют более детальной проработки, так как они не являются комплементарными, соответственно, как в случае с универсализацией деятельности на фондовом рынке, могут влечь за собой дополнительные риски.

Заключение

Резюмируя изложенное, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, профессиональные участники представляют собой особую группу участни-

ков инвестиционной деятельности, к которой предъявляются повышенные требования. Особенно это заметно на фондовом рынке, где их деятельность связана с повышенными рисками.

Во-вторых, в целом российский законодатель исходит из того, что специализация деятельности профессиональных участников необходима практически во всех сегментах инвестиционного рынка. Соответственно, в настоящее время действует модель выдачи отдельного разрешения на оказание каждой финансовой (инвестиционной) услуги, которая оказывается в значимых для общества сферах деятельности. Такой подход обосновывается тем, что допущение совмещения видов профессиональной деятельности влечет за собой дополнительные риски, например кросс-секторальные и системные риски, риски, связанные с конфликтом интересов.

При этом иногда для увеличения конкуренции между субъектами и расширения линейки инвестиционных инструментов законодатель идет по пути увеличения количества совмещаемых видов деятельности либо упрощения процедур получения на дополнительный вид профессиональной деятельности. Такой взвешенный подход представляется вполне оправданным, поскольку виды деятельности профессиональных участников инвестиционного рынка достаточно многообразны, что предопределяет различный характер отношений, опосредующих ее и, соответственно, требующих в некоторых случаях разрешительного способа регулирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Борисова О. В., Малых Н. И., Овешникова Л. В. Инвестиции : учебник и практикум для вузов. М. : Юрайт, 2024. 482 с.

Галанов В. А. Рынок ценных бумаг : учебник. М. : Инфра-М, 2023. 414 с.

Головенчик М. Г., Головенчик Г. Г. Особенности функционирования цифровых рынков // Цифровая трансформация. 2023. № 29 (2). С. 13–23.

Гусев А. А., Семенкова Е. В., Гибадуллин Э. И. Интернализация ликвидности как фактор разрушения биржевого рынка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Экономика». 2021. № 2. С. 18–27.

Данилова Т. Н. Инвестиционный рынок и его место в структуре финансового рынка // Финансы и кредит. 2002. № 8. С. 10–25.

Иголина Л. Л. Инвестиции. М. : Магистр : Инфра-М, 2021. 752 с.

Инвестиции / под ред. В. В. Ковалева, В. В. Иванова, В. А. Лялина. М. : ТК Велби, 2003. 440 с.

Инвестиции : учебник и практикум для вузов / В. Е. Леонтьев, В. В. Бочаров, Н. П. Радковская. М. : Юрайт, 2023. 447 с.

⁴⁸ Комментарии НАУФОР к докладу Банка России «Универсализация или специализация? Роли участников на фондовом рынке».

- Инвестиционное право : учебник для вузов / А. М. Лаптева, О. Ю. Скворцов. М. : Юрайт, 2022. 705 с.
- Кузнецов М. В. Понятие и признаки профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг // Предпринимательское право. 2010. № 3. С. 15–20.
- Лаптева А. М. Правовой статус инвестора — физического лица на рынке ценных бумаг // Законодательство. 2022. № 4. С. 59–64.
- Лукаевич И. Я. Инвестиции : учебник. М. : Вузовский учебник : Инфра-М, 2024. 413 с.
- Николаева И. П. Инвестиции : учебник. М. : Дашков и Ко, 2023. 249 с.
- Предпринимательское право Российской Федерации : учебник / отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. М. : Норма : Инфра-М, 2020. 992 с.
- Предпринимательское право : Правовое сопровождение бизнеса : учебник для магистров / отв. ред. И. В. Ершова. М. : Проспект, 2017. 848 с.
- Ратникова Д. С. Правовое регулирование инвестиционной деятельности в Российской Федерации: теоретические основы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 214 с.
- Теплова Т. В. Инвестиции. М. : Юрайт, 2024. 781 с.
- Терехова Е. В. Инвестиционное право: публично-правовые начала : учеб. пособие. М. : РГУП, 2015. 296 с.
- Удальцова Н. Г. Первичное публичное предложение (размещение) ценных бумаг: правовая природа. М. : Инфотропик Медиа, 2012. 224 с.
- Финансовая экономика : учебник / под науч. ред. В. В. Иванова, Н. А. Львовой. Т. 1. М. : Проспект, 2022. 784 с.
- Шевченко О. М. Правовое регулирование рынка ценных бумаг и коллективных инвестиций : учебник. М. : Проспект, 2021. 456 с.

REFERENCES

- Borisova OV, Malykh NI, Oveshnikova LV. Investments. Moscow: Yurayt Publ.; 2024. (In Russ.).
- Ershova IV (ed.). Business Law: Legal Support of Business. Moscow: Prospekt Publ.; 2017. (In Russ.).
- Galanov VA. Securities Market: textbook. Moscow: Infra-M Publ.; 2023. (In Russ.).
- Golovenchik MG, Golovenchik GG. Features of Digital Markets Functioning. *Digital Transformation*. 2023;29(2):13-23. (In Russ.). DOI: 10.35596/1729-7648-2023-29-2-13-23.
- Gubin EP, Lakhno PG (eds.). Business Law of the Russian Federation. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2020. (In Russ.).
- Gusev AA, Semenkova EV, Gibadullin EI. Internalization of Liquidity as a Factor of Destruction of the Stock Market. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Economics*. 2021;2:18-28. (In Russ.). DOI: 10.18384/2310-6646-2021-2-18-28.
- Danilova TN. Investment market and its place in the structure of the financial market. *Finance and Credit*. 2002;8:10-25. (In Russ.).
- Igonina LL. Investments. Moscow: Magistr: Infra-M Publ.; 2021. (In Russ.).
- Ivanov VV, Lvova NA. Financial Economics. Vol. 1. Moscow: Prospekt Publ.; 2022. (In Russ.).
- Kovalev VV, Ivanov VV, Lyalin VA (eds.). Investments. TK Welby Publ.; 2003. (In Russ.).
- Kuznetsov MV. Concept and signs of professional activity in the securities market. *Entrepreneurial Law*. 2010;3:15-20. (In Russ.).
- Lapteva AM, Skvortsov OYu. Investment Law. Moscow: Yurayt Publ.; 2022. (In Russ.).
- Lapteva AM. Legal Status of Individual Investor in Securities Market. *Zakonodatelstvo*. 2022;4:59-64. (In Russ.).
- Leontyev VE, Bocharov VV, Radkovskaya NP. Investments. Moscow: Yurayt Publ.; 2023. (In Russ.).
- Lukasevich IYa. Investments. Moscow: Vuzovskiy uchebnik: Infra-M Publ.; 2024. (In Russ.).
- Nikolaeva IP. Investments. Moscow: Dashkov and Co. Publ.; 2023. (In Russ.).
- Ratnikova DS. Legal regulation of investment activities in the Russian Federation: theoretical foundation. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2011. (In Russ.).
- Shevchenko OM. Legal regulation of the securities market and collective investments. Moscow: Prospekt Publ.; 2021. (In Russ.).
- Teplova TV. Investments. Moscow: Yurayt Publ.; 2024. (In Russ.).
- Terekhova EV. Investment Law: Public Law Principles. Moscow: RGUP Publ.; 2015. (In Russ.).
- Udal'tsova NG. Initial public offering (placement) of securities: legal nature. Moscow: Infotropic Media Publ.; 2012. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лаптева Анна Михайловна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой финансового права юридического факультета НИУ «Высшая школа экономики»
д. 3, Кантемировская ул., г. Санкт-Петербург 194100, Российская Федерация
laptevaann@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna M. Lapteva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Financial Law, Faculty of Law, National Research University «Higher School of Economics», St. Petersburg, Russian Federation
laptevaann@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 1 июля 2025 г.

Статья получена после рецензирования 5 июля 2025 г.

Принята к печати 15 августа 2026 г.

Received 01.07.2025.

Revised 05.07.2025.

Accepted 15.08.2026.

Конституционализация уголовного права как механизм установления его пределов

Резюме. К уголовному праву, предусматривающему наиболее строгие меры государственного принуждения, предъявляются повышенные правовые требования. Эффективные ограничения по отношению к уголовному праву не могут формулироваться на уровне федерального закона или содержаться во внеправовых источниках. Современное понимание правового государства предполагает ограничение уголовного права посредством конституционных положений. Комплексная конституционализация уголовного права одновременно учитывает права субъекта ответственности и потерпевших, не допуская избыточного и недостаточного принуждения. Формальной целью конституционализации является поддержание такого состояния уголовного закона, при котором он не противоречит конституционным требованиям. Сущностно это обеспечивает индивидуальные и коллективные конституционные права путем определения конституционных пределов уголовного закона, внутри которых действует правотворческое усмотрение по выбору оптимальных средств воздействия. Прямое действие конституционных норм исключает принятие неконституционного уголовного закона, неконституционное правоприменение и неконституционное правопонимание. В статье дано понятие конституционных основ и раскрыта логическая структура таких норм, адресованных законодателю и правоприменителю. По своему характеру они лимитируют или легитимируют уголовно-правовые и уголовно-политические решения, а приоритет отдан ограничивающим предписаниям. Содержательно конституционные основы преимущественно представлены негативными обязательствами государства в сфере уголовного права.

Ключевые слова: конституционализация; уголовное право; права человека; усмотрение законодателя; пределы уголовного права; конституционная легитимация

Для цитирования: Арзамасцев М. В. Конституционализация уголовного права как механизм установления его пределов. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 9. С. 61–77. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.238.9.061-077

Constitutionalization of Criminal Law as a Mechanism for Defining its Limits

Maxim V. Arzamastsev

St. Petersburg State University

St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. Criminal law providing for the most severe forms of state coercion is subject to heightened legal requirements. Effective constraints on criminal law cannot be defined solely at the level of federal legislation or derived from extra-legal sources. Contemporary understanding of the rule-of-law state presupposes that criminal law is limited by constitutional provisions. Comprehensive constitutionalization of criminal law simultaneously takes into account the rights of persons subject to criminal liability and of victims, preventing both excessive and insufficient coercion. Formally, constitutionalization aims to maintain criminal legislation in compliance with constitutional provisions. In substantive terms, it safeguards individual and collective constitutional rights by defining the constitutional limits of criminal legislation within which the lawmaker retains discretion to select the

most appropriate means of legal regulation. The direct effect of constitutional norms prevents the enactment of unconstitutional criminal legislation, unconstitutional law enforcement, and unconstitutional legal interpretation. The study defines the constitutional foundations of criminal law and elucidates the logical structure of the relevant norms aimed at both legislators and law-enforcement authorities. By their nature, such norms either constrain or legitimize criminal law and criminal policy decisions, while priority is accorded to restrictive prescriptions. In substantive terms, the constitutional foundations are predominantly expressed through the State's negative obligations in the sphere of criminal law.

Keywords: constitutionalization; criminal law; human rights; legislator's discretion; limits of criminal law; constitutional legitimization

Cite as: Arzamastsev MV. Constitutionalization of Criminal Law as a Mechanism for Defining its Limits. *Lex russica*. 2026;79(9):61-77. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.238.9.061-077

Введение

В разных странах мира происходит сближение наук конституционного и уголовного права. На их пересечении и при объединении усилий возникает «уголовно-конституционное право» (англ. — constitutional criminal law¹, нем. — Strafverfassungsrecht²), хотя и существует опасность, что конституционалисты не очень хорошо знакомы с отдельными идеями уголовного права, как и, наоборот, криминалисты могут быть не полностью осведомлены о конституционно-правовых дискуссиях³.

В нашей стране нормативно признано, что уголовный закон основывается на Конституции РФ (ч. 2 ст. 1 УК РФ). Но вопрос как о самих конституционных основах уголовного права, так и о механизме их действия остается недостаточно изученным, вследствие чего требует самостоятельного анализа, чему и посвящена статья.

Внеконституционные основы и ограничения уголовного права

Уголовное право призвано разрешать наиболее острые конфликты в обществе, используя самые строгие меры принуждения. В классической школе сложилось устойчивое и не вызывающее особой дискуссии понимание уголовного закона как определяющего границы государственного

принуждения. Например, И. Я. Фойницкий отмечал, что «именно в области уголовного права и процесса лежат границы для вторжения государства в область личной свободы граждан, и потому научная разработка этих дисциплин может более всего обеспечить господство права»⁴. Н. С. Таганцев писал, что «закон уголовный устанавливает пределы карательной власти судьи по отношению к отдельным преступным деяниям» и в конечном счете «определяет объем и условия осуществления правоохраны»⁵.

Вместе с тем опыт XX в. показывает опасность исключительно позитивистского понимания возможностей уголовного закона. Многочисленность изменений, маятниковые колебания уголовной политики, стремление решить любую социальную или экономическую проблему при помощи запрета нежелательного поведения могут служить косвенными свидетельствами произвольности нормотворчества. Однако верность данного вывода аннулирует значение уголовного закона как реально ограничивающего государственное принуждение. Или, другими словами, нельзя считать достаточным ограничение принудительных мер только средствами уголовного закона.

Среди же дополнительных аргументов можно привести следующие.

Во-первых, ввиду одинаковой (за небольшими исключениями, присущими, в частности, соотношению общих и специальных норм) силы уголовно-правовых положений они не могут ни

¹ Odujirin A. The Rule of (Criminal) Law: «Absolute» Liability and the Canadian Charter of Rights and Freedoms // Common Law World Review. 2003. Vol. 32. No. 2. P. 161.

² Brodowski D. Die Evolution des Strafrechts. Strafverfassungsrechtliche, europastrafrechtliche und kriminalpolitische Wirkungen auf Strafgesetzgebung. Baden-Baden : Nomos, 2023. S. 45.

³ Lagodny O. Strafrecht vor den Schranken der Grundrechte. Tübingen : J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1996. S. 18.

⁴ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. СПб. : Альфа, 1996. Т. 2. С. 586–587.

⁵ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Тула : Автограф, 2001. Т. 1. С. 132.

легитимировать, ни лимитировать друг друга. По крайней мере, положения ст. 1 и 3 УК РФ не помешали выделению в Особенной части специальных видов соучастия (ст. 205.1, 281.1, 291.1 УК РФ) и группового способа неосторожного преступления (ст. 263.1 УК РФ).

Во-вторых, ограничение уголовным законом своих же собственных положений не отменяет произвольность любых нормотворческих решений, их выведение из самих себя, круг в обосновании. Обращает на себя внимание позиция В. Ф. Щепелькова, что в ч. 1 ст. 1 УК РФ «законодатель предъявил требование к своей собственной деятельности»⁶, то есть установил самоограничение.

Если признать самоограничение достаточным, то возникает неверная логическая формула об определении пределов и оснований уголовного закона им же самим. Только Мюнхгаузен мог сам себя вытащить из болота, а вот Архимеду была нужна внешняя опора для рычага. Объект ограничения и его основание не могут совпадать, иначе уголовный закон может стать любым (произвольное основание предполагает и произвольное содержание норм).

Это уже позволяет согласиться с идеей Г. Кельзена, что «не существует гарантии правомерности... когда отмена неправомерных актов находится в компетенции органа, их издавшего»⁷.

В-третьих, включение самоограничений в обычный закон не создает никаких препятствий к последующему пересмотру их законодателем, поскольку для всех федеральных законов установлен одинаковый порядок как принятия, так и отмены.

Самоограничение, введенное в уголовном законе, может быть аннулировано или пере-

смотрено одновременно с любой его трансформацией. Так, 25 лет существовала норма ч. 3 ст. 331 УК РФ об отдельном (специальном) уголовном законодательстве военного времени, что не помешало законодателю признать ее утратившей силу и дифференцировать в самой главе 33 УК РФ ответственность за преступления против военной службы, совершенные в период военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий⁸.

Особые требования к проектам изменений и дополнений уголовного закона установлены в ст. 8 Федерального закона от 13.06.1996 № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации»⁹. Однако данные ограничения для уголовно-правовых запретов были введены только в 2003 г.¹⁰ и существенно расширены в 2015 г.¹¹ Это свидетельствует, что они приняты в рамках нормотворческого усмотрения и в любой момент могут быть не только изменены, но и отменены самим законодателем. Кроме того, не предполагается никаких санкций (последствий) за несоблюдение этих требований, то есть они сдерживают субъектов законодательной инициативы лишь условно.

Формально-юридически ст. 8 Федерального закона от 13.06.1996 № 64-ФЗ сама может быть изменена любым новым законом с внесением этим же актом таких положений в УК РФ, которые не соответствуют обозначенным в ней требованиям. Другими словами, заложенное в ст. 8 Федерального закона от 13.06.1996 № 64-ФЗ требование является простым самоограничением законодателя и основывается лишь на его воле, изменение которой предопределяет и уголовно-правовые новеллы.

⁶ Щепельков В. Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты. М. : Юрлитинформ, 2003. С. 89.

⁷ Кельзен Г. Судебная гарантия Конституции: конституционная юстиция. Часть 2 // Право и политика. 2006. № 9. С. 6.

⁸ Федеральный закон от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 39. Ст. 6535.

⁹ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2955.

¹⁰ Федеральный закон от 08.12.2003 № 161-ФЗ «О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом “О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4847.

¹¹ Федеральный закон от 13.07.2015 № 266-ФЗ «О внесении изменений в статью 8 Федерального закона “О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации” и Федеральный закон “О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4392.

Например, примечание к ст. 238 УК РФ введено Федеральным законом от 28.12.2024 № 514-ФЗ¹², первоначальная концепция которого не предполагала такого положения, не получившего предварительной оценки Правительства РФ и Верховного Суда РФ. Это предположено считать нарушением порядка рассмотрения законопроектов¹³, что вместе с тем не предполагает каких-либо последствий или санкций. Новелла включена в уголовный закон и вступила в силу.

Таким образом, легитимация и лимитация уголовного права не могут быть осуществлены на уровне федерального закона, как и не могут быть эффективно реализованы через самоограничение.

В доконституционную эпоху правители (даже абсолютные монархи) «находили собственные ресурсы для добровольных избирательных ограничений своей власти», например признавая неизменность правил престолонаследия¹⁴. Граница между неправдой уголовно наказуемой и неправдой ненаказуемой определялась для законодателя главным образом историческим наследием, теми пределами, которые установились для карательной деятельности государства предшествующей юридической жизнью¹⁵.

В советские годы В. В. Орехов связывал социальную обусловленность норм уголовного права с учетом всех тенденций исторического развития¹⁶. Сегодня аналогично рассуждает А. И. Рарог, который отмечает, что уголовно-правовые позиции законодателя в понимании основных категорий и институтов уголовного права должны быть незыблемыми, а также признает наличие примеров законодательного

отступления от исторически сложившегося понимания фундаментальных начал уголовного права¹⁷.

Однако идея полной незыблемости правовых традиций нерациональна. Очевидно, что ни новизна, ни историческая преемственность не могут сами по себе служить ограничителями в принятии или сохранении уголовно-правовых запретов, определении их содержания, а изменения чаще определяются поиском более эффективных мер. Но при этом эффективность не равнозначна легитимности.

В силу своей формальной необязательности не могут действительно (реально) ограничивать уголовное принуждение исторические, религиозные, нравственные, культурные, психологические, концептуальные и иные внеюридические основы уголовного права, хотя, безусловно, они воздействуют и на правосознание (граждан, правоприменителей и законодателей), и на эффективность противодействия преступности (запреты, согласующиеся с такими основаниями, имеют больший социальный эффект, чем противоречащие им). Но возможно и обратное явление, когда новеллы уголовного закона влияют на религиозные, моральные, культурные и т.п. оценки поведения. Во всяком случае социально-психологические основания не создают реальных ограничителей для действий государства, которое может, исходя из публичных интересов, к ним прислушиваться, но может и игнорировать.

Другим проявлением этого же подхода можно считать выделение сегодня концептуальных основ или пределов уголовного права. Например, Е. В. Кобзева, обосновывая идеологические границы уголовного закона, рассматрива-

¹² СЗ РФ. 2024. № 53 (ч. I). Ст. 8524.

¹³ См.: Идрисов Н. Т. К вопросу о прогнозировании социально-правовых последствий новеллизации уголовно-правовых запретов (на примере примечания к ст. 238 УК РФ) // Уголовное судопроизводство. 2025. № 1. С. 24–28.

¹⁴ Холмс С. Конституция и конституционализм (глава восьмая из книги «Оксфордский справочник по сравнительному конституционному праву») / пер. с англ. Д. Сичинавы // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 3 (88). С. 60, 66–68.

Применительно к Германии Г. Еллинек указывал, что всякое изменение порядка престолонаследия (на которое требовалось согласие агнатов) «может быть произведено лишь тем путем, какой существует для изменения конституции» (Еллинек Г. Борьба старого права с новым : пер. с нем. М., 1908. С. 37).

¹⁵ Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 57.

¹⁶ См.: Орехов В. В. Социология в науке уголовного права : учеб. пособие. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. С. 12.

¹⁷ См.: Рарог А. И. Уголовно-правовые позиции законодателя и правоприменителя // Lex russica. 2016. № 11. С. 49.

ет компоненты уголовно-правовой идеологии как концептуальные¹⁸. По мнению А. Б. Баумштейна, концептуальные начала играют ограничительно-направляющую роль, фактически закреплены в нормах уголовного закона явным образом либо могут быть выведены из него судебной практикой или общепризнанным мнением науки уголовного права¹⁹. Связывает концептуальные основы уголовного права с ограничением сферы уголовно-правового принуждения и Т. Г. Понятовская, указывая на обязанность законодателя «включить в Уголовный кодекс такие понятия и институты, которые гарантируют необходимую и достаточную защищенность граждан от репрессивного произвола самого государства»²⁰. При этом частью таких основ является концепт — основополагающая, изначальная идея, не требующая доказательства ее исторической достоверности²¹. В таком понимании концептуальной может стать любая идея, которая выступает как аксиома. Оценка же ее как прогрессивной и положительной носит субъективный характер, что позволяет придать такое значение любым воззрениям.

Основное действие моральных, религиозных, идеологических, концептуальных и т.п. факторов реализуется через общественное признание, что обуславливает эффективность уголовного закона, но само по себе лишено той юридической силы, которая могла бы служить его надежным ограничителем. Даже общепризнанное доктринальное мнение необязательно сдерживает нормотворчество, которое — в отсутствие рамок — способно превратиться в произвол, подменяющий уголовно-правовое принуждение репрессиями.

Обычно юридическая сила определенного положения начинается с придания ему соответ-

ствующей формы. Неслучайно С. В. Анощенкова предлагает сначала установить концептуальные основы, имеющие непреходящее значение для общества в целом, затем осуществить их отражение и конкретизацию в нормах права (например, в задачах и принципах, закрепляемых в ст. 2–7 УК РФ)²². Но считается, что ни слова, ни принципы, лежащие в их основе, не накладывают существенных ограничений на уголовно-правовые полномочия государства²³. Формализуемые только в уголовном законе отраслевые задачи и принципы перестают быть внешними пределами власти законодателя, становясь его самоограничением, неэффективность которого показана выше.

Например, в Германии базовые концепции уголовного права сформировались в доконституционную эпоху, когда поиски легитимности этой отрасли велись посредством критики — при помощи теории и философии — уголовной политики²⁴. Таким образом, задействие концептуальных начал, во-первых, возможно и при отсутствии конституционного правопорядка, а во-вторых, носит скорее философский характер, где результат зависит не от объективных данных, а от парадигмы исследователя. Поэтому концептуальные положения могут ограничивать произвол законодателя только в случае его согласия с доктриной.

Соответственно, если признавать необходимость пределов, ограничений уголовного права, то они не могут быть установлены на уровне самого уголовного закона, равно как и нельзя считать действительными ограничителями концептуальные, социально-психологические и иные внеюридические основы, которые хотя и существуют, но проявляют свое действие лишь по доброй воле законодателя.

¹⁸ См.: Кобзева Е. В. Идеологические и правовые границы российского уголовного закона: о необходимости их выделения и соблюдения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 5. С. 76.

¹⁹ См.: Баумштейн А. Б. Концептуальные начала уголовного права России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Курск, 2017. С. 8.

²⁰ Понятовская Т. Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность : дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 1996. С. 221.

²¹ См.: Понятовская Т. Г. Указ. соч. С. 112.

²² См.: Анощенкова С. В. Механизм легитимации норм морали (уголовно-правовой аспект) // Lex russica. 2016. № 8. С. 35, 44.

²³ См.: Tonry M. Equality and Human Dignity: The Missing Ingredients in American Sentencing // Crime and Justice. 2016. Vol. 45. P. 460.

²⁴ Wilfert M. V. Strafe und Strafgesetzgebung im demokratischen Verfassungsstaat: der Einfluss des grundgesetzlichen Demokratieprinzips auf Strafrecht und Strafgesetzgebung am Beispiel ausgewählter Staatschutzdelikte. Tübingen : Mohr Siebeck, 2017. S. 1, 15.

Основы конституционализации уголовного права

На пути поиска механизма, который легитимировал бы и одновременно ограничивал уголовное право, придавал юридическую силу социально-психологическим факторам, но носил внешний по отношению к уголовному закону характер, современные исследователи так или иначе задействуют конституционные положения.

Ранее Г. А. Злобин относил к системно-правовым принципам криминализации принцип конституционной адекватности (то есть «адекватность этой [уголовно-правовой] новеллы нормам и институтам Конституции СССР»²⁵). Сегодня, по оценке А. В. Елинского, «основной задачей исследователя... является установление и обоснование таких требований к содержанию и форме уголовного закона, которые бы соотносились с буквой и духом Конституции в системном ее понимании...»²⁶.

Как показывает О. Н. Бибики, реализуемая Конституцией функция заключается (хотя и не исчерпывается) в установлении концептуальных основ уголовно-правового регулирования²⁷. Т. Г. Понятовская признает, что «власть государства над его гражданами реально может быть ограничена только правом, такими отношениями между гражданами и государством, которые имеют под собой юридическое основание, вытекают из юридического факта — Конституции, обязывающей юридическим образом государство ограничивать репрессивную власть над гражданами и гарантировать им свободу от репрессивных злоупотреблений»²⁸. Е. В. Кобзева указывает, что в нормах Конституции РФ представлены основные компоненты правовой идеологии нашего государства, которая развивается посредством идеологием отраслей права, включая уголовное²⁹. Перечень подобных утверждений можно наращивать, однако представляется, что в условиях правового государства и

верховенства права концептуальные начала и границы уголовного принуждения могут иметь изначально лишь конституционную природу, хотя и реализуясь затем в уголовном законе. Это позволяет выделять как особую категорию конституционные основы уголовного права.

Хотя системы национального законодательства существенно различаются по применяемым уголовно-правовым мерам, однако именно в этой сфере большинство современных конституций обнаруживают значительное сходство, закрепляя наиболее сильные гарантии прав граждан. Признание в разных частях света идей правового государства и верховенства права предопределяет вектор дальнейшего развития, который можно обозначить как конституционализацию, определение конституционных пределов принуждения.

Поиск исходной посылки любой отрасли права в Конституции РФ С. В. Бирюков считает проявлением юридического позитивизма. В рамках такого правопонимания судебные решения должны соответствовать нормам, новые нормы — ранее принятым нормам более высокой юридической силы, нормы в целом — принципам права и правовой догматике, в которых заключен выявленный «социальный код права»³⁰. Вместе с тем благодаря Конституции именно естественные права человека рассматриваются как основа построения всего уголовного законодательства³¹. Поэтому конституционализация уголовного права не ограничивается позитивизмом или юснатурализмом, а скорее носит комплексный характер.

Применение уголовно-правовой нормы демократического правопорядка, по Г. Кельзену, предполагает следующую формулу: «Если конституционно избранный парламент в рамках установленного конституцией процесса принял закон, согласно которому определенное поведение должно наказываться как преступление,

²⁵ Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация). М. : Наука, 1982. С. 230 (автор параграфа — Г. А. Злобин).

²⁶ Елинский А. В. Проблемы уголовного права в конституционном измерении : монография. М. : Юрлитинформ, 2012. С. 45.

²⁷ См.: Бибики О. Н. Источники уголовного права Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. С. 46.

²⁸ Понятовская Т. Г. Указ. соч. С. 170.

²⁹ См.: Кобзева Е. В. Указ. соч. С. 75–76.

³⁰ См.: Бирюков С. В. Социальная обусловленность права: основные подходы // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 2 (51). С. 20.

³¹ См.: Кропачев Н. М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. СПб. : СПбГУ, 1999. С. 174–175.

если суд установил, что определенный человек осуществил такое поведение, то суд должен наложить предусмотренное законом наказание»³². В таком понимании Конституция регулирует в основном создание закона, а введение конституционной юстиции необходимо, чтобы обеспечить обязательства законодательной власти по отношению к основным правам³³. Важно, что «правам, закрепленным... в Конституции РФ, соответствуют не уголовно-правовые или гражданско-правовые, а именно конституционно-правовые обязанности»³⁴.

Конституционные положения, сдерживая законодателя и правоприменителя, не образуют уголовно-правовую норму. Они, являясь внешними регуляторами для уголовного права, определяют его основания и легитимацию, взаимодействие с правами человека, пределы законодательной и правоприменительной дискреции, взаимосвязи с другими отраслями права. Хотя подобные вопросы и ранее поднимались в уголовно-правовых исследованиях, однако в условиях правового государства они могут быть разрешены только на надотраслевом или межотраслевом уровне, надежный фундамент для чего создает как раз Конституция РФ. В этой части она регулирует отношения не собственно уголовно-правовые, а межотраслевые. Таким образом, конституционные основы уголовного права не совпадают по характеру правового регулирования с отраслевыми.

Конституционализм является прежде всего способом ограничения публичной власти, а конституционное правопонимание минимально включает реальность текста Конституции РФ

и человека, наделенного неотчуждаемыми правами, свободами и обязанностями³⁵. Образую основы конституционного строя, защищенные от изменений³⁶ на весь период действия Конституции РФ, они служат ограничению усмотрения государственной власти.

Прежде всего, основные права показывают, какие действия государства недопустимы, и призваны ограничивать публичную власть³⁷. Даже в США, где органы власти как федерального уровня, так и уровня штатов наделены широкими полномочиями по криминализации разнообразных деяний, эти полномочия не могут использоваться, когда их применение ведет к нарушению конституционных свобод личности³⁸. Таким образом, конституционные права человека лимитируют законодательное усмотрение.

Общая конституционная формула предполагает, что «правомерное осуществление гражданином своих конституционных прав и свобод не может... влечь для него неблагоприятные правовые последствия, в частности в форме уголовной ответственности»³⁹.

Конечно, не только индивидуальные, но и коллективные конституционные права (например, права избирательных объединений, которыми наделены политические партии, являющиеся основным коллективным субъектом избирательного процесса⁴⁰) могут ограничивать дискрецию законодателя.

Но предел субъективных прав может обнаруживаться в сфере взаимодействия конституционных прав двух (или более) субъектов. Например, с учетом позиции Конституционного

³² Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лезова. СПб. : Алеф-Пресс, 2015. С. 296–297.

³³ См.: Кельзен Г. Судебная гарантия Конституции: конституционная юстиция. Часть 1 // Право и политика. 2006. № 8. С. 6.

³⁴ Кропачев Н. М. Указ. соч. С. 165.

³⁵ См.: Крусс В. И. Конституционализация права: основы теории : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2016. С. 12.

³⁶ Как писал Г. Кельзен, «проблема конституционности законов не имеет смысла там, где не существует особой конституционной формы, то есть юридических норм, различающих создание законов и пересмотр конституции» (Кельзен Г. Судебная гарантия Конституции: Конституционная юстиция. Часть 1. С. 7). Действительно, если конституционные положения могут быть изменены в обычном (не усложненном) порядке, то они ничем не отличаются от самоограничений законодателя.

³⁷ См.: Троицкая А. Пределы прав и абсолютные права: за рамками принципа пропорциональности? Теоретические вопросы и практика Конституционного Суда РФ // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 2 (51). С. 51.

³⁸ См.: Бернам У. Правовая система США / пер. с англ. М. : Новая юстиция, 2006. С. 858.

³⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.1995 № 17-П // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 54.

⁴⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 18.03.2025 № 12-П // СЗ РФ. 2025. № 12. Ст. 1364.

Суда РФ⁴¹, одним из пределов свободы сбора информации является право другого человека на тайну частной жизни, нарушение которой может повлечь уголовную ответственность. Таким же образом появляется предел многих конституционных прав личности.

Большинство конституций закрепляет конституционные права человека по отношению к государству, а не по отношению к другим лицам⁴². Однако совершаемое индивидом преступление обычно нарушает права и интересы потерпевших. В данном вопросе можно обратиться к конституционному пониманию уголовного права в Германии. В частности, признается, что государство имеет обязательства перед преступником (здесь ключевой вопрос — разрешено ли определенное правило или санкция за его нарушение) и обязательства перед потерпевшей стороной (необходимы ли такие правило и санкция)⁴³. Уголовный законодатель, несмотря на свою широкую дискрецию, действует в рамках «конституционно установленного коридора» (нем.: *des verfassungsrechtlich vorgegebenen Korridors*)⁴⁴, в частности между обязательствами по наказанию (вытекающими из общей ответственности государства за безопасность) и пределами наказания⁴⁵. В своих крайних вариантах границами такого «коридора» служат свобода и безопасность⁴⁶. Абсолютизация одной из этих конституционных ценностей с очевидностью означает отказ от другой, поэтому уголовно-политическое решение не может ориентироваться только на одну из них. Однако степень ограничения свободы в интересах безопасности определяется прежде всего усмотрением законодателя, хотя и может быть проверена с точки зрения соразмерности (пропорциональности).

Например, ранее статья 116.1 УК РФ была признана не соответствующей Конституции РФ ввиду недостаточной защиты прав на личную неприкосновенность и на охрану достоинства

личности от насилия⁴⁷. А положения ст. 78 УК РФ (во взаимосвязи со ст. 27 УПК РФ) оценены как неконституционные в связи с тем, что ими не исключена чрезмерность сроков уголовного преследования⁴⁸. Приведенные примеры хорошо иллюстрируют случаи нарушения прав, соответственно, несоразмерно мягким и несоразмерно строгим уголовным законом.

В силу ч. 1 и 2 ст. 15 Конституции РФ граждане обязаны соблюдать Конституцию и законы, которые сами не должны противоречить Конституции, но которые презюмируются как конституционные. Каждый человек вправе поставить перед Конституционным Судом РФ вопрос о конституционности нормы уголовного права, примененной в его деле (в деле с его участием). До разрешения этого вопроса действует презумпция конституционности уголовного закона. Поэтому человек, находящийся под юрисдикцией государства, обязан соблюдать уголовный закон, презумпция конституционности которого не опровергнута в установленном порядке, а иначе он может быть подвергнут уголовной ответственности. Одновременно это означает, что и потерпевший не наделен правом решать вопрос об уголовной ответственности виновного лица, но вправе оспаривать конституционность норм, на основании которых решаются подобные вопросы.

Так, обращаясь к правовому регулированию ограничения свободы, Конституционный Суд РФ указал на конституционный статус потерпевшего и конституционно-правовые характеристики мер наказания, которые влияют на установление и реализацию запрета посещать места, в которых может регулярно находиться потерпевший. Помимо интересов потерпевшего, этот запрет служит и интересам осужденного, поскольку расширяет возможности применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества⁴⁹.

⁴¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.2024 № 2-П // СЗ РФ. 2024. № 5. Ст. 763.

⁴² См.: Barak A. *Proportionality: Constitutional Rights and their Limitations*. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2012. P. 253.

⁴³ См.: Lagodny O. *Op. cit.* S. 12.

⁴⁴ Brodowski D. *Op. cit.* S. 46.

⁴⁵ См.: Brodowski D. *Op. cit.* S. 409.

⁴⁶ Указывается, что особая напряженность существует между основными правами человека и государственной безопасностью (Wilfert M. V. *Op. cit.* S. 6).

⁴⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2021 № 11-П // СЗ РФ. 2021. № 16 (ч. III). Ст. 2874.

⁴⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2022 № 33-П // СЗ РФ. 2022. № 31. Ст. 5806.

⁴⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2024 № 4-П // СЗ РФ. 2024. № 7. Ст. 1032.

Соответственно, уголовное право затрагивает конституционные права как лиц — субъектов уголовной ответственности, так и потерпевших, чьи интересы им охраняются или чьи интересы могут быть поставлены под угрозу совершением преступления. Поэтому определенное уголовно-политическое решение может входить в противоречие с этими правами ввиду недостаточности или, напротив, избыточности государственного принуждения.

По оценке О. С. Гузеевой, «цель конституционализации уголовного права состоит в достижении оптимального баланса ценностей свободы и безопасности в процессе противодействия преступности»⁵⁰. Однако такое балансирование (как метод конституционного правопонимания и правоприменения) осуществляется в конституционных рамках, ограничивающих законодательную и судебную дискрецию. Нельзя считать балансом умаление основных прав человека (которые в силу ч. 2 ст. 17 и ст. 18 Конституции РФ являются неотчуждаемыми и определяют смысл деятельности всех органов публичной власти).

В конституционной теории предложено воспринимать конституционализацию как процесс «надлежащего качественного объективирования и оформления национальной правовой материи во всех конституционно признанных и допустимых для нее первичных... и вторичных... формах»⁵¹. С учетом перманентности этого процесса формальной целью конституционализации уголовного права можно признать поддержание такого состояния уголовного закона, при котором он не входит в противоречие с требованиями Конституции РФ (возможное вследствие действия в системе правового регулирования или придания ему нового смысла в правоприменительной практике). Это достигается путем своевременных нормотворческих изменений и дополнений и путем недопущения неконституционных вариантов толкования норм уголовного права.

Результатом конституционализации О. С. Гузеева считает «состояние уголовного закона,

при котором он соответствует Конституции РФ, подчиняется ее целям и согласуется с ее предписаниями, не нарушает конституционных прав граждан и не умаляет конституционных принципов»⁵². Однако такой результат нельзя считать достигнутым раз и навсегда. Например, конституционность положений ст. 158 УК РФ проверялась, хотя и в разных аспектах, трижды менее чем за четыре месяца⁵³. То есть предшествующий результат в виде вывода о соответствии нормы уголовного закона Конституции РФ, во-первых, не влияет на оценку этой же нормы в другом аспекте, и во-вторых, может измениться вследствие трансформации законодательства иной отраслевой принадлежности, вследствие изменений других уголовно-правовых норм либо, напротив, вследствие вхождения неизменного правового регулирования в противоречие с развитием общественных отношений, в которых реализуются конституционные права. Так, потребовалась проверка конституционности ч. 1 ст. 137 УК РФ ввиду распространения программного средства (мобильного приложения) родительского контроля, делающего доступными сведения о частной жизни других лиц⁵⁴. Поэтому обозначенный О. С. Гузеевой результат никогда не является окончательным, скорее это цель, к которой следует стремиться.

Важно ориентироваться на сущностную цель конституционализации — лимитировать и легитимировать уголовное право, чтобы оно поддерживало конституционные права (индивидуальные и коллективные) и обеспечивало отношения человек — общество — государство исходя из конституционного правопонимания. Это достигается за счет определения конституционных пределов (границ) уголовного закона, внутри которых законодатель свободен в выборе оптимальных средств противодействия преступлениям, а его решения, не выходящие за такие рамки, являются конституционными (конституционно допустимыми).

Невозможность достижения цели конституционализации исключает любые уголовно-по-

⁵⁰ Гузеева О. С. Проблемы теории конституционализации уголовного права : монография. М. : Проспект, 2021. С. 10.

⁵¹ Крусс В. И. Указ. соч. С. 74.

⁵² Гузеева О. С. Указ. соч. С. 63.

⁵³ Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2022 № 53-П // СЗ РФ. 2022. № 51. Ст. 9343 ; постановление Конституционного Суда РФ от 12.01.2023 № 2-П // СЗ РФ. 2023. № 4. Ст. 697 ; постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2023 № 13-П // СЗ РФ. 2023. № 15. Ст. 2747.

⁵⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.2024 № 2-П // СЗ РФ. 2024. № 5. Ст. 763.

литические решения (выходящие за конституционные границы), тогда как неоптимальность или неэффективность уголовной политики сама по себе еще не свидетельствует о неконституционности. Конституционные положения позволяют ответить на вопрос, каким не может быть уголовное право, оставляя открытыми вопросы, каким оно должно быть и какой из конституционно допустимых (возможных) вариантов оптимальный.

Например, признавая неконституционным п. 2 примечаний к ст. 264 УК РФ, Конституционный Суд РФ указал как ориентировочные два варианта устранения дефекта — исключить двойную дифференциацию уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств или изменить ответственность за оставление места дорожно-транспортного происшествия⁵⁵. Законодатель же выбрал третий вариант, включив такое оставление в качестве квалифицирующего признака преступления в ст. 264 УК РФ⁵⁶. В конституционных рамках все три варианта допустимы, как и возможные четвертый, пятый и т.д., поиск которых является задачей уголовно-правовой науки, а выбор между ними — политической задачей законодателя.

Таким образом, процесс конституционализации отличается от уголовной политики, а конституционная цель не совпадает с уголовно-политической. Конституционная предполагает обеспечение действия уголовного закона внутри строгих конституционных пределов и исключение всех вариантов выхода за них, тогда как уголовно-политическая цель реализуется в этих пределах и заключается именно в оптимальном и эффективном регулировании уго-

ловно-правовых вопросов с учетом социально-психологических, социально-экономических, культурно-исторических, криминогенных и т.п. факторов. В самих же конституционных пределах уголовный закон и применяемые в связи с этим модели могут быть различными. Поэтому конституционные положения создают для уголовного законодателя поле⁵⁷ возможностей.

Понятие и виды конституционных основ уголовного права

Ранее С. А. Антипов определил «конституционные основы Общей части уголовного права» как «установленные путем законодательного или правоприменительного опосредования конституционные требования, рассматриваемые в значении, обязательном для норм и институтов Общей части и реализуемые в целях обеспечения соответствия уголовного законодательства Конституции РФ»⁵⁸. Во-первых, это определение относится только к положениям Общей части, которые преимущественно подлежат применению лишь во взаимосвязи со статьями Особенной части. Во-вторых, как напомнил Конституционный Суд РФ, «обязательность соответствующих запретов обеспечивается, как правило, закреплением санкций за их несоблюдение»⁵⁹. И действительно, если нормы конституции, регулирующие законодательный процесс, не устанавливают санкций за их несоблюдение, то эти нормы уполномочивают законодательный орган, но не предписывают создание подконституционных норм⁶⁰. Напротив, нормы, созданные при несоблюдении положений конституции, недействительны или могут быть объявлены недействительными⁶¹. Поэтому определение С. А. Антипова необхо-

⁵⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2018 № 17-П // СЗ РФ. 2018. № 19. Ст. 2812.

⁵⁶ Федеральный закон от 23.04.2019 № 65-ФЗ «О внесении изменений в статьи 264 и 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 17. Ст. 2028.

⁵⁷ Термин «поле усмотрения» предложен А. И. Ковлером вместо «свободы усмотрения» или «пределов усмотрения» в свете международных обязательств по защите прав человека. При этом величина «поля усмотрения» не безгранична: так, «усмотрение» практически невозможно применить к абсолютным правам (право на жизнь и вытекающая из него недопустимость смертной казни, запрет пыток, наказание исключительно на основании закона, право не быть судимым или наказанным дважды). См.: Ковлер А. «Моральный суверенитет» перед лицом «государственного суверенитета» в европейской системе защиты прав человека // Международное правосудие. 2013. № 3. С. 54.

⁵⁸ Антипов С. А. Конституционные основы Общей части уголовного права : монография / отв. ред. А. И. Чучаев. М. : Проспект, 2012. С. 19.

⁵⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2018 № 17-П // СЗ РФ. 2018. № 19. Ст. 2812.

⁶⁰ См.: Кельзен Г. Чистое учение о праве. С. 69.

⁶¹ См.: Кельзен Г. Чистое учение о праве. С. 69.

димо распространить на весь уголовный закон и практику его применения, а также дополнить санкцией. В оценке Г. Кельзена, основную и самую эффективную гарантию конституции представляет собой отмена неконституционного акта⁶². Следствием прямого действия конституционных норм является исключение: 1) принятия неконституционного уголовного закона, 2) неконституционного правоприменения и 3) неконституционного правопонимания.

Представляется, что конституционные основы уголовного права в максимальном обобщении включают два вида конституционных норм, обращенных к законодателю и судам общей юрисдикции. Первые предполагают, что если принимается или изменяется уголовный, т.е. определяющий вопросы преступности и наказуемости деяний или иным образом регулирующий уголовно-правовые отношения, закон (гипотеза), то возникающая в системе правового регулирования уголовно-правовая норма должна соответствовать требованиям Конституции РФ (диспозиция), а иначе она признается недействительной (подлежит отмене) вследствие неконституционности (санкция). Вторая разновидность конституционных положений, адресованных судам как органам государственной власти, предписывает в общей форме, что если суд рассматривает уголовное дело (гипотеза), то он не вправе применять неконституционную уголовно-правовую норму или придавать ей неконституционный смысл (диспозиция), а иначе принятое этим судом решение подлежит отмене (санкция).

Соответственно, конституционные основы уголовного права преимущественно ограничивают (лимитируют) криминализацию и пенализацию деяний, имея своими адресатами законодательную и судебную власть.

Вместе с тем не может быть поставлена под сомнение сама возможность введения уголов-

но-правовых запретов и санкций, поскольку ч. 2 ст. 54 Конституции РФ прямо их допускает, лишь ограничивая время их действия. Конституционным Судом РФ из конституционных положений выведены и право законодателя предусмотреть в качестве мер наказания лишение свободы⁶³ или пожизненное лишение свободы⁶⁴, и исключительные полномочия суда по окончательной уголовно-правовой квалификации деяния и назначению наказания за него⁶⁵.

Конституционный Суд РФ подчеркнул, что «именно Конституция Российской Федерации как Основной Закон выступает высшей универсальной формой легитимации Российской Федерации»⁶⁶. Этот аспект ранее раскрыт В. Д. Зорькиным: «Конституция не позволяет власти выйти за пределы права. Речь идет... о конституционно-правовой легитимации, о легитимации с точки зрения права»⁶⁷. Представляется, что имеет место и конституционная легитимация уголовного закона.

Поэтому, кроме ограничивающих (лимитирующих) предписаний, Конституция РФ содержит и положения легитимирующего характера, которые свидетельствуют о юридической действительности определенных уголовно-правовых норм и институтов. Если при этом не нарушены конституционно предписанные границы нормотворческого усмотрения, то нет и оснований для признания неконституционности уголовного закона.

Например, непосредственно из Конституции РФ не вытекает обязанность законодателя предусмотреть возможность замены пожизненного лишения свободы более мягким видом наказания, в связи с чем он — в ст. 80 УК РФ — не вышел за пределы своих полномочий⁶⁸, то есть остался внутри конституционного поля возможностей.

Общая конституционная допустимость (конституционная легитимность) уголовного

⁶² См.: Кельзен Г. Судебная гарантия Конституции: Конституционная юстиция. Часть 2. С. 5.

⁶³ Постановление Конституционного Суда РФ от 15.03.2023 № 8-П // СЗ РФ. 2023. № 13. Ст. 2361.

⁶⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 15.11.2016 № 24-П // СЗ РФ. 2016. № 48 (ч. III). Ст. 6839.

⁶⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 16-П // СЗ РФ. 2013. № 28. Ст. 3881.

⁶⁶ Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З // СЗ РФ. 2020. № 12. Ст. 1855.

⁶⁷ Зорькин В. Д. Конституция 1993 года — правовая легитимация новой России // Комментарий к Конституции Российской Федерации. М.: Норма, 2011. С. 12.

⁶⁸ Например, см.: определения Конституционного Суда РФ от 25.11.2010 № 1525-О-О; от 27.03.2025 № 627-О.

наказания имеет ограничения: специальные (в частности, вытекающая из ст. 6, 21 и 61 Конституции РФ недопустимость лишения гражданства или высылки из страны, а также любых наказаний, унижающих человеческое достоинство) и общие (например, из ст. 19 и 55 Конституции РФ следует недопустимость установления наказаний без конституционной цели или их дискриминирующая дифференциация). Соответственно, лимитирующие (ограничивающие) положения имеют приоритет перед легитимирующими.

Так, право каждого осужденного просить о помиловании или смягчении наказания (ч. 3 ст. 50 Конституции РФ) исключает назначение пожизненного лишения свободы без цели исправления и без самой возможности освобождения от его отбывания⁶⁹, то есть образует конституционный предел для такого наказания.

В части 2 ст. 20 Конституции РФ предусмотрены по отношению к смертной казни как ограничение (только за особо тяжкие преступления против жизни и только при предоставлении права на рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей), так и временная легитимация (впредь до ее отмены). С признанием отмены такого наказания анализируемое конституционное положение носит только лимитирующий характер (исключая восстановление смертной казни без принятия новой Конституции).

По оценке Б. С. Эбзеева, конституционно закреплены два вида обязанностей государства перед индивидом: воздерживаться от вмешательства в некоторые сферы индивидуальной автономии и личной жизни гражданина и гарантировать их от такого вмешательства других лиц⁷⁰. Этому пониманию соответствует классификация обязательств (обязанностей) государства на негативные (невмешательство в осуществление права) и позитивные (принятие мер, способствующих реализации права)⁷¹. Из позитивных только «обязательства по защите

прав человека от нарушений, совершаемых частными лицами»⁷² могут проявляться в уголовно-правовой сфере, поскольку другой вариант (принятие мер помощи, поддержки) здесь, по сути, невозможен и более характерен для других отраслей права.

Например, Конституционный Суд РФ указал, что законодатель обязан обеспечивать эффективную защиту психического здоровья, в том числе устанавливая наказания за посягательства на личность⁷³. Впрочем, обязательство государства установить именно уголовную ответственность возникает лишь в случае, «если достижение конституционных целей не может быть обеспечено должным образом только с помощью норм регулятивного характера»⁷⁴, то есть при их недостаточности.

Кроме того, следует согласиться, что позитивное обязательство по защите прав человека от нарушений может быть представлено как негативное — «не допускать нарушений третьими лицами»⁷⁵. Из конституционных положений не может быть напрямую выведен ни уголовно-правовой запрет, ни конкретная санкция за его нарушение — все эти вопросы (как и сам выбор, какое отраслевое средство защиты будет использовано) остаются в «поле усмотрения» законодателя. Поэтому большая часть конституционных основ уголовного права представляет собой негативные обязательства (обязанности) государственной власти.

Законодатель — в зависимости от социальной значимости деяний — обязан запрещать их (активная или позитивная обязанность) или, напротив, отказаться от введения за них уголовной ответственности (пассивная или негативная обязанность).

Негативное требование — не допускать неопределенного уголовно-правового регулирования — может быть обеспечено по-разному. Так, Конституционный Суд РФ отнес к усмотрению законодателя выбор конструкции состава преступления и признаков, используемых для

⁶⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 15.11.2016 № 24-П // СЗ РФ. 2016. № 48 (ч. III). Ст. 6839.

⁷⁰ Эбзеев Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М.: Норма, 2007. С. 101.

⁷¹ См.: Бородин Е. А. Позитивные и негативные обязательства по защите прав человека: вопросы классификации // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 6 (163). С. 192.

⁷² Бородин Е. А. Указ. соч. С. 193.

⁷³ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.01.2024 № 1-П // СЗ РФ. 2024. № 4. Ст. 591.

⁷⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.02.2025 № 8-П // СЗ РФ. 2025. № 9. Ст. 1015.

⁷⁵ Бородин Е. А. Указ. соч. С. 196.

дифференциации ответственности⁷⁶, а также исключил применяемую при этом юридическую технику из предмета конституционной оценки⁷⁷. Позитивные решения такого рода применяются внутри конституционных пределов. Так же как и с границами, не допускающими несоразмерности, здесь недопустимы и полная неопределенность, и полная конкретизация, превращающая норму из правила поведения в индивидуальный акт.

Дополнительно Конституционный Суд РФ указывает на наличие конституционно оправданной целесообразности при конструировании новых составов преступлений⁷⁸, которая действует внутри конституционных пределов. Использование различных уголовно-правовых моделей может выразиться, например, в выделении специальных норм, дифференциации ответственности на основании учета отягчающих обстоятельств в Общей части или при помощи квалифицирующих признаков в статье Особенной части и т.п. законодательных решениях. То есть если само уголовно-политическое решение по своей сути — обязанность законодателя, то детали такого решения, применяемые средства как раз и составляют содержание законодательного усмотрения, которое позитивно определяется уже на отраслевом уровне.

Таким образом, конституционные основы уголовного права предполагают свое прямое действие на весь период действия Конституции РФ и преимущественно выражаются в негативных формулах (в самом общем виде — не выходить за конституционные пределы, не нарушать конституционные права), допуская различные позитивные варианты дискреционных решений субъектов уголовной политики.

Заключение

В условиях правового государства необходимы особые гарантии прав личности и особые ограничения уголовно-правового принуждения. Такие ограничения не могут быть эффективно установлены на уровне самого уголовного закона или в его внеправовых основах, поскольку в этих случаях их реализация зависит лишь от усмотрения самого законодателя.

Дальнейшее развитие уголовного права должно осуществляться в русле его конституционализации, которая накладывает требования на правотворчество, правоприменение и правопонимание. Конституционные положения, защищенные от изменений на весь период действия Конституции РФ, не только легитимизируют, но и — главным образом — лимитируют усмотрение государственной власти, обозначая поле или коридор возможностей. Границами такого усмотрения служат конституционные права как субъектов уголовной ответственности, так и потерпевших, защищая эти права от несоразмерного (избыточного или недостаточного) принуждения. В конституционных пределах могут применяться различные уголовно-правовые средства, оптимальность и эффективность которых определяется на отраслевом уровне.

Процесс конституционализации отличается от уголовной политики, а конституционная цель не совпадает с уголовно-политической. Формальной целью конституционализации следует считать поддержание такого состояния уголовного закона, при котором он не входит в противоречие с требованиями Конституции РФ. Сущностно конституционализация призвана лимитировать и легитимировать уголовное право, чтобы оно поддерживало конституционные права (индивидуальные и коллективные) и обеспечивало отношения человек — общество — государство исходя из конституционного правопонимания.

Конституционные основы уголовного права могут быть выражены в логической структуре нормы. Во-первых, если принимается или изменяется уголовный, т.е. определяющий вопросы преступности и наказуемости деяний или иным образом регулирующий уголовно-правовые отношения, закон, то возникающая в системе правового регулирования уголовно-правовая норма должна соответствовать требованиям Конституции РФ, а иначе она признается недействительной вследствие неконституционности. Во-вторых, если суд рассматривает уголовное дело, то он не вправе применять неконституционную уголовно-правовую норму или придавать ей неконституционный смысл, а иначе принятое этим судом ре-

⁷⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.02.2025 № 8-П // СЗ РФ. 2025. № 9. Ст. 1015.

⁷⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 09.06.2022 № 1455-О // СПС «КонсультантПлюс».

⁷⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П // СЗ РФ. 2014. № 52 (ч. I). Ст. 7784.

шение подлежит отмене. В-третьих, положения легитимирующего характера свидетельствуют о юридической действительности определенных уголовно-правовых норм. При этом лимитирующие (ограничивающие) положения имеют

приоритет перед легитимирующими. Бóльшая часть конституционных основ уголовного права содержательно выражается в негативных обязанностях (обязательствах) государственной власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анощенкова С. В. Механизм легитимации норм морали (уголовно-правовой аспект) // Lex russica. 2016. № 8. С. 33–47.
- Антипов С. А. Конституционные основы Общей части уголовного права : монография / отв. ред. А. И. Чучаев. М. : Проспект, 2012. 144 с.
- Баумштейн А. Б. Концептуальные начала уголовного права России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Курск, 2017. 39 с.
- Бернам У. Правовая система США / пер. с англ. М. : Новая юстиция, 2006. 1216 с.
- Библик О. Н. Источники уголовного права Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. 228 с.
- Бирюков С. В. Социальная обусловленность права: основные подходы // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 2 (51). С. 19–28.
- Бородина Е. А. Позитивные и негативные обязательства по защите прав человека: вопросы классификации // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 6 (163). С. 190–199.
- Гузеева О. С. Проблемы теории конституционализации уголовного права : монография. М. : Проспект, 2021. 448 с.
- Елинский А. В. Проблемы уголовного права в конституционном измерении : монография. М. : Юрлитинформ, 2012. 496 с.
- Еллинек Г. Борьба старого права с новым : пер. с нем. М., 1908. 52 с.
- Зорькин В. Д. Конституция 1993 года — правовая легитимация новой России // Комментарий к Конституции Российской Федерации. М. : Норма, 2011. С. 9–26.
- Идрисов Н. Т. К вопросу о прогнозировании социально-правовых последствий новеллизации уголовно-правовых запретов (на примере примечания к ст. 238 УК РФ) // Уголовное судопроизводство. 2025. № 1. С. 24–28.
- Кельзен Г. Судебная гарантия Конституции: конституционная юстиция. Часть 1 // Право и политика. 2006. № 8. С. 5–14.
- Кельзен Г. Судебная гарантия Конституции: конституционная юстиция. Часть 2 // Право и политика. 2006. № 9. С. 5–18.
- Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лезова. СПб. : Алеф-Пресс, 2015. 542 с.
- Кобзева Е. В. Идеологические и правовые границы российского уголовного закона: о необходимости их выделения и соблюдения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 5. С. 75–79.
- Ковлер А. «Моральный суверенитет» перед лицом «государственного суверенитета» в европейской системе защиты прав человека // Международное правосудие. 2013. № 3. С. 52–63.
- Кропачев Н. М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. СПб. : СПбГУ, 1999. 262 с.
- Крусс В. И. Конституционализация права: основы теории : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2016. 240 с.
- Орехов В. В. Социология в науке уголовного права : учеб. пособие. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. 70 с.
- Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация) / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. М. : Наука, 1982. 304 с.
- Понятовская Т. Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность : дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 1996. 345 с.
- Рарог А. И. Уголовно-правовые позиции законодателя и правоприменителя // Lex russica. 2016. № 11. С. 46–60.

- Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Т. 1. Тула : Автограф, 2001. 800 с.
- Троицкая А. Пределы прав и абсолютные права: за рамками принципа пропорциональности? Теоретические вопросы и практика Конституционного Суда РФ // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 2 (51). С. 45–69.
- Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. Т. 2. СПб. : Альфа, 1996. 607 с.
- Холмс С. Конституция и конституционализм (глава восьмая из книги «Оксфордский справочник по сравнительному конституционному праву») / пер. с англ. Д. Сичинавы // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 3 (88). С. 56–84.
- Щепельков В. Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты. М. : Юрлитинформ, 2003. 416 с.
- Эбзеев Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М. : Норма, 2007. 384 с.
- Barak A. Proportionality: Constitutional Rights and their Limitations. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2012. 638 p.
- Brodowski D. Die Evolution des Strafrechts. Strafverfassungsrechtliche, europastrafrechtliche und kriminalpolitische Wirkungen auf Strafgesetzgebung. Baden-Baden : Nomos, 2023. 850 s.
- Lagodny O. Strafrecht vor den Schranken der Grundrechte. Tübingen : J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1996. 570 s.
- Odujirin A. The Rule of (Criminal) Law: «Absolute» Liability and the Canadian Charter of Rights and Freedoms // Common Law World Review. 2003. Vol. 32. No. 2. P. 161–178.
- Tonry M. Equality and Human Dignity: The Missing Ingredients in American Sentencing // Crime and Justice. 2016. Vol. 45. P. 459–496.
- Wilfert M. V. Strafe und Strafgesetzgebung im demokratischen Verfassungsstaat: der Einfluss des grundgesetzlichen Demokratieprinzips auf Straftheorie und Strafgesetzgebung am Beispiel ausgewählter Staatsschutzdelikte. Tübingen : Mohr Siebeck, 2017. 280 s.

REFERENCES

- Anoshchenkova SV. The Mechanism of Legitimizing Moral rules (criminal law aspect). *Lex russica*. 2016;8:33-47. (In Russ.).
- Antipov SA. Chuchaev AI (ed.). Constitutional foundations of the General Part of Criminal Law. Moscow: Prospekt Publ.; 2012. (In Russ.).
- Barak A. Proportionality: Constitutional Rights and their Limitations. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2012. 638 p.
- Baumstein AB. Conceptual principles of Russian criminal law. Dr. Sci. (Law) Diss. Author's Abstract. Kursk; 2017. (In Russ.).
- Bernam W. US Legal System. Trans. from English. Moscow: Navaya Justutsija Publ.; 2006. (In Russ.).
- Bibik ON. Sources of criminal law of the Russian Federation. Cand. Sci. (Law) Diss. Omsk; 2005. (In Russ.).
- Biryukov SV. Social conditionality of law: basic approaches. *Herald of Omsk University. Series Law*. 2017;2(51):19-28. (In Russ.).
- Borodina EA. Positive and Negative Obligations for Human Rights Protection: Classification Issues. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(6):190-199. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.190-199.
- Brodowski D. Die Evolution des Strafrechts. Strafverfassungsrechtliche, europastrafrechtliche und kriminalpolitische Wirkungen auf Strafgesetzgebung. Baden-Baden: Nomos Publ.; 2023. (In Germ.).
- Ebzeev BS. Personality and the State in Russia: Mutual Responsibility and Constitutional Duties. Moscow: Norma Publ.; 2007. (In Russ.).
- Elinsky AV. Problems of criminal law in the constitutional dimension. Moscow: Yurлитinform Publ.; 2012. (In Russ.).
- Foinitsky IYa. Course of criminal proceedings: In 2 vols. Vol. 2. St. Petersburg: Alpha Publ.; 1996. (In Russ.).
- Guzeeva OS. Problems of the theory of constitutionalization of criminal law. Moscow: Prospekt Publ.; 2021. (In Russ.).

Holmes S. Constitution and Constitutionalism (Chapter Eight of the Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law). Trans. from English by Sichinava D. *Comparative Constitutional Review*. 2012;3(88):56-84. (In Russ.).

Idrisov NT. On forecasting social and legal consequences of adoption of new criminal law prohibitions (on the example of the note to art. 238 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Criminal Judicial Proceeding*. 2025;1:24-28. (In Russ.).

Kelsen G. Judicial guarantee of the Constitution: Constitutional Justice. Part 1. *Law and Politics*. 2006;8:5-14. (In Russ.).

Kelsen G. Judicial guarantee of the Constitution: constitutional justice. Part 2. *Law and Politics*. 2006;9:5-18.

Kelsen G. Pure doctrine of law. Trans. from German by Antonov MV, Lezov SV. St. Petersburg: Alef-Press Publ.; 2015. (In Russ.).

Kobzeva EV. Ideological and legal boundaries of the Russian criminal law: on the need to distinguish and comply with them. *Bulletin of Saratov State Law Academy*. 2014;5:75-79. (In Russ.).

Kovler A. «Moral sovereignty» in the face of «state sovereignty» in the European system of human rights protection. *International Justice*. 2013;3:52-63. (In Russ.).

Kropachev NM. Criminal law regulation. Mechanism and system. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ.; 1999. (In Russ.).

Kruss VI. Constitutionalization of law: fundamentals of theory. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2016. (In Russ.).

Kudryavtsev VN, Yakovlev AM. Grounds for criminal law prohibition (criminalization and decriminalization). Moscow: Nauka Publ.; 1982. (In Russ.).

Lagodny O. Strafrecht vor den Schranken der Grundrechte. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck) Publ.; 1996. (In Germ.).

Odujirin A. The Rule of (Criminal) Law: «Absolute» Liability and the Canadian Charter of Rights and Freedoms. *Common Law World Review*. 2003;32(2):161-178.

Orekhov VV. Sociology in the science of criminal law. Leningrad: Leningrad University Publ.; 1985. (In Russ.).

Ponyatovskaya TG. Conceptual foundations of Russian criminal law: history and modernity. Dr. Sci. (Law) Diss. Kazan; 1996. (In Russ.).

Rarog AI. Criminal legal positions of the legislator and law enforcement officer. *Lex russica*. 2016;11:46-60. (In Russ.).

Shchepelkov VF. Criminal Law: Overcoming Contradictions and Incompleteness. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2003. (In Russ.).

Tagantsev NS. Russian criminal law. Vol. 1. Tula: Avtograf Publ.; 2001. (In Russ.).

Tonry M. Equality and Human Dignity: The Missing Ingredients in American Sentencing. *Crime and Justice*. 2016;45:459-496.

Troitskaya A. Limits of rights and absolute rights: beyond the principle of proportionality? Theoretical issues and practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Comparative Constitutional Review*. 2015;2(51):45-69. (In Russ.).

Wilfert MV. Strafe und Strafgesetzgebung im demokratischen Verfassungsstaat: der Einfluss des grundgesetzlichen Demokratieprinzips auf Straftheorie und Strafgesetzgebung am Beispiel ausgewählter Staatsschutzdelikte. Tübingen: Mohr Siebeck Publ.; 2017. (In Germ.).

Yellinek G. The struggle of the old law with the new. Trans. from German. Moscow; 1908. (In Russ.).

Zorkin VD. Constitution of 1993 — legal legitimization of the new Russia. Commentary on the Constitution of the Russian Federation. Moscow: Norma Publ.; 2011. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Арзамасцев Максим Васильевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета
д. 7–9, Университетская наб., г. Санкт-Петербург 199034, Российская Федерация
m.arzamastsev@spbu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maxim V. Arzamastsev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Criminal Law, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation
m.arzamastsev@spbu.ru

Материал поступил в редакцию 24 июня 2025 г.

Статья получена после рецензирования 26 июня 2025 г.

Принята к печати 15 августа 2026 г.

Received 24.06.2025.

Revised 26.06.2025.

Accepted 15.08.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.238.9.078-089

Д. А. МелешкоМосковский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Совместный характер неосторожного преступления: квалификация и значение

Резюме. В статье анализируется признак совместности преступления, совершенного при неосторожном сопричинении вреда: подходы к определению совместности, варианты внешнего проявления в зависимости от вида неосторожности, материально-правовое и процессуальное значение. Посредством анализа судебной практики и теоретических позиций обосновывается, что простое «совпадение действий» и «стечение причинных связей» не образует подлинной совместности, ключевым признаком которой является сознательно-волевое взаимодействие между субъектами. Особое внимание уделяется различиям совместности при умышленной и неосторожной форме вины, в том числе при легкомыслии и небрежности. Автор отмечает, что особенностью совместного характера неосторожного преступления является его проявление на фактически доприступной стадии, не представляющей уголовно значимого интереса в случае ненаступления предусмотренных уголовным законом последствий. Отдельное рассмотрение получает вопрос о квалификации неосторожного деяния в качестве совместного преступления при неосознании сопричинителями общественно опасного характера совершаемых действий (бездействия). В завершение статьи раскрывается значение совместного характера неосторожного преступления и его влияние на индивидуализацию наказания сопричинителей, единое производство по уголовному делу в отношении всех виновных лиц, гражданско-правовой порядок возмещения ущерба, причиненного преступлением.

Ключевые слова: неосторожное сопричинение вреда; соучастие; совместное преступление; небрежность; легкомыслие

Для цитирования: Мелешко Д. А. Совместный характер неосторожного преступления: квалификация и значение. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 9. С. 78–89. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.238.9.078-089

The Joint Nature of Negligent Crime: Legal Classification and Significance

Denis A. MeleshkoKutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines the element of joint commission in offences involving negligent concurrent causation of harm. It considers approaches to defining joint commission, its possible external manifestations depending on the type of negligence involved, and its substantive and procedural significance. Analyzing courts' practice and scholarly positions, the author argues that a mere «coincidence of actions» or a «convergence of causal links» does not constitute genuine joint commission. Its defining element is conscious and volitional interaction between the relevant actors. Particular attention is given to the distinctions between joint commission under intentional and negligent forms of fault, including conscious negligence and criminal recklessness. The author observes that a distinctive feature of the joint nature of a negligent offence is that it manifests itself in fact as a pre-offence stage, which is not of criminal-law relevance if the consequences under criminal law do not occur. The paper also addresses the classification of negligent conduct as a jointly committed offence where concurrent contributors do not recognize a socially dangerous nature of their acts or omissions to act. To conclude, the study explains the significance of the joint nature of a negligent offence and its implications for the individualization of

© Мелешко Д. А., 2026

punishment for concurrent contributors, the conduct of uniform criminal proceedings in respect of all culpable persons, and the civil law procedure for compensating harm caused by the offence.

Keywords: negligent concurrent causation (infliction) of harm; complicity; jointly committed offence; recklessness; conscious negligence

Cite as: Meleshko DA. The Joint Nature of Negligent Crime: Legal Classification and Significance. *Lex russica*. 2026;79(9):78-89. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.238.9.078-089

Введение

На пути исследования неосторожного сопричинения вреда *ab ovo usque ad mala* есть одно место, которое требует и пристального внимания, и одновременной фокусировки двух точек зрения: материально-правовой и процессуальной. Это место — свойство совместности преступления, совершаемого при неосторожном сопричинении вреда. В большинстве трудов данный вопрос раскрывается лишь вскользь и ограничивается простой констатацией совместности неосторожного преступления, несмотря на его определяющее значение.

Итак, распространяется ли ключевая характеристика — совместность на совершаемое сопричинителями преступление в целом либо исчерпывается особенностью физической причинности, не изменяя единоличный характер совершенных каждым из них деяний? Ведь согласно распространенному убеждению в тех случаях, когда несколько лиц совершают неосторожное преступление, содеянное ими рассматривается как самостоятельно совершенные преступления¹. Весьма часто этому следуют и суды, отмечая, что «в отличие от соучастия, когда совершенное общими усилиями преступление признается для соучастников совместным, при неосторожном сопричинении вреда совершенное общими усилиями сопричинителей преступление признается для каждого из них формально самостоятельным»².

Определение преступления, совершаемого сопричинителями, в качестве совместного может иметь различное содержание в зависимости от того, с чьей позиции эта совместность констатируется (самого сопричинителя или стороннего наблюдателя), на какие признаки она

распространяется и насколько широкий смысл в нее вкладывается конкретным исследователем. В доктрине и практике за данной характеристикой может скрываться как минимум:

- совпадение в одном месте и в одно время действий (бездействия) нескольких лиц, в результате чего причиняется преступный вред;
- совместное совершение действий (бездействия), приводящих к наступлению криминообразующих последствий;
- совместное участие в совершении преступления.

«Совпадение действий» и «стечение причинных связей»

Первое, исключительно объективное и потому спорное понимание совместности при неосторожном сопричинении вреда довольно распространено в доктрине, например в своих ранних трудах его придерживается В. А. Нерсисян³. Типичным случаем такого темпорально-территориального совпадения является нарушение правил дорожного движения несколькими водителями, приводящее к причинению смерти по неосторожности пассажиру одного из автомобилей. В судебных решениях в подобных случаях нередко отмечается факт совершения водителями «одного и того же преступления»⁴.

Однако было бы легковесно утверждать, что констатация одной только физической причинности способна качественно изменить и придать совместный характер самостоятельным виновно совершаемым общественно опасным деяниям. Конечно, «совпадение действий» признаком совместности всё же не обладает, поскольку криминообразующий вред в резуль-

¹ Нерсисян В. А. Ответственность за неосторожные преступления. СПб., 2002. С. 166.

² Постановление Брянского областного суда от 22.10.2024 по делу № 22-1510/2024 (здесь и далее, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по системе для поиска и анализа судебной практики Caselook: <https://caselook.ru/> (дата обращения: 15.01.2026)).

³ Нерсисян В. А. Ответственность за неосторожные преступные деяния в свете научно-технической революции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983. С. 19.

⁴ Постановление Ивановского районного суда Ивановской области от 11.08.2017 по делу № 1-35/2017.

тате такого совпадения причиняется при отсутствии сознательного взаимодействия между субъектами — причинителями вреда. Объединяющим свойством таких деяний выступает причинная связь, которая наличествует между одновременными действиями нескольких нарушителей и наступившими последствиями⁵.

Еще более ярко это проявляется при последовательном, а не параллельном причинении вреда, когда действия (бездействие) совершаются в одном месте, но не одновременно, а друг за другом. При данном явлении, обозначаемом как «стечение причинных связей», причиненный вред выступает результатом неосторожной деятельности нескольких не связанных между собой субъектов. Например, признавая водителей К. и Т. виновными в совершении преступлений, предусмотренных частью 3 ст. 264 УК РФ, суд пришел к выводу, что между действиями каждого из осужденных, допустивших нарушение ПДД, и наступившими последствиями в виде наезда на пешехода и ее последующей смерти имеется причинно-следственная связь, поскольку водитель Т. проявил невнимательность и допустил наезд на данного пешехода, а водитель К., следуя в попутном направлении, видя по ходу движения автомобиля с аварийными сигналами, не убедился в безопасности дальнейшего движения и допустил переезд левыми колесами автомобиля через тело потерпевшей, после чего с места происшествия скрылся⁶.

Отсутствие совместного характера преступлений с неосторожной формой вины при «совпадении действий» и «стечении причинных связей» косвенно подтвердил и Пленум Верховного Суда РФ. Так, в 2016 г. в п. 5 постановления от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения», который посвящен нарушению ПДД двумя или более участниками дорожного движения, словосочетание «содеянное ими» было заменено на «содеянное каждым из них». Соответственно, совершение самостоятельных неосторожных преступлений при «совпадении действий» исключает общность вины и ограни-

чивает ответственность каждого из причинителей рамками собственного вклада в объем преступного вреда.

Совместный характер умышленного и неосторожного преступления

Сосредоточимся на содержании понятий совместного участия в совершении преступления и совместных действий (бездействия), приводящих к наступлению криминообразующих последствий. На первый взгляд, сложно говорить о совместном характере неосторожного преступления для самих сопричинителей, ведь в силу принципа субъективного вменения установление этого свойства должно опосредоваться обязательным его осознанием виновными, что и составляет определение — совместное участие в совершении преступления. Именно это наблюдается при соучастии, где объемом осознания каждого соучастника охватывается и факт совершения общественно опасного деяния, и факт совместного с иными лицами участия в его совершении.

Однако в неосторожном сопричинении совместность проявляет себя на фактически допреступной стадии, не представляющей уголовно значимый интерес в отрыве от наступивших криминообразующих последствий. Выражается совместность через взаимодействие сопричинителей в ходе сознательно-волевого нарушения специальных правил (например, правил охраны труда, требований транспортной безопасности и т.п.) или осуществления иной деятельности. Примечательно, что о самой возможности сознательного совместного участия в общем деянии при его неосторожном в целом характере писал еще А. М. Жиряев⁷.

В судебных решениях по делам о совершении неосторожного преступления несколькими лицами совместный характер деятельности находит, как правило, весьма лаконичное отражение, например: «А., Б. и В., находящиеся в квартире в состоянии алкогольного опьянения вместе с Ж., действуя совместно и согласованно, проявляя преступную небрежность»⁸, «действия П. и М. как хирургов одной оперирующей

⁵ См. подробнее: Есаков Г. А. Причинная связь в сложных ситуациях: неосторожные преступления // Уголовное право. 2024. № 4. С. 20–35.

⁶ Постановление Самарского областного суда от 06.05.2019 по делу № 22-2323/2019.

⁷ Жиряев А. О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении. Дерпт, 1850. С. 36.

⁸ Приговор Боградского районного суда Республики Хакасия от 07.09.2022 по делу № 1-38/2022.

бригады являлись согласованными, взаимодействующими и соподчиненными»⁹, «смерть Б. была причинена в результате совместных действий А. и К. по неосторожности»¹⁰.

В любом случае совместный характер такой деятельности, как правило предосудительной, должен осознаваться сопричинителями. Не будет преувеличением утверждать, что в этом-то и заключается совместность в подлинном — субъективном — смысле этого слова. Однако многие исследователи настаивают, что при неосторожной вине нет внутренней согласованности между действиями отдельных лиц, как это имеет место при соучастии, поскольку совместность не заключается в простом объединении людей в пространстве и времени даже при единой цели, а требует строго согласованного выполнения связанных действий¹¹.

Так ли это в действительности? Различается ли совместность в умышленных и неосторожных преступлениях с субъективной точки зрения?

Прежде всего, отвечая на первый вопрос, сошлемся на марксистский тезис «практика — критерий истины» и приведем обстоятельства совершения преступления из приговора, которым руководители и сотрудники завода по производству взрывчатых веществ признаны виновными в нарушении требований промышленной безопасности опасных производственных объектов, повлекшем по неосторожности смерть 17 человек (ч. 3 ст. 217 УК РФ). Так, советник генерального директора Е., заместитель генерального директора Л., генеральный директор Н. и главный инженер У., будучи обязанными обеспечивать контроль за соблюдением требований промышленной безопасности, а также за процедурой технологического процесса производства взрывчатых веществ, игнорировали имеющиеся на предприятии системные нарушения требований промышленной безопасности, о которых им было достоверно известно в силу своих должностей, мер к их устранению не принимали.

В частности, У. без необходимых расчетов и обращения в специализированные организации для составления проектной документации

опасного производственного объекта в технологической планировке неоднократно указывала норму загрузки здания взрывчатыми материалами в количестве 8,9 т. После чего Н., Е. и Л., не проконтролировав расчеты У., приняли решение об увеличении производства взрывчатых веществ, с целью чего приобрели 1 800 т пороха со сроками поставки 30 дней, тогда как известная им норма загрузки производственного помещения составляла лишь 8,9 т, а склада взрывчатых материалов — 37,5 т. Далее Л. с ведома Е. и Н. неоднократно давала поручения работникам завода размещать приобретенные взрывчатые вещества в производственном помещении. Таким образом, при утвержденной норме 8,9 т в нем находилось более 20 т взрывчатого вещества, которое размещалось в том числе в общем коридоре. Кроме того, Е., Л., Н. и У., заведомо зная о значительной перегрузке станка для резки пороха, что могло привести к увеличению трения в зоне резки станка и его недостаточному охлаждению, не осуществляли должный контроль за работой сотрудников предприятия. В результате действий и бездействия Е., Л., Н. и У. произошло возгорание большой массы хранившихся порохов с их взрывом, что причинило смерть 17 работникам¹².

Очевидно, субъективно совместная деятельность нескольких лиц бывает присуща не только умышленным преступлениям, но и неосторожным. Более того, содержание совместности, в том числе уровень согласованности между причинителями вреда при неосторожности, может качественным образом не отличаться от умысла. И это притом, что сама по себе умышленная форма вины характеризуется более высокой степенью осознанности лицом характера совершаемого деяния и предвидения вредных последствий. Как указывал П. С. Дагель, при умысле существует определенная пропорция между злой волей и тяжестью последствий, тогда как при неосторожности причинение вреда является результатом забывчивости, психологических особенностей личности, устойчивости внимания, быстроты реакции и пр.¹³ Однако здесь необходимо сделать ряд уточнений.

⁹ Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10.10.2023 по делу № 7У-8099/2023.

¹⁰ Определение Амурского областного суда от 14.10.2020 по делу № 22-1512/2020.

¹¹ Гришаев П. И., Кригер Г. А. Соучастие по уголовному праву. М., 1959. С. 12 ; Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974. С. 12 ; Нерсисян В. А. Указ. соч. С. 171.

¹² Приговор Шилковского районного суда Рязанской области от 27.12.2023 по делу № 1-5/2023 [1-82/2022].

¹³ Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1974. 243 с.

Во-первых, содержание вины прямо не коррелирует с качеством совместности, поскольку ни глубина осознания вредоносности деяния, ни характер предвидения его последствий не ограничивают совместно действующих лиц в уровне согласованности своих действий, в достижении предварительного сговора на их совершение. Это настолько же естественно, насколько неразрывна природа индивида и общества.

В этом отношении разница между умыслом и неосторожностью состоит лишь в том, что умышленная форма вины предопределяет совпадение преступного результата и той цели, что изначально преследовали субъекты, объединяя свои усилия. Вполне закономерно, что вероятность наступления общественно опасных последствий больше, чем при их несовпадении. Неосторожная форма вины, напротив, принципиально разделяет мысленный образ результата совместной деятельности с фактически наступившими нежелательными последствиями, но, что более важно, она не исключает саму возможность целенаправленной деятельности, которая может быть как единоличной, так и совместной, как низменной, так и обыденной, как обдуманной, так и спонтанной.

Для наглядности достаточно вспомнить многочисленные случаи катастроф на угледобывающих шахтах. То обстоятельство, что действительная цель деятельности неосторожных сопричинителей в виде извлечения большей прибыли от производства не совпадает с фактически наступившим криминообразующим результатом — гибелью сотни горняков, — свидетельствует лишь о неправильной оценке субъектами совместного поведения, а также его причиняющих свойств. В то же время это никак не обуславливает меньшую проработанность и слаженность совершаемых действий, в том числе с точки зрения их совместного характера. Нередко в подобных ситуациях речь идет об организованном со стороны руководства шахты отключении датчиков концентрации метана.

Во-вторых, не будет преувеличением утверждать, что различия между совместным умышленным и совместным неосторожным преступлением имеют не столько сущностный характер, сколько формально-нормативистский — в смысле избранного законодателем

подхода к оценке общественной опасности и признанию преступными конкретных действий (бездействия).

Так, криминализация деяния с умышленной формой вины предполагает уголовно-правовой запрет на совершение определенного действия (бездействия), влекущего или не влекущего в зависимости от конструкции объективной стороны состава наступление общественно опасных последствий, тогда как при неосторожности запрету поддается лишь причинение общественно опасных последствий при формально непроступном характере действия в отрыве от этих последствий. Стало быть, от законодателя в конечном счете зависит, признать преступлением какой-либо акт сознательно-волевого (фактически умышленного) поведения сам по себе либо под условием наступления в результате его совершения неосторожно причиненных последствий. При первом варианте совместное совершение деяния будет образовывать соучастие в преступлении, при втором — неосторожное сопричинение вреда, тогда как содержание совместности, включая уровень согласованности действий и психической связи между субъектами, остается неизменным.

Проиллюстрируем сказанное. До 2018 г. преступление, предусмотренное частью 1 ст. 217 УК РФ (в редакции Федерального закона от 08.12.2003 № 162-ФЗ), могло быть совершено с умышленной формой вины, поскольку диспозиция альтернативно предусматривала состав реальной опасности — «нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах или во взрывоопасных цехах, если это могло повлечь смерть человека». Это обуславливало возможность соучастия в данном преступлении, чем и были бы признаны совместные действия руководителей и сотрудников в приведенном выше примере о трагедии на заводе по производству взрывчатых веществ, если бы оценка им давалась через призму ст. 217 УК РФ в ее прежней редакции. Сразу обозначим, не вступая в давний спор о вине в составах реальной опасности, что основываемся в своих рассуждениях на историческом толковании положений ч. 2 ст. 24 УК РФ и отсутствии указания в прежней редакции ч. 1 ст. 217 УК РФ на неосторожную форму вины¹⁴. Кроме того, в качестве формального данный состав прямо поименован в

¹⁴ См. подробнее: Щепельков В. Ф. О форме вины в преступлении, предусмотренном ч. 3 ст. 217 УК РФ // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 89–97; Шеслер А. Субъективная сторона преступного нарушения правил безопасности на взрывоопасных объектах // Уголовное право. 2014. № 3. С. 98–102.

пояснительной записке к проекту федерального закона, внесенного Правительством РФ, принятием которого ч. 1 ст. 217 УК РФ была изложена в новой редакции¹⁵.

В случае неприятия приведенной позиции возможно представление сходной ситуации в будущем. Если завтра нарушение требований промышленной безопасности опасных производственных объектов, предусмотренное действующей редакцией ст. 217 УК РФ, будет признано преступным деянием вне зависимости от факта наступления общественно опасных последствий и станет в результате этого умышленным преступлением, то при приведенных выше в приговоре фактических обстоятельствах в действиях виновных опять же будет усматриваться соучастие в преступлении.

Проявление совместности при легкомыслии и небрежности

Тезис о взаимодействии сопричинителей при нарушении специальных правил или при осуществлении иной деятельности как проявлении совместности при неосторожной форме вины требует детализации с учетом двух известных видов неосторожности, ведь содержание интеллектуального и волевого элементов вины, при всей условной границе последних, в них все-таки качественно отличается. Эта сторона вопроса важна для определения того водораздела, после которого общая деятельность субъектов становится безразличной для уголовного права.

Ограничившись при описании легкомыслия в ч. 2 ст. 26 УК РФ указанием на предвидение виновным возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), законодатель оставил открытым вопрос об осознании субъектом общественной опасности самих действий (бездействия). И первое, и второе обстоятельства относятся к интеллектуальному элементу вины, из чего следует вопрос: могут ли они осмысливаться человеком обособленно друг от друга? Думается, что прогнозирование характера последствий своих действий невозможно в отрыве от оценки разумом существа самих этих действий, включая их

соответствие нормам морали и права. Следовательно, предвидение общественно опасных последствий предполагает их обусловленность определенным предосудительным поведением, в том числе и совместным. Только понимая потенциальную опасность деяния, возможно предвидеть отрицательный характер его последствий.

Вместе с тем в теории уголовного права имеется иная позиция, согласно которой при легкомыслии общественная опасность деяния субъектом не осознается, поскольку, по его мнению, наступление общественно опасных последствий будет предотвращено определенными известными ему обстоятельствами¹⁶. Согласиться с этим утверждением сложно, так как предвидение как способность человека заранее определять то, что произойдет или должно произойти в будущем, не имело бы в легкомыслии никакого объективного основания и предпосылок. Иными словами, виновное легкомысленное поведение всегда осознается в качестве такового самим нарушителем.

Соответственно, при легкомыслии совместный характер преступления проявляется в ходе обоюдного и сознательного совершения субъектами общественно опасного деяния. Примером такого общего легкомысленного поведения может выступать согласование учредителями общества, директором рыболовного совхоза и капитаном траулера решения о демонтаже водонепроницаемых перегородок в трюме судна, для того чтобы оно вмещало больше выловленной рыбы. В реальности подобное изменение конструкции прогнозируемо привело к крену судна во время шторма, его затоплению и гибели экипажа.

Волевой процесс при легкомыслии, проявляющийся в активном самонадеянном расчете на предотвращение негативных последствий, также не исключает целенаправленного организованного объединения усилий субъектов для достижения желаемого ими результата — не преступного, а того иного, к которому они изначально стремились, действуя сообща и самонадеянно. Допущение при этом общественно опасного исхода лишь подтверждает обоснованность учета совместного характера причинения вреда при привлечении виновных к уголовной ответственности.

¹⁵ Федеральный закон от 23.04.2018 № 114-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 21 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 18. Ст. 2584.

¹⁶ См., например: Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. М., 1998. С. 117.

Активный расчет на предотвращение вреда при совместном легкомысленном поведении иллюстрирует приговор районного суда в отношении двух рабочих, осужденных по ч. 2 ст. 109 УК РФ за причинение смерти по неосторожности. Так, С. и П. работали грузчиками по содержанию цеха АО и были обязаны соблюдать специальные правила. Выполняя работу по уборке мусора, они для облегчения стоящей перед ними задачи решили сбросить деревянную дверь с пятого этажа через оконный проем вместо того, чтобы спустить ее по лестнице. Перед выбрасыванием двери П. выглянул из окна, увидел стоящих внизу Б. и Ф. и крикнул им, чтобы они отошли.

Далее рабочие, не убедившись, что Б. и Ф. отошли на безопасное расстояние, вытолкнули руками дверь из окна пятого этажа. Дверь упала на стоящего внизу Б., который от полученных повреждений скончался в отделении реанимации районной больницы скорой помощи¹⁷.

Представляется, что предупреждение криком стоящих под окнами здания Б. и Ф. с просьбой отойти является не чем иным, как проявлением расчета сопричинителей на предотвращение общественно опасных последствий, что свидетельствует о предвидении их наступления. Рабочие совместно и осознанно совершили общественно опасное деяние, выбросив деревянную дверь из окна пятого этажа в направлении стоящих внизу людей. Самонадеянность, а точнее говоря, необоснованность расчета П. и С. выразилась в том, что они окончательно не убедились в отсутствии людей в месте предполагаемого падения непосредственно перед выбрасыванием двери из окна. При таком сочетании интеллектуального и волевого элементов следует вести речь о неосторожной форме вины в виде легкомыслия.

Нельзя обойти вниманием указание законодателем при описании волевого элемента легкомыслия на такую характеристику расчета, как самонадеянность. Очевидно, что самонадеянный расчет означает основанный только на себе самом, на своих собственных силах и возможностях, тогда как в действительности при легкомысленном отношении расчет субъекта может охватывать значительно более широкий перечень обстоятельств, распространяясь на силы природы, обстановку совершения преступления, особенности используемых им

средств и орудий либо поведение потенциальных потерпевших, как в примере выше. Более того, самостоятельное значение приобретает возможность расчета виновного на предотвращение негативных последствий за счет другого надлежаще действующего лица. Расчет в таких случаях объективно обусловлен контрольными или смежными функциями, как правило, коллеги, когда виновный надеется, что допущенное им нарушение должно быть устранено и не повлечет негативных последствий. Неоправданность расчета, приводящая к наступлению общественно опасных последствий, переводит обоих виновных в статус сопричинителей.

Переходя к обсуждению небрежности, следует заметить, что в большей мере именно ее характеризует тезис о причинении вреда как результате невнимательности, забывчивости или иного нарушения концентрации внимания, поскольку при этом виде неосторожности вредоносный характер совершаемых действий действительно может не охватываться сознанием виновного. При небрежности ответственность наступает буквально за то, что не предвидел и не предусмотрел, хотя должен был и имел соответствующую возможность. Весьма часто причиной этому выступает усталость, переработка, стрессовое состояние, при которых, однако, сохраняется сама способность осознавать характер своего поведения и его последствия, а также способность руководить собственными действиями.

При этом общественная опасность как своего, так и совместного поведения при небрежности не осознается, что объясняется непредвидением общественно опасных последствий, о чем прямо указано в ч. 3 ст. 26 УК РФ. Тем не менее сохраняется вариативность относительно понимания виновным фактической стороны деяния. Так, следует различать ситуации, когда субъект сознательно совершает определенное действие (бездействие), не считая его общественно опасным, и когда он вовсе не замечает факта его совершения, то есть не осознает фактической стороны деяния.

Примером первого варианта может выступить разведение костра в лесу, когда в результате резкого порыва ветра огонь перекинулся на деревья, что привело к уничтожению лесных насаждений. Совместный характер такого неосторожного преступления будет проявляться

¹⁷ Приговор Курганского городского суда Курганской области от 18.12.2021 по делу № 1-213/2021 [1-1766/2020].

в сложении усилий сопричинителей при сознательном и волевом совершении действий — разжигании огня и оборудовании кострища.

Показательным случаем «неосознаваемой» небрежности является оставление врачом салфетки в брюшной полости пациента во время операции, вследствие чего развивается абсцесс и перитонит, приводящие к наступлению смерти. Здесь совместный характер преступления может встречаться лишь в качестве исключения, поскольку допускаемое виновным нарушение является прежде всего результатом его собственной невнимательности и непредусмотрительности. Но участие в операции второго врача, наделенного смежными (подстраховывающими) функциями и не выявившего допущенное нарушение, будет свидетельствовать о совместном совершении неосторожного преступления в силу того, что сопричинители знали о существовании друг друга, наделении их дублирующими функциями и взаимосвязанном характере деятельности.

Субъективная сторона совместности при неосторожной форме вины

Содержание неосторожной формы вины, в отличие от умышленной, ограничено интеллектуальным отношением именно к наступлению последствий, что в совокупности с их криминообразующим характером исключает понимание субъектом преступности совершаемых действий и, как следствие, понимание совместного участия именно в преступлении. Осознание этих обстоятельств со стороны сопричинителя происходит в момент наступления общественно опасных последствий, иными словами, когда преступление уже окончено. Исходя из этого, совершаемое сопричинителями неосторожное преступление ими лично в качестве совместного не воспринимается; следует признать, что обоснование обратного — тупиковый путь. Впрочем, это утверждение не является чем-то новым для уголовно-правовой науки и, по существу, об этом пишет Д. А. Безбородов: «...речь может вестись лишь об осознании совместного

характера социально полезной, социально нейтральной или, максимум, предосудительной деятельности»¹⁸.

Важнее другое, исключает ли выявленная особенность возможность определения совершаемого при неосторожном сопричинении вреда преступления в целом в качестве совместного?

Думается, что нет. Сходным образом неосторожная форма вины проявляет себя при единоличном совершении преступления: нарушая специальные правила или выполняя иные действия, влекущие наступление криминообразующих последствий, субъект не осознает свое поведение в качестве преступного, поскольку в этот момент оно, строго говоря, таковым и не предстает. От этого совершенное деяние не перестает быть преступлением, что объясняется особым, признающим виновным отношением субъекта к последствиям — их предвидением или наличием обязанности и возможности их предвидеть. Такая постановка вопроса, точнее, ответа на него напрямую связана с дискуссионностью основания ответственности за неосторожное поведение и, в большей степени, за небрежное его проявление.

Не углубляясь, отметим, что любой человек, обладающий сознанием и волей, то есть находящийся во вменяемом состоянии, способен осознавать характер своего поведения и возможные последствия, контролировать себя путем принятия решений и их реализации¹⁹. Но когда «средний человек» не проявляет ожидаемый от него обществом уровень осознания, предвидения и контроля, причиняя в результате этого вред, тогда его поведение считается виновным, а сам он — заслуживающим наказания. Является ли это объективным вменением? Полагаем, что нет, поскольку оценка интеллектуально-волевой сферы личности должна осуществляться с учетом субъективно обусловленного уровня должностования субъекта. Так, в вину нарушителю вменяется лишь то, что в конкретной ситуации он должен был и, что особенно важно, мог реально предвидеть. В этом отношении проницательным видится суждение о небрежности И. М. Тяжковой:

¹⁸ Безбородов Д. А. Неосторожные многосубъектные преступления: понятие и квалификация : учеб. пособие. СПб., 2015. С. 48.

¹⁹ См., например: Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957. С. 286 ; Угрехелидзе Д. Н. Проблема неосторожной вины в уголовном праве. Тбилиси, 1976. С. 30–54 ; Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969. 232 с. ; Хотинец В. Ю. Человек: сознательное и бессознательное // Вестник Удмуртского университета. 1992. № 2. С. 9–12.

«Вина — это не просто психическое отношение лица к деянию и последствиям, а такое психическое отношение, которое не препятствовало совершению конкретного общественно опасного деяния. Сознвая это или имея реальную возможность сознавать это, лицо тем не менее совершает деяния, причиняющие ущерб охраняемым интересам»²⁰.

Тем самым ответственность за совершение преступления по неосторожности наступает вовсе не за реализацию намерения преступить уголовный закон и совершить нечто общественно опасное, как в случае с умыслом, а за пренебрежение общими правилами поведения или иными специальными правилами в совокупности с недостаточно предпринятыми мерами по предотвращению вредных последствий допущенных нарушений. Данное поведение признается уголовным законом преступным, несмотря на весьма запоздалое субъективное восприятие этого свойства самим субъектом.

Итак, совместность преступления при неосторожном сопричинении вреда имеет место, но не в связи с осознанным совершением преступления вместе с другим лицом, а в силу понимания перспективы причинения преступного вреда как результата совместной деятельности или при наличии обязанности и возможности эту перспективу предусмотреть.

Процессуальное значение совместного характера неосторожного преступления

В завершающей части исследования отметим, что определение совместного характера неосторожного преступления опосредует в правоприменении решение ряда не только уголовно-правовых вопросов, в том числе связанных со структурой причинно-следственной связи, объемом вины, основанием дифференциации ответственности и индивидуализации наказания сопричинителей, но и процессуальных, включая определение порядка возмещения ущерба,

причиненного преступлением, и необходимость единого производства по уголовному делу.

К слову, только при обеспечении последнего возможно привлечение к уголовной ответственности всех сопричинителей вреда и назначение им справедливого наказания, что находит подтверждение в судебной практике²¹. Например, апелляционная инстанция, соглашаясь с необходимостью соединения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных частью 2 ст. 293 и ч. 4 ст. 111 УК РФ, указала со ссылкой на п. 1 ч. 1 ст. 153 УПК РФ, что расследование обстоятельств причинения действиями разных лиц смерти одному и тому же человеку в рамках одного уголовного дела соответствует смыслу и назначению приведенной процессуальной нормы и очевидно позволит достоверно устанавливать последовательность преступных событий, степень ответственности каждого из обвиняемых, наличие преступной связи между их действиями и наступлением смерти потерпевшего. Обстоятельства преступлений, как они установлены согласно предъявленным обвинениям, свидетельствуют о том, что именно раздельное рассмотрение уголовных дел может отразиться на правильности установления фактических обстоятельств дела, привести к установлению взаимоисключающих обстоятельств — влияющих на вывод о причинной связи преступных действий каждого из обвиняемых с наступившей смертью потерпевшего²².

Непосредственным образом совместный характер неосторожного преступления влияет и на порядок возмещения ущерба, причиненного преступлением. Так, для лиц, совершивших самостоятельные преступления, ответственность может быть только долевой, тогда как совместное причинение вреда может обуславливать уже солидарную гражданско-правовую ответственность. Например, согласно одному из апелляционных определений, «в обоснование принятого решения о возложении на осужденных обязанности возместить указанным потерпевшим имущественный и компенсировать

²⁰ Тяжкова И. М. Ответственность за неосторожные преступления, совершаемые при использовании источников повышенной опасности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 31.

²¹ См., например: постановление Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики от 30.06.2017 по делу № 22К-447/2017 ; постановление Отрадненского районного суда Краснодарского края от 05.04.2018 по делу № 1-46/2018 ; постановление Заводского районного суда города Саратова Саратовской области от 30.11.2015 по делу № 10-31/2015 ; определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15.06.2023 по делу № 7У-3698/2023 [77-2509/2023].

²² Апелляционное постановление Ивановского областного суда от 22.01.2021 по делу № 22-0070/2021.

моральный вред в солидарном порядке, суд сослался на положения ст. 1080 ГК РФ, предусматривающей солидарную ответственность лиц, совместно причинивших вред. При этом суд не учел, что осужденные Л. и Р. совершили неосторожные преступления не в соучастии в смысле требований ст. 33 УК РФ, поскольку каждый из них, управляя своим транспортным средством, единолично совершил отдельное преступление с неосторожной формой вины. С учетом этого, а также принимая во внимание характер действий каждого из осужденных, степень вины в наступивших последствиях, каждый из них должен нести ответственность за причиненный имущественный и моральный вред самостоятельно, т.е. в долевом порядке»²³.

Заключение

Преступление обладает совместным характером лишь в случае сознательно-волевого взаимодействия между субъектами в процессе причинения вреда. При этом содержание вины прямо не коррелирует с качеством совместности, поскольку ни глубина осознания вредоносности деяния, ни характер предвидения его последствий не ограничивают совместно действующих лиц в уровне согласованности своих действий, в достижении предварительного сговора на их совершение.

Различия между совместным умышленным и совместным неосторожным преступлением имеют не столько сущностный характер, сколько формально-нормативистский — в смысле избранного законодателем подхода к оценке общественной опасности и признанию преступными конкретных действий (бездействия). Поэтому особенностью совместного характера неосторожного преступления является его проявление на фактически допреступной стадии, не представляющей уголовно значимый интерес в случае ненаступления предусмотренных уголовным законом последствий.

Совместный характер в зависимости от формы вины проявляется: при умысле — в совместном осознанном участии в совершении преступления; при неосторожности в виде легкомыслия — в совместном осознанном совершении общественно опасного деяния (действия или бездействия), повлекшего причинение преступного вреда; при неосторожности

в виде небрежности — в сознательно-волевым осуществлении совместной деятельности, повлекшей наступление криминаобразующих последствий. То есть совместность преступления при неосторожном сопричинении вреда имеет место не в связи с осознанным совершением преступления вместе с другим лицом, а в силу понимания перспективы причинения преступного вреда как результата совместной деятельности или при наличии обязанности и возможности эту перспективу предусмотреть.

При этом неосознание виновными, действующими небрежно, собственного поведения и поведения сопричинителя в качестве общественно опасного не влияет на признание совершенного ими деяния совместным преступлением, поскольку субъекты были обязаны и имели возможность предвидеть общественно опасный характер последствий, что предполагает и осознание ими соответствующего характера своих действий (бездействия).

Отсутствие осознанного взаимодействия между субъектами в процессе причинения вреда, даже при условии наступления единого общественно опасного последствия в результате содеянного каждым из них, исключает совместный характер их деяний в силу противоречия принципу вины в уголовном праве. Иными словами, каждый причинитель в этом случае совершает свое собственное неосторожное преступление. Объединяющая подобные преступления физическая причинность может предполагать как одновременное, так и последовательное совершение субъектами самостоятельных действий (бездействия), влекущих причинение преступного вреда, что именуется в теории «совпадением действий» и «стечением причинных связей» соответственно.

Совместный характер неосторожного преступления должен обуславливать: с материально-правовой стороны — индивидуализацию наказания через сопоставление объема участия сопричинителей в деянии, в том числе их влияния на характер и размер наступивших преступных последствий; с процессуальной стороны — осуществление единого производства по уголовному делу в отношении сопричинителей, а также солидарный порядок возмещения ими ущерба, причиненного преступлением.

Совершение каждым из совместно действующих субъектов самостоятельного неосторожного преступления при «совпадении действий»

²³ Определение Южного окружного военного суда от 23.08.2018 по делу № 22-341/2018.

или «стечении причинных связей» не должно влечь применение специальных правил индивидуализации наказания виновных лиц. Вместе с тем в целях процессуальной экономии расследование таких преступлений следует осуществлять в рамках одного уголовного дела.

Вопреки распространенному в науке мнению о квалификации судами случаев неосторожного сопричинения вреда в качестве нескольких самостоятельно совершенных преступлений, практика уже сегодня демонстрирует их уголовно-правовую оценку как единого совместного неосторожного преступления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Безбородов Д. А. Неосторожные многосубъектные преступления: понятие и квалификация : учеб. пособие. СПб., 2015. 60 с.
- Гришаев П. И., Кригер Г. А. Соучастие по уголовному праву. М., 1959. 255 с.
- Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1974. 243 с.
- Есаков Г. А. Причинная связь в сложных ситуациях: неосторожные преступления // Уголовное право. 2024. № 4. С. 20–35.
- Жиряев А. О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении. Дерпт, 1850. 144 с.
- Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. М., 1998. 173 с.
- Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969. 232 с.
- Нерсисян В. А. Ответственность за неосторожные преступления. СПб., 2002. 221 с.
- Нерсисян В. А. Ответственность за неосторожные преступные деяния в свете научно-технической революции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983. 207 с.
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957. 328 с.
- Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974. 208 с.
- Тяжкова И. М. Ответственность за неосторожные преступления, совершаемые при использовании источников повышенной опасности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 399 с.
- Угрехелидзе Д. Н. Проблема неосторожной вины в уголовном праве. Тбилиси, 1976. 131 с.
- Хотинец В. Ю. Человек: сознательное и бессознательное // Вестник Удмуртского университета. 1992. № 2. С. 9–12.
- Шеслер А. Субъективная сторона преступного нарушения правил безопасности на взрывоопасных объектах // Уголовное право. 2014. № 3. С. 98–102.
- Щепельков В. Ф. О форме вины в преступлении, предусмотренном ч. 3 ст. 217 УК РФ // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 89–97.

REFERENCES

- Bezborodov DA. Careless multisubject crimes: concept and qualifications. St. Petersburg; 2015. (In Russ.).
- Dagel PS, Kotov DP. The subjective side of the crime and its establishment. Voronezh: Voronezh University Publ.; 1974. (In Russ.).
- Esakov GA. Causation in difficult situations: careless crimes. *Criminal Law*. 2024;4:20-35. (In Russ.).
- Grishaev PI, Krieger GA. Complicity in criminal law. Moscow; 1959. (In Russ.).
- Kelina SG, Kudryavtsev VN. Principles of Soviet Criminal Law. Moscow; 1998. (In Russ.).
- Khotinets VYu. The Man: The Conscious and Unconscious. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta*. 1992;2:9-12. (In Russ.).
- Kuznetsova NF. A Crime and Criminality. Moscow; 1969. (In Russ.).
- Nersesyan VA. Responsibility for Careless Crimes. St. Petersburg; 2002. (In Russ.).
- Nersesyan VA. Responsibility for Careless Criminal Acts in the light of the Scientific and Technological Revolution. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 1983. (In Russ.).
- Rubinstein SL. Existence and Consciousness. Moscow; 1957. (In Russ.).
- Shchepelkov VF. On the form of fault in a crime provided for in Part 3 of Art. 217 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Journal of Russian Law*. 2017;6:89-97. (In Russ.).

Shesler A. The subjective side of a criminal violation of safety rules at explosive facilities. *Criminal Law*. 2014;3:98-102. (In Russ.).

Telnov PF. Responsibility for complicity in a crime. Moscow; 1974. (In Russ.).

Tyazhkova IM. Responsibility for careless crimes committed when using sources of increased danger. Dr. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2003. (In Russ.).

Ugrekhelidze DN. The problem of careless fault in criminal law. Tbilisi; 1976. (In Russ.).

Zhiryaev A. On the confluence of several criminals in the same crime. Derpt; 1850. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мелешко Денис Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
dmeleshko91@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Denis A. Meleshko, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
dmeleshko91@mail.ru

Материал поступил в редакцию 7 февраля 2025 г.

Статья получена после рецензирования 5 марта 2026 г.

Принята к печати 15 августа 2026 г.

Received 07.02.2025.

Revised 05.03.2026.

Accepted 15.08.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.238.9.090-105

Д. П. Чекулаев

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
г. Москва, Российская Федерация

Осуществление уголовного судопроизводства в период действия особых правовых режимов

Резюме. В статье обосновывается потребность в детальной регламентации вопросов, связанных с обеспечением права каждого на судебную защиту на территориях, где временно действуют особые правовые режимы. Необходима разработка внутренне непротиворечивой, учитывающей конституционные гарантии прав личности (с минимальными допустимыми и разумными ограничениями) уголовно-процессуальной политики и основанного на ней законодательства в период действия чрезвычайного, военного положения. С учетом современных реалий законодательство о судостроительстве, уголовно-процессуальное и иное процессуальное, а также регулирующее деятельность отдельных правоохранительных органов законодательство должны предусматривать специфику осуществления правосудия в особых условиях. Важно определиться с вектором развития законодательства, которое подлежит применению на отдельных территориях в период действия особых правовых режимов. Возможными направлениями могут являться: передача полномочий по расследованию всех или значительной части уголовных дел на соответствующих территориях без соблюдения персонального признака подследственности военным следственным органам с последующим рассмотрением военными судами; рассмотрение уголовных и иных дел общегражданскими (территориальными) судами с изменением территориальной подсудности; разработка и принятие автономного военно-судебного законодательства, предусматривающего особую структуру органов досудебного и судебного производства, особенности расследования и рассмотрения уголовных дел в военных судах в условиях особых правовых режимов. В целях реализации права на судебную защиту необходимо также предварительное научное определение, а затем и законодательное выделение нового вида подсудности — подсудности особых правовых режимов.

Ключевые слова: судопроизводство; военное положение; чрезвычайное положение; право на судебную защиту; доступ к правосудию; подсудность; прекращение уголовного дела; специальная военная операция; уголовно-процессуальная политика; реализация конституционных прав при осуществлении правосудия

Для цитирования: Чекулаев Д. П. Осуществление уголовного судопроизводства в период действия особых правовых режимов. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 9. С. 90–105. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.238.9.090-105

Implementation of Criminal Proceedings under Special Legal Regimes

Dmitry P. Chekulaev

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper substantiates the need for detailed regulation of issues related to ensuring everyone's right to judicial protection in territories where special legal regimes are temporarily in effect. It is necessary to develop a consistent criminal procedure policy that takes into account constitutional guarantees of individual rights (with only minimal permissible and reasonable restrictions), as well as legislation based on this policy, for the period of emergency or martial law. Given current circumstances, the legal framework governing the judicial system, criminal procedure and other procedural matters, the operation of specific law enforcement agencies must provide for the specifics of the administration of justice in special conditions. Establishing the right direction for territorial legislation under special legal regimes is crucial. Possible directions may include: transferring the authority to investigate all or a significant portion of criminal cases in the relevant territories to military investigative bodies,

© Чекулаев Д. П., 2026

without observing the personal jurisdiction rule, with subsequent consideration by military courts; having civil (territorial) courts handle criminal and other cases, subject to a change in territorial jurisdiction; developing and adopting autonomous military-judicial legislation that provides for a special structure of pre-trial and judicial bodies, as well as specific features of investigating and adjudicating criminal cases in military courts under special legal regimes. To ensure the realization of the right to judicial protection, it is also necessary to first provide a preliminary scientific definition and then to establish by law a new type of jurisdiction, namely the jurisdiction applicable under special legal regimes.

Keywords: judicial proceedings; martial law; state of emergency; right to judicial protection; access to justice; jurisdiction; termination of criminal proceedings; special military operation; criminal procedure policy; implementation of constitutional rights in the administration of justice

Cite as: Chekulaev DP. Implementation of Criminal Proceedings under Special Legal Regimes. *Lex russica*. 2026;79(9):90-105. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.238.9.090-105

Введение. Постановка проблемы

В России на конституционном уровне гарантировано, что даже в условиях чрезвычайного положения, вводимого в соответствии с Федеральным конституционным законом¹ для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя, не подлежат ограничению право на судебную защиту и иные права и свободы, перечисленные в ч. 3 ст. 56 Конституции РФ²: право на жизнь (ст. 20), достоинство личности (ст. 21), права на судебную защиту прав и свобод (ст. 46), на рассмотрение дела тем судом и тем судьей, к подсудности которого оно отнесено законом, на суд присяжных (ст. 47), на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48), право потерпевших на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52) и ряд других. Представляется, что ограничение этих конституционных прав недопустимо в принципе, в том числе при вве-

дении иного особого правового режима (например, военного положения).

Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что право каждого на судебную защиту может быть обеспечено лишь законным, независимым и беспристрастным судом, несоблюдение правил подсудности влечет нарушение не только ч. 1 ст. 47, но и части 1 ст. 46 Конституции РФ, согласно которой каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод³. При этом право на судебную защиту относится к основным, неотчуждаемым правам и свободам человека и, на что Конституционный Суд РФ обращает особое внимание, одновременно выступает гарантией всех других прав и свобод, а правосудие, по сути, может признаваться таковым, только если оно отвечает общеправовым требованиям равенства и справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах⁴.

К сожалению, учитывающее современные общественно-политические реалии законо-

¹ Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 02.11.2023) «О чрезвычайном положении» // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 20.06.2025).

³ См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 16.03.1998 № 9-П «По делу о проверке конституционности статьи 44 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и статьи 123 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1998. № 3 ; постановление Конституционного Суда РФ от 09.11.2018 № 39-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 1, частей первой, третьей и четвертой статьи 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. В. Лушников, А. С. Пушкарёва и И. С. Пушкарёва» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 1.

⁴ См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 15.06.2021 № 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. К. Михайлова» // СЗ РФ. 2021. № 26. Ст. 5043 ; постановление Конституционного Суда РФ от 11.07.2024 № 37-П «По делу о проверке конституционности статьи 71 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Емельянова» // СЗ РФ. 2024. № 30. Ст. 4442.

дательство, обеспечивающее комплексную реализацию конституционных прав при осуществлении правосудия в экстраординарные (чрезвычайного, военного положения) или иные особые периоды⁵, не разработано. Например, после начала 24 февраля 2022 г. специальной военной операции (СВО) имеет место «уникальная» для послевоенных советского и постсоветского периодов развития нашей страны ситуация, когда на некоторых контролируемых Россией по военным или гуманитарным причинам территориях отсутствуют полномочные на отправление правосудия суды либо созданные в соответствии с российским законодательством суды не имеют возможности осуществлять правосудие⁶.

Всё более актуальным становится вопрос о разработке новых законодательных подходов (совершенствование и дополнение законодательства о судоустройстве, уголовно-процессуального и иного законодательства), создании соответствующих экстраординарных полицейских по природе органов, обеспечивающих уголовное судопроизводство⁷, органов прокуратуры, в совокупности необходимых для осуществления правосудия на территориях, где в силу тех или

иных чрезвычайных обстоятельств не может применяться обычный порядок судопроизводства. Возможно, речь должна идти о разработке внутренне непротиворечивой, учитывающей конституционные гарантии прав личности (с минимальными допустимыми и разумными ограничениями) уголовно-процессуальной политики в период действия особых правовых режимов⁸. Простого упоминания в ч. 2 ст. 16 Федерального конституционного закона «О военном положении»⁹ и ч. 3 ст. 35 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении» права Верховного Суда РФ на изменение подсудности при невозможности осуществления правосудия судами, действующими на территории, на которой введено военное (чрезвычайное) положение, явно недостаточно.

О направлениях развития законодательства, применимого при осуществлении правосудия в период действия особых правовых режимов

Судебная защита представляет собой сложное социальное и правовое явление, которое состоит из права доступа к правосудию, права на

⁵ Возможное понятие таких периодов приводит Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 7.

Под ними согласно абз. 1 п. 2 постановления понимаются преступления, совершенные в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий.

⁶ Например, созданные в соответствии с законодательством России Краматорский городской суд и Славянский городской суд (Федеральный закон от 03.04.2023 № 85-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О создании судов Российской Федерации на территории Донецкой Народной Республики и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 14. Ст. 1212) не могут осуществлять деятельность, так как эти города с начала СВО и до даты подготовки настоящей статьи контролируются вооруженными силами Украины. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 21.09.2023 «Об изменении территориальной подсудности дел, рассматриваемых (подлежащих рассмотрению) в судах на территории Донецкой Народной Республики» подсудные этим судам дела отнесены к подсудности Центрально-Городского районного суда города Макеевки.

⁷ Как образно отмечает Л. В. Головкин, «юстиция без полиции физически безоружна, а полиция без юстиции юридически нелегитимна» (Головкин Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство. М. : Городец, 2022. С. 184).

О разделении полицейской, прокурорской и судебной уголовно-процессуальных функций см. также: Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головкин. 4-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2025. С. 79–81.

⁸ О подходах к понятию «уголовно-процессуальная политика», ее направлении и содержании см. подробнее: Ляхов Ю. А. Новая уголовно-процессуальная политика. Ростов н/Д. : Изд. Ростовского университета, 1992. С. 12–17 ; Урбан В. В. Понятие и содержание уголовно-процессуальной политики Российской Федерации // Труды Академии МВД России. 2020. № 4 (56). С. 85–93 ; Курс уголовного процесса. С. 40–43 ; Александров А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности : монография / под ред. В. З. Лукашевича. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2025. С. 60–61.

⁹ Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (ред. от 13.12.2024) «О военном положении» // СЗ РФ. 2002. № 5. Ст. 375.

рассмотрение дела тем судом и тем судьей, которым оно подсудно (правила о подсудности)¹⁰, права на справедливую судебную процедуру и других элементов¹¹. С учетом многогранности этого явления становится очевидной необходимость именно в современный период развития нашей страны приступить к глубокой научной разработке и в последующем закрепить в законодательстве допустимые исключения из общего порядка осуществления правосудия (доступа к нему) на территориях, где обычный порядок затруднен или невозможен. На таких территориях могут быть введены особые правовые режимы (военного, чрезвычайного положения) либо вестись боевые действия¹². Как отмечает И. С. Дикарев, особые правила судопроизводства требуются и в условиях действия правового режима контртеррористической операции¹³.

В настоящее время для таких случаев (периодов) предусмотрены только некоторые особенности досудебного производства. Так, допускается возможность увеличения в условиях военного положения срока задержания подозреваемого в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления до 30 суток (п. 11 ст. 5, ч. 1 ст. 10, ч. 2 и 3 ст. 94 УПК РФ), а также срока предъявления

такому подозреваемому обвинения до 45 суток с момента задержания (ч. 2 ст. 100 УПК РФ)¹⁴; устанавливается отсутствие необходимости получения согласия подозреваемого, обвиняемого на избрание предусмотренной статьей 104 УПК РФ меры пресечения в виде наблюдения командования воинской части в период мобилизации, военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий (ч. 2.1 ст. 104)¹⁵.

К сожалению, указанные исключения из общего порядка досудебного производства в период действия особых правовых режимов не ставят в качестве приоритета последующую «процессуальную компенсацию», в том числе предоставление невластным участникам уголовного процесса дополнительных прав и особенностей их реализации после вынужденного временного ограничения некоторых из них. Не установлено никаких дополнительных гарантий подозреваемого, обвиняемого (например, обязательное участие защитника при первой возможности его вступления в дело, особенности прокурорского надзора за обоснованностью задержания, усиление судебного контроля, увеличение срока апелляционного обжалования и т.п.) для таких слу-

¹⁰ О значении в уголовном судопроизводстве права на рассмотрение дела тем судом и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, последствиях его нарушения см. подробнее: *Коновалова Е. Е.* Реализация в российском уголовном процессе права на рассмотрение дела тем судом и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. С. 52–63.

¹¹ Об элементах права на судебную защиту см. подробнее: *Лазарева В. А., Иванов В. В., Утарбаев А. К.* Защита прав личности в уголовном процессе России : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2017. С. 132–135.

¹² Правовое определение понятию «боевые действия» дано в абз. 7 п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения уголовных дел о преступлениях против военной службы», согласно которому боевые действия представляют собой организованное применение Вооруженных Сил РФ, других войск, воинских (специальных) формирований и органов в военном конфликте, охватывающем все виды вооруженного противоборства, включая войны и вооруженные конфликты, а также в иных случаях в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности (например, участие в операциях по поддержанию (восстановлению) международного мира и безопасности, принятие мер для предотвращения (устранения) угрозы миру, подавление актов агрессии (нарушения мира) на основании решений органов, уполномоченных их принимать в соответствии с международными договорами, участие в проведении контртеррористической операции, специальной военной операции либо защита Государственной границы Российской Федерации). Боевые действия ведутся в определенном районе и в определенный период при выполнении поставленных боевых (оперативных) задач.

¹³ *Дикарев И. С.* Особый порядок производства в военных судах по делам о преступлениях террористической направленности: исторические параллели // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 4 (70). С. 134.

¹⁴ Изменения внесены Федеральным законом от 31.07.2023 № 396-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (СЗ РФ. 2023. № 32 (ч. I). Ст. 6128).

¹⁵ Изменения внесены Федеральным законом от 28.12.2024 № 507-ФЗ «О внесении изменений в статью 331 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (СЗ РФ. 2024. № 53 (ч. I). Ст. 8517).

чаев. Не предусмотрено и никаких особенностей для обеспечения доступа к правосудию в условиях особых правовых режимов потерпевшего¹⁶. Представляется, что в уголовном процессе целесообразно предусмотреть разумные изменения общего порядка досудебного производства при условии максимально возможного сохранения существующих гарантий соблюдения процессуальных прав его невластных участников, а также прав личности (ст. 9–13 УПК РФ).

Особенно остро подобный вопрос может стоять в случае необходимости расследования и, соответственно, рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях на территориях другого государства, военный контроль на которых осуществляет Российская Федерация. Такая ситуация существовала, например, в период начала СВО, когда на части территории Украины, в том числе временно на части Киевской, Сумской, Харьковской, Черниговской и других областей, находились российские вооруженные силы, однако отсутствовали созданная Россией гражданская или военно-гражданская администрация (ВГА)¹⁷, ординарные органы дознания и органы предварительного следствия. Соответственно, часть преступлений, совершенных, например, гражданином другого государства не в отношении гражданина России или инте-

ресов нашего государства, могла остаться без расследования. Отсутствие органа власти по обеспечению общественного порядка на такой территории, обязанного осуществлять выявление и расследование преступлений, неурегулированность определения надлежащего суда по рассмотрению уголовного дела могут порождать правовой нигилизм местного населения, формировать отрицательное отношение к действиям России. Принятие через шесть месяцев с начала СВО (с 04.10.2022) в Российскую Федерацию новых субъектов — Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей — в условиях неизбежной подвижности границ в связи с ведением боевых действий и длительного формирования на территории этих субъектов в соответствии с российским законодательством органов власти (исполнительной, судебной) полностью данную проблему не решило.

В современной литературе высказываются предложения о передаче всех полномочий по осуществлению правосудия на территориях, где введено военное положение или не созданы иные суды РФ, военным судам¹⁸. Аналогичным образом предлагалось решать такие вопросы и в отечественной литературе конца XIX в.¹⁹ Однако без закрепления в законодательстве совре-

¹⁶ О современных подходах к определению понятия «доступ к правосудию» и дискуссиях об объеме этого понятия см.: *Масленникова Л. Н., Топилина Т. А.* Доступ к правосудию и проблемы его ограничения в уголовном судопроизводстве России // *Юридические исследования.* 2020. № 7. С. 13–28 ; *Вороница Н. А.* Право потерпевшего на доступ к правосудию и его реализация в досудебном уголовном производстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 19–48.

¹⁷ Отметим, что созданные как временные органы управления ВГА в Запорожской и Херсонской областях Украины в период с марта — апреля до 4 октября 2022 г., т.е. до принятия указанных областей в качестве новых субъектов в состав Российской Федерации, действовали в отсутствие необходимой нормативно-правовой базы, регламентирующей их полномочия, источники и объемы финансирования, требования к кадровому составу, штатной численности и особенно порядок взаимодействия с органами военного управления России, ФСБ России и Росгвардией; круг полномочий ВГА и формы взаимодействия складывались стихийно. См. об этом: *Мишуткин И. В., Колпакова И. А.* Проблемы взаимодействия военно-гражданских администраций регионов, вошедших в ходе специальной военной операции в состав Российской Федерации, с военным командованием // *Военное право.* 2024. № 3. С. 22–27.

¹⁸ *Химичев М. В.* Расширение подсудности военных судов при военном положении: традиция или пережиток? // *Судебная власть в условиях новых вызовов : сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 25-летию кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности РГУП : в 2 ч. / отв. за выпуск Е. В. Бурдина, Н. В. Головушкина. М. : РГУП, 2024. Ч. 1. С. 187, 189 ; Туганов Ю. Н., Аулов В. К.* Особые правовые режимы: основные направления совершенствования правовой основы судебной деятельности военных судов в военное время, в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий // *Военные суды (трибуналы) России в условиях особых правовых режимов : сборник научных статей / под ред. Н. А. Петухова. М. : РГУП, 2024. С. 379–382.*

¹⁹ См., например: *Шендзиковский И. А.* О военном суде в военное время (полевом военном суде). СПб. : Типогр. Деп. уделов, 1892. С. 76.

О расширении подсудности при военном положении см. также: *Огнев Д. Ф.* Военная подсудность. Сравнительный очерк. СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1896. С. 216–247.

менной России специфики судопроизводства в период действия особых правовых режимов, в отсутствие единого мнения в процессуальной науке о возможности передачи именно военным судам права на рассмотрение в особые периоды дел, по общему правилу не относящихся к их подсудности, такое предложение выглядит преждевременным.

Представляется, что необходимо определиться с вектором развития законодательства для гарантированного обеспечения права на судебную защиту на территориях, где введены особые правовые режимы, который может быть следующим.

1. Передача полномочий по расследованию всех или значительной части уголовных дел на соответствующих территориях без соблюдения персонального признака подследственности военным следственным органам с последующим рассмотрением военными судами.

2. Расследование уголовных дел с соблюдением обычного порядка подследственности и последующим рассмотрением территориальными судами.

3. Наиболее радикальный вариант — разработка и принятие автономного военно-судебного законодательства, предусматривающего особую структуру органов досудебного и судебного производства, особенности расследования и рассмотрения уголовных дел в военных судах в условиях особых правовых режимов.

Все эти направления имеют как положительные стороны, так и недостатки. Для развития законодательства по первому варианту имеется богатый исторический (хотя и не всегда гуманистический) опыт. Как отмечает И. С. Дикарев применительно к законодательству Российской империи и практике его применения конца

1870-х — начала 1880-х гг., военная подсудность отдельных категорий уголовных дел о совершаемых гражданскими лицами общеуголовных преступлениях становится неотъемлемым элементом особого правового режима исключительного положения, что свидетельствует о наметившейся уже в рассматриваемый период связи между введением на отдельных территориях особых правовых режимов и расширением военной подсудности²⁰.

Для передачи военным судам на рассмотрение уголовных и иных дел в период действия особых правовых режимов в настоящее время также имеется некоторая правовая основа, хотя и крайне «пробельная»²¹. Однако расследование большого количества общеуголовных и иных преступлений военными следственными органами потребует создания дополнительных органов дознания с наделением этих органов полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности. Органы военной полиции, командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов таковыми полномочиями и, главное, навыками не обладают. Невозможно игнорировать и существующую специфику методической подготовки сотрудников военных следственных органов, по общему правилу не направленную на расследование таких преступлений. В подобном случае подследственность будет де-факто определять подсудность уголовного дела, что не согласуется с конституционными (ч. 1 ст. 47 Конституции РФ) и уголовно-процессуальными (ч. 3 ст. 8 УПК РФ) гарантиями²². Необходимо будет очень быстрое, но на некоторое время (период действия особого правового режима), увеличение количества судей военных судов и сотрудников аппарата этих судов, что

²⁰ См. об этом подробнее: Дикарев И. С. Основания специализации военных судов по уголовным делам о преступлениях террористической направленности // Вестник военного права. 2022. № 3. С. 8–11.

²¹ Согласно Федеральному конституционному закону от 23.06.1999 № 1-ФКЗ «О военных судах в Российской Федерации» (ред. от 28.12.2024) (СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3170) особенности организации и деятельности военных судов в период мобилизации и в военное время определяются соответствующими федеральными конституционными законами (ч. 4 ст. 1); подсудность дел военным судам, а также порядок осуществления ими правосудия в период мобилизации и в военное время определяются соответствующими федеральными конституционными законами (ч. 8 ст. 7). Однако соответствующие федеральные конституционные законы не приняты, что делает невозможной реализацию указанных правовых норм.

²² Нельзя не согласиться с С. Б. Россинским, который отмечает, что существование института подсудности предопределяется конституционными основами российской государственности и связано с особой ролью суда в обеспечении правовой защищенности населения. Институт же подследственности носит сугубо внутриведомственный характер. См.: Россинский С. Б. Подследственность уголовного дела: общее условие предварительного расследования или совокупность организационно-управленческих правил? // Государство и право. 2023. № 10. С. 73.

при существующих правилах наделения судей полномочиями представляется невозможным. По существу, потеряна связь военных судов с вооруженными силами. Судья военного суда в настоящее время не является военным служащим и не обязан иметь военную подготовку. Не имеется (не создано) и каких-либо дополнительных подразделений, а также сил и средств для обеспечения деятельности военных судов²³.

Во втором случае на соответствующей территории могут отсутствовать (не быть созданы) органы внутренних дел и другие органы дознания, органы предварительного следствия, прокуратуры. Тем более могут отсутствовать и/или не действовать общегосударственные (территориальные²⁴) суды общей юрисдикции.

Третий вариант представляется, на первый взгляд, перспективным, имеющим как богатую отечественную историю²⁵, так и опыт других государств, в том числе США²⁶ и Швейцарии²⁷. Но создание параллельного общему специального военно-судебного законодательства и системы военных судов, действующих по собственным процессуальным правилам, отказ от единства источников уголовно-процессуального законодательства (ч. 1 и 2 ст. 1, ч. 1–3 ст. 7 УПК РФ) неминуемо повлекут различные подходы судебной практики к разрешению аналогичных вопросов. Печальный опыт и послед-

ствия подобного дуализма в пользу военных (военно-полевых) судов с неизбежным ограничением прав лиц, попавших в орбиту такого «правосудия», хорошо известны, в том числе дореволюционной истории нашей страны²⁸. Такая автономия в перспективе может способствовать нарушению прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве и, вероятно, будет рассматриваться как вариант легального способа обойти установленный частью 3 ст. 118 Конституции РФ запрет на создание чрезвычайных судов.

Представляется, что с учетом современных реалий законодательство о судостроительстве, уголовно-процессуальное и иное процессуальное, а также регулирующее деятельность отдельных правоохранительных органов законодательство должны предусматривать специфику осуществления правосудия в условиях особых правовых режимов при совмещении всех трех возможных вариантов путем дополнения действующих федеральных конституционных и федеральных законов отдельными разделами (главами, параграфами и т.п.). В таком случае особенности предварительного расследования (с учетом обеспечения расследования органами дознания, уполномоченными на производство оперативно-розыскной деятельности), осуществления правосудия при введении режима

²³ Абабков А. В. Развитие специальной предметной и персональной подсудности уголовных дел военным судам // Институт подсудности в уголовном процессе : материалы I Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы российского уголовного процесса», г. Москва, 29 марта 2024 г. М. : Юрлитинформ, 2024. С. 29.

²⁴ Под территориальными судами в настоящей работе понимаются не входящие в подсистему военных судов суды общей юрисдикции, построенные по принципу распространения юрисдикции на территории в границах соответствующих административно-территориальных образований.

²⁵ Военно-судебный устав 1867 г., Устав уголовно-военный 1939 г., Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре 1926 г., Положение о военных трибуналах 1958 г.

²⁶ Действует Единый кодекс военной юстиции 1950 г. (в ред. 2019 г.), который применяется в совокупности с Руководством для военных судов США и подзаконными актами отдельных должностных лиц. См. также: Головкин Л. В., Гуценко К. Ф., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. 2-е изд., доп. и испр. М. : Зерцало-М, 2002. С. 180 ; Мирзоян А. С. Особенности организации расследования преступлений, совершенных военнослужащими, в зарубежном уголовном законодательстве (США, Германия) // Российский следователь. 2011. № 24. С. 31–35.

²⁷ Одновременно с УПК Швейцарии 2007 г. (вступил в силу с 1 января 2011 г.) действует Военный УПК 1979 г. См.: Трефилов А. А. Военный уголовный процесс Швейцарии: доказывание, следственные действия, меры принуждения, предварительное производство // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 2. С. 111–118.

²⁸ См.: Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М. : Юридическая литература, 1991. Т. 8 : Судебная реформа / под общ. ред. О. И. Чистякова ; отв. ред. Б. В. Виленский. С. 21–22 ; Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002. С. 30–33 ; Военная юстиция в России: история и современность. М. : РГУП, 2014. С. 95–97 ; Абабков А. В. Указ. соч. С. 20. В советский период военные трибуналы также в ряде случаев выполняли роль суда политической юстиции. Однако данный вопрос требует самостоятельного, подробного и объективного анализа.

военного положения или иного особого правового режима должны быть включены в единое уголовно-процессуальное законодательство.

Целесообразно предусмотреть возможность увеличения срока производства органами дознания неотложных следственных действий либо расширение их подследственности на период действия на территории особого правового режима; регламентировать в уголовно-процессуальном законе особенности производства следственных действий²⁹; легально закрепить возможность дачи следователем поручений о производстве отдельных следственных, иных процессуальных или оперативно-розыскных действий непосредственно оперативному работнику, минуя начальника органа дознания³⁰; в условиях военного (чрезвычайного) положения временно наделить более широкий круг прокурорских работников некоторыми из предусмотренных частями 2 и 2.1 ст. 37 УПК РФ процессуальными полномочиями прокурора; легально закрепить иные направленные на обеспечение безопасности участников уголовного процесса и минимизацию бюрократизации и неизбежно связанного с ней документооборота особенности производства следственных действий и прокурорского надзора в период действия особых правовых режимов. Представляются допустимыми и отсроченный до появления такой возможности, но обязательный контроль суда за законностью и обоснованностью применения органами предварительного расследования мер про-

цессуального принуждения, мер пресечения, производством следственных действий, ограничивающих права и свободы граждан, и другие, отличающиеся от общего порядка правила осуществления судебного контроля, как предварительного, так и последующего³¹.

Необходимо и обеспечение на территориях, на которых объявлен особый правовой режим, осуществления правосудия созданными на основании закона компетентными, независимыми и беспристрастными российскими судами, т.е. теми, которые имеют полномочие рассматривать конкретное дело в соответствии с правилами подсудности и которые состоят из судей, наделенных в строгом соответствии с Конституцией РФ полномочиями отправлять правосудие³². Будут ли это военные или территориальные суды, не имеет принципиального значения. Важно, что полномочный суд должен быть определен на основании однозначно понимаемых и универсально применяемых правил подсудности, а не произвольно или казуально для каждого конкретного дела. Передача уголовного или иного дела по подсудности либо изменение территориальной подсудности Верховным Судом РФ в случае невозможности деятельности суда на какой-либо территории должны подчиняться логике закона и допускать минимальное судебское усмотрение при принятии такого решения³³. При этом временное осуществление правосудия в местностях, где отсутствуют (не созданы) территориальные суды общей юрисдикции, военными судами с

²⁹ Например, проведение осмотров места происшествия с помощью беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в случае непосредственной опасности жизни и здоровью участников следственного действия. О расширении применения БПЛА при производстве следственных действий активно высказываются предложения в криминалистической литературе. См., например: *Костюченко О. Г.* Криминалистические аспекты применения беспилотного летательного аппарата (БПЛА) // *Российский следователь*. 2023. № 10. С. 2–5.

³⁰ Например, дополнение уголовно-процессуального законодательства понятием «следственно-оперативная группа», включение в состав таких групп на определенный период постоянных оперативных работников органов дознания с освобождением от исполнения обязанностей по месту службы (в том числе путем прикомандирования к органу предварительного следствия), что исключало бы необходимость дачи следователем соответствующего поручения начальнику органа дознания, который в условиях боевой обстановки может находиться в отдаленном или недоступном для оперативной организации исполнения поручения месте.

³¹ О понятиях предварительного (оперативного) и последующего (правовосстановительного) судебного контроля см. подробнее: *Судебный контроль в уголовном процессе / под ред. Н. А. Колоколова*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити-Дана, 2009. С. 16–22; *Курс уголовного процесса*. С. 510–512.

³² О научном понятии суда, созданного на основании закона, см.: *Курс уголовного процесса*. С. 251.

³³ О возможных критериях изменения территориальной подсудности уголовного дела и объема необходимых гарантий для участников судопроизводства см.: *Чекулаев Д. П., Химичев М. В.* Изменение территориальной подсудности уголовных дел в условиях режима военного положения. Статья 2. Возмож-

одновременным расширением их подсудности представляется допустимым.

Думается, что подобного рода решения и порядок их принятия должны быть урегулированы в уголовно-процессуальном и иных процессуальных законах. Можно только отчасти согласиться с С. В. Бехало в том, что данное полномочие Верховного Суда РФ является судоустроительным, выходящим за рамки уголовного процесса, так как, по существу, решается вопрос о временном перераспределении компетенции между судами, а не о подсудности конкретного дела³⁴. Правовая природа таких решений сложная, комплексная. Определение Верховным Судом РФ на некоторое время надлежащего для рассмотрения уголовного дела суда с отступлением от общих правил подсудности является также и процессуальным решением по смыслу ч. 3 ст. 8 УПК РФ. В этой норме уголовно-процессуального закона указывается на недопустимость лишения подсудимого права на рассмотрение его уголовного дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено именно данным Кодексом. По указанной причине наличия в специальном (о регламентации особых правовых режимов) федеральном конституционном законодательстве положений о наделении Верховного Суда РФ полномочиями по изменению территориальной подсудности, в отсутствие их детализации в

законодательстве о судоустройстве и процессуальном законодательстве, явно недостаточно.

Пробельность регулирования оснований и порядка принятия Верховным Судом РФ таких решений весьма своеобразно легитимизирует их принятие на основе судейского усмотрения, а не закона. Так, в законодательстве не раскрывается понятие «невозможность осуществления правосудия судами»; не установлено, в каких случаях, по инициативе какого лица или органа и в какие сроки Верховный Суд РФ должен применить свои полномочия; каким структурным подразделением (Пленум, Президиум, составы судебных коллегий) должно быть принято такое решение; каковы основания и сроки для его отмены и т.п.

Существующий вакуум специального, но применимого в универсальном порядке в сходных экстраординарных ситуациях законодательства в некоторых случаях вынужденно восполняется законодателем³⁵, но восполняется применительно к конкретным случаям и несвоевременно. В том числе только через полгода после принятия в Российскую Федерацию новых субъектов — Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей, на их территориях были созданы российские суды³⁶, которые, в соответствии с постановлениями Пленума Верховного Суда РФ, начали действовать с 21 сентября 2023 г.³⁷, т.е.

ные варианты реализации гражданами права на законный суд и доступ к правосудию в условиях военного времени // Военно-юридический журнал. 2023. № 6. С. 27–28.

³⁴ Бехало С. В. Подсудность в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 172–174, 176.

³⁵ Федеральный закон от 31.07.2023 № 395-ФЗ «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» // СЗ РФ. 2023. № 32 (ч. I). Ст. 6127.

³⁶ Федеральный закон от 03.04.2023 № 85-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О создании судов Российской Федерации на территории Донецкой Народной Республики и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2023. № 74 ; Федеральный закон от 03.04.2023 № 86-ФЗ «О создании судов Российской Федерации на территории Луганской Народной Республики и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2023. № 74 ; Федеральный закон от 03.04.2023 № 87-ФЗ «О создании судов Российской Федерации на территории Запорожской области и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2023. № 74 ; Федеральный закон от 03.04.2023 № 88-ФЗ «О создании судов Российской Федерации на территории Херсонской области и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2023. № 74.

³⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.09.2023 № 29 «О дне начала деятельности федеральных судов на территории Донецкой Народной Республики» // Российская газета. 20.09.2023. № 211 ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.09.2023 № 30 «О дне начала деятельности федеральных судов на территории Луганской Народной Республики» // Там же ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.09.2023 № 31 «О дне начала деятельности федеральных судов на территории Запорожской области» // Там же ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.09.2023 № 32

почти через год после увеличения количества субъектов РФ за счет принятия в состав нашей страны исторически связанных с ней регионов.

Подобные экстраординарные меры в отсутствие детально проработанного федерального законодательства, применимого в случае увеличения количества субъектов нашего государства либо введения особых правовых режимов, явно недостаточны для обеспечения законности, правопорядка, равного доступа к правосудию граждан на территории Российской Федерации, а также на территориях, на которых ведутся военные действия, введено военное положение или действуют иные особые правовые режимы. К сожалению, о начале разработки вдумчивой и согласованной с другими отраслями права уголовно-процессуальной политики в данной сфере говорить преждевременно.

Дискуссионным, не в полной мере согласующимся с публичными интересами осуществления правосудия, реализации мер уголовной ответственности и достижения целей наказания, а также доступа потерпевшего к правосудию, в том числе с учетом его мнения о возможности прекращения уголовного дела и, в случае несогласия с таковым, права обжалования правоприменительного решения, является введенный федеральными законами от 23.03.2024

№ 64-ФЗ³⁸ и от 02.10.2024 № 340-ФЗ³⁹ порядок приостановления, а в последующем и возможного прекращения уголовного преследования в отношении подозреваемых, обвиняемых, а также подсудимых, осужденных, приговор в отношении которых не вступил в законную силу, в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время, заключением контракта о прохождении военной службы. В уголовном процессе расширяются полномочия специального участника — командования воинской части (учреждения), ходатайство которого о приостановлении уголовного дела в отношении обвиняемого, подозреваемого, подсудимого, призванного на военную службу или заключившего в обозначенные особые периоды (периоды мобилизации, военного положения, военное время) с уполномоченным органом военного управления контракт о прохождении военной службы, подлежит обязательному и незамедлительному удовлетворению дознавателем, следователем, судом. Неизбежно возникает столкновение двух разнонаправленных векторов публичного интереса, один из которых ориентирован на обеспечение интересов расследования и осуществления правосудия⁴⁰, а другой — на достижение военных целей, в том числе путем комплектования

«О дне начала деятельности федеральных судов на территории Херсонской области» // Там же.

³⁸ Федеральный закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 13. Ст. 1687.

³⁹ Федеральный закон от 02.10.2024 № 340-ФЗ «О внесении изменений в статью 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 41. Ст. 6065.

⁴⁰ Несложно спрогнозировать, что в органах расследования и судах неминуемо увеличится количество приостановленных производством по новому специальному основанию (п. 3.1 ч. 1 ст. 208, п. 5 ч. 1 ст. 238 УПК РФ) на неопределенный срок уголовных дел и, соответственно, возникнут ранее не встречавшиеся в таком объеме процессуальные сложности и проблемы доказывания (например, невозможность производства как ранее запланированных, в том числе с участием такого подозреваемого, обвиняемого, так и иных необходимых для собирания доказательств по уголовному делу следственных действий в связи с императивно установленным срочным приостановлением производства предварительного расследования; расследование и рассмотрение уголовных дел в отношении возможных соучастников установленного обвиняемого, особенно когда раздельное судебное разбирательство препятствует рассмотрению уголовного дела, и связанные с этим вопросы действия мер пресечения в отношении соучастников и некоторых иных мер процессуального принуждения, принятых в рамках производства по делу; продление сроков наложения ареста на имущество в отсутствие убитого на СВО обвиняемого, лишенного возможности прибыть в суд и высказать свое мнение по данному вопросу); организационно-технические вопросы (например, длительное хранение громоздких вещественных доказательств и связанные с этим расходы федерального бюджета, другие, пока еще сложно определяемые вопросы администрирования, финансового и иного обеспечения следственной и судебной деятельности). В случае появления анализируемых оснований для приостановления производства по уголовному делу в отношении осужденного после вынесения приговора, но до вступления его в законную силу также возникнут не имеющие однозначного решения процессуальные проблемы перед судами второй инстанции, которые, как метко отмечает А. Ю. Чекотков, «вместо того, чтобы в обычном режиме довести

вооруженных сил дополнительным контингентом за счет такой непростой категории лиц, как обвиняемые. Разрешение этой проблемы лежит не в юридической, а в политической плоскости⁴¹. Однако, достигая политические цели, нельзя не учитывать, что криминогенная обстановка в стране после прекращения по окончании соответствующего особого периода уголовных дел в отношении обвиняемых и осужденных, значительная часть из которых обвинялась в совершении насильственных преступлений, очевидно ухудшится, что не способствует дальнейшему развитию закрепленных в ч. 1 ст. 7 Конституции РФ социальных целей⁴². В литературе правильно обращается внимание на опасность роста преступности вследствие неизбирательного характера освобождения от уголовной ответственности обвиняемых, что подробно рассмотрено В. А. Масловым⁴³.

Недавнее распространение уголовной ответственности за совершение некоторых преступлений против военной службы, установление подследственности таких уголовных дел по персональному признаку следователям Следственного комитета РФ, распространение подсудности военных судов на категорию «граждане, пребывающие в добровольческих формированиях» уже упоминавшимся Федеральным законом от 28.12.2024 № 507-ФЗ устраняют только

один из существовавших пробелов в регулировании конкретных правоотношений — привлечение к уголовной ответственности отдельной категории лиц, заключивших в соответствии с действующей с 4 ноября 2022 г. редакцией Федерального закона от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне» (ч. 4–6 ст. 22.1)⁴⁴ контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ⁴⁵. Однако данное правовое регулирование, более чем на два года отставшее от де-факто имеющих место событий и обстоятельств в зоне проведения СВО, не указывает на расширение подсудности военных судов в особые периоды как возможный вектор развития законодательства. Системной и основанной как на историческом опыте нашей страны, так и на опыте других государств, соответствующих научных предложениях работы законодателя по регламентации особенностей судопроизводства в период действия особых правовых режимов не усматривается.

Заключение

Базовые конституционные гарантии, в том числе право каждого на судебную защиту, доступ к правосудию, должны обеспечиваться согласованной системой правовых норм, применяемой

процесс до завершающей точки, в очередной раз будут вынуждены заниматься процессуальной эквилибристикой, изобретая нестандартные решения» (Чекотков А. Ю. Возможность уйти на СВО, не дожидаясь приговора: устранение пробела или изменение логики законодателя? // Закон. 2024. № 10. С. 95).

⁴¹ См. об этом: Головкин Л. В. Дискуссионные вопросы приостановления и прекращения уголовного преследования в отношении участников специальной военной операции // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31. № 1 (96). С. 10.

⁴² Вызывает сомнение обоснованность не подтвержденного какими-либо научными и историческими исследованиями мнения разработчиков проекта принятого в последующем Федерального закона от 23.03.2024 № 64-ФЗ, согласно которому «законопроект не повлечет негативных социально-экономических, финансовых и иных последствий». См.: Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (об особенностях освобождения от уголовной ответственности лиц, призванных на военную службу по мобилизации или в военное время, законопроект 569651-8) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/569651-8> (дата обращения: 20.06.2025).

⁴³ Маслов В. А. Влияние специальной военной операции на преступность в России // Lex russica. 2025. Т. 78. № 3. С. 103–116.

⁴⁴ Федеральный закон от 04.11.2022 № 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 04.11.2022.

⁴⁵ О наличии иных проблем при определении подсудности уголовных дел военным судам см. подробнее: Замашнюк А. Н. Актуальные проблемы подсудности уголовных дел военным судам на современном этапе // Институт подсудности в уголовном процессе : материалы I Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы российского уголовного процесса», г. Москва, 29 марта 2024 г. М. : Юрлитинформ, 2024. С. 33–46 ; Калиновский К. Б. Подсудность дел об «обычных» преступлениях добровольцев СВО // Уголовный процесс. 2025. № 5. С. 11.

универсально, вне зависимости от введения особого правового режима. Устранение существующих пробелов правового регулирования, некоторые из которых затронуты в настоящей статье, необходимо и для реализации права каждого на законный суд, вытекающего из ч. 1 ст. 47 Конституции РФ, ч. 3 ст. 8 УПК РФ. Недопустимо игнорировать и гарантированное статьей 52 Конституции РФ право потерпевшего на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

Представляется, что российской юридической науке необходимо разработать предложения по комплексному подходу к организации и осуществлению судопроизводства на отдельных территориях в период действия особых правовых режимов. В уголовном судопроизводстве, в ходе осуществления которого допускается наиболее существенное ограничение конституционных прав и свобод граждан, возможно предложить установление ряда изъятий из общих правил производства и оформления результатов следственных действий, увеличение некоторых процессуальных сроков, минимизацию документооборота, необходимого для исполнения поручения следователя о производстве отдельных следственных или оперативно-розыскных действий органом дознания. Но необходимо предусмотреть и последующую «процессуальную компенсацию» некоторого вынужденного упрощения процедуры собирания доказательств, снижения уровня предварительного судебного контроля и других упрощений процессуальной формы. В том числе возможно предложить наделение прокурора дополнительными полномочиями по проверке

законности производства следственных действий, отмене большего относительно существующего перечня незаконных и необоснованных постановлений следователя в случае их принятия в период действия особого правового режима. Необходимо и усиление при появлении такой возможности полномочий суда по контролю за производством следственных действий и ограничением конституционных прав граждан, а также при осуществлении последующего (правовосстановительного) контроля.

В судебном производстве какие-либо отличия в сторону упрощения от существующих общего и особого порядков рассмотрения уголовных дел судами недопустимы. Правила судопроизводства даже в период действия особых правовых режимов не должны отличаться от общих форм. Для последующего законодательного закрепления и, соответственно, применения в случае введения на отдельных территориях особых правовых режимов востребована научная разработка нового вида подсудности — экстраординарной, или подсудности особых правовых режимов (особых периодов), правила которой при необходимости должны применяться без принятия дополнительных федеральных конституционных и федеральных законов⁴⁶. При этом должно учитываться и дополняться действующее законодательство о судостроительстве. Без согласованности процессуального законодательства и законодательства о судостроительстве невозможно обеспечить не только реализацию прав граждан, ограничение которых недопустимо даже в период действия особых правовых режимов, но и достижение публичных целей осуществления правосудия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абабков А. В. Развитие специальной предметной и персональной подсудности уголовных дел военным судам // Институт подсудности в уголовном процессе : материалы I Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы российского уголовного процесса», г. Москва, 29 марта 2024 г. М. : Юрлитинформ, 2024. С. 15–32.

Александров А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности : монография / под ред. В. З. Лукашевича. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2025. 448 с.

Бехало С. В. Подсудность в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 245 с.

Воронина Н. А. Право потерпевшего на доступ к правосудию и его реализация в досудебном уголовном производстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 236 с.

⁴⁶ Чекулаев Д. П. Подсудность особых периодов (военного и чрезвычайного положения) как новый вид подсудности в уголовном процессе Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 159–162.

- Головки Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство. М. : Городец, 2022. 464 с.
- Головки Л. В. Дискуссионные вопросы приостановления и прекращения уголовного преследования в отношении участников специальной военной операции // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31. № 1 (96). С. 5–10.
- Головки Л. В., Гуценко К. Ф., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. 2-е изд., доп. и испр. М. : Зерцало-М, 2002. 528 с.
- Дикарев И. С. Основания специализации военных судов по уголовным делам о преступлениях террористической направленности // Вестник военного права. 2022. № 3. С. 7–13.
- Дикарев И. С. Особый порядок производства в военных судах по делам о преступлениях террористической направленности: исторические параллели // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 4 (70). С. 130–137.
- Замашнюк А. Н. Актуальные проблемы подсудности уголовных дел военным судам на современном этапе // Институт подсудности в уголовном процессе : материалы I Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы российского уголовного процесса», г. Москва, 29 марта 2024 г. М. : Юрлитинформ, 2024. С. 33–46.
- Калиновский К. Б. Подсудность дел об «обычных» преступлениях добровольцев СВО // Уголовный процесс. 2025. № 5.
- Коновалова Е. Е. Реализация в российском уголовном процессе права на рассмотрение дела тем судом и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. 257 с.
- Костюченко О. Г. Криминалистические аспекты применения беспилотного летательного аппарата (БПЛА) // Российский следователь. 2023. № 10. С. 2–5.
- Кудрявцев В. Н., Тусов А. И. Политическая юстиция в СССР. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002. 385 с.
- Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. 4-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2025. 1041 с.
- Лазарева В. А., Иванов В. В., Утарбаев А. К. Защита прав личности в уголовном процессе России : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2017. 233 с.
- Ляхов Ю. А. Новая уголовно-процессуальная политика. Ростов н/Д. : Изд. Ростовского университета, 1992. 96 с.
- Масленникова Л. Н., Топилина Т. А. Доступ к правосудию и проблемы его ограничения в уголовном судопроизводстве России // Юридические исследования. 2020. № 7. С. 13–28.
- Маслов В. А. Влияние специальной военной операции на преступность в России // Lex russica. 2025. Т. 78. № 3. С. 98–119.
- Мирзоян А. С. Особенности организации расследования преступлений, совершенных военнослужащими, в зарубежном уголовном законодательстве (США, Германия) // Российский следователь. 2011. № 24. С. 31–35.
- Мишуткин И. В., Колпакова И. А. Проблемы взаимодействия военно-гражданских администраций регионов, вошедших в ходе специальной военной операции в состав Российской Федерации, с военным командованием // Военное право. 2024. № 3. С. 22–27.
- Огнев Д. Ф. Военная подсудность. Сравнительный очерк. СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1896. 339 с.
- Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 8 : Судебная реформа / под общ. ред. О. И. Чистякова ; отв. ред. Б. В. Виленский. М. : Юридическая литература, 1991. 496 с.
- Россинский С. Б. Подследственность уголовного дела: общее условие предварительного расследования или совокупность организационно-управленческих правил? // Государство и право. 2023. № 10. С. 71–78.
- Судебный контроль в уголовном процессе / под ред. Н. А. Колоколова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2009. 847 с.
- Трефилов А. А. Военный уголовный процесс Швейцарии: доказывание, следственные действия, меры принуждения, предварительное производство // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 2. С. 111–118.
- Туганов Ю. Н., Аулов В. К. Особые правовые режимы: основные направления совершенствования правовой основы судебной деятельности военных судов в военное время, в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий // Военные суды (трибуналы) России в условиях особых правовых режимов : сборник научных статей / под ред. Н. А. Петухова. М. : РГУП, 2024. С. 371–382.
- Урбан В. В. Понятие и содержание уголовно-процессуальной политики Российской Федерации // Труды Академии МВД России. 2020. № 4 (56). С. 85–93.

Химичев М. В. Расширение подсудности военных судов при военном положении: традиция или пережиток? // Судебная власть в условиях новых вызовов : сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 25-летию кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности РГУП : в 2 ч. / отв. за выпуск Е. В. Бурдина, Н. В. Головушкина. Ч. 1. М. : РГУП, 2024. С. 178–190.

Чекотков А. Ю. Возможность уйти на СВО, не дожидаясь приговора: устранение пробела или изменение логики законодателя? // Закон. 2024. № 10. С. 93–96.

Чекулаев Д. П. Подсудность особых периодов (военного и чрезвычайного положения) как новый вид подсудности в уголовном процессе Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 159–162.

Чекулаев Д. П., Химичев М. В. Изменение территориальной подсудности уголовных дел в условиях режима военного положения. Статья 2. Возможные варианты реализации гражданами права на законный суд и доступ к правосудию в условиях военного времени // Военно-юридический журнал. 2023. № 6. С. 25–28.

Шендзиковский И. А. О военном суде в военное время (полевом военном суде). СПб. : Типогр. Деп. уделов, 1892. 127 с.

REFERENCES

Ababkov AV. Development of special substantive and personal jurisdiction of criminal cases to military courts. In: Institute of Jurisdiction in Criminal Proceedings. Proceedings of the First All-Russian Scientific and Practical Conference «Current Problems of the Russian Criminal Procedure», Moscow, March 29, 2024. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2024. P. 15–32. (In Russ.).

Aleksandrov AI. Criminal policy and criminal procedure in the Russian statehood. A monograph. Lukashevich VZ, (ed.). 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Prospekt Publ.; 2025. (In Russ.).

Bekhalo SV. Jurisdiction in Russian criminal proceedings. Cand. Diss. (Law). Moscow; 2024. (In Russ.).

Chekotkov AYU. The opportunity to retire without waiting for a verdict: Eliminating the gap or changing the logic of the legislator? *Zakon [Law]*. 2024;10:93–96. (In Russ.).

Chekulaev DP, Khimichev MV. Changing the territorial jurisdiction of criminal cases under martial law. Article 2. Possible options for citizens to exercise the right to a lawful trial and access to justice in wartime conditions. *Voенно-yuridicheskiy zhurnal*. 2023;6:25–28. (In Russ.).

Chekulaev DP. Jurisdiction of special periods (martial law and state of emergency) as a new type of jurisdiction in the criminal procedure of the Russian Federation. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 2025;2:159–162. (In Russ.).

Chistyakov OI, (ed.). Russian legislation in the 10th–20th centuries. In 9 volumes. Vol. 8: Judicial reform. Vilensky BV, (ed.). Moscow: Legal literature Publ.; 1991. (In Russ.).

Dikarev IS. Special procedure for proceedings in military courts in cases of terrorist crimes: Historical parallels. *The rule of law: Theory and practice*. 2022;4(70):130–137. (In Russ.).

Dikarev IS. The grounds for the specialization of military courts in criminal cases of terrorist crimes. *Vestnik voennogo prava*. 2022;3:7–13. (In Russ.).

Golovko LV, Gutsenko KF, Filimonov BA. The criminal procedure in Western states. 2nd ed., suppl. and rev. Moscow: Zertsalo-M Publ.; 2002. (In Russ.).

Golovko LV. Controversial issues of suspension and termination of criminal prosecution against participants in a special military operation. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii [Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia]*. 2025;31(1):5–10. (In Russ.).

Golovko LV. The State and its criminal proceedings. Moscow: Gorodets Publ.; 2022. (In Russ.).

Golovko VV, (ed.). The course of criminal procedure. 4th ed., rev. and suppl. Moscow: Statut Publ.; 2025. (In Russ.).

Kalinovsky KB. Jurisdiction of cases of «ordinary» crimes committed by Special Military Operation volunteers. *Ugolovnyy protsess [Criminal Procedure]*. 2025;5:11. (In Russ.).

Khimichev MV. Expansion of jurisdiction of military courts under martial law: Tradition or a relic? In: Burдина EV, Golovushkina NV, (eds.). Judicial power in the context of new challenges. A collection of articles of the All-Russian scientific and Practical Conference dedicated to the 25th anniversary of the Department of Organization of Judicial

and Law Enforcement Activities of the Russian State Unitary Enterprise. In 2 parts. Part 1. Moscow: RGUP Publ.; 2024. P. 178–190. (In Russ.).

Kolokolova NA, (ed.). Judicial control in criminal proceedings. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Yunity-Dana Publ.; 2009. (In Russ.).

Konovalova EE. The implementation in the Russian criminal procedure of the right to trial before the court and the judge having jurisdiction over the case pursuant to law. Cand. Diss. (Law). Moscow; 2025. (In Russ.).

Kostyuchenko OG. Criminalistic aspects of the use of an unmanned aerial vehicle (UAV). *Rossiyskiy sledovatel [Russian Investigator]*. 2023;10:2-5. (In Russ.).

Kudryavtsev VN, Trusov AI. Political justice in the USSR. St. Petersburg: Yuridichesskiy Tsentr-Press Publ.; 2002. (In Russ.).

Lazareva VA, Ivanov VV, Utarbaev AK. Protection of individual rights in the criminal procedure in Russia. A study guide for bachelor's and master's degree programs. 3rd ed., rev. and suppl. Moscow: Yurait Publ.; 2017. (In Russ.).

Lyakhov YuA. New criminal procedure policy. Rostov n/A: Rostov University Publ.; 1992. (In Russ.).

Maslennikova LN, Topilina TA. Access to justice and the problems of its limitation in criminal proceedings in Russia. *Yuridicheskije issledovaniya*. 2020;7:13-28. (In Russ.).

Maslov VA. The Impact of a Special Military Operation on Crime in Russia. *Lex russica*. 2025;78(3):98-119. (In Russ.).

Mirzoyan AS. Features of the organization of the investigation of crimes committed by military personnel in foreign criminal legislation (USA, Germany). *Rossiyskiy sledovatel [Russian Investigator]*. 2011;2431-35. (In Russ.).

Mishutkin IV, Kolpakova IA. Problems of interaction of the military-civil administrations of the regions that became part of the Russian Federation during a special military operation with the military command. *Voennoe pravo*. 2024;3:22-27. (In Russ.).

Ognev DF. Military jurisdiction. A comparative essay. St. Petersburg: A.S. Suvorin Publishing House; 1896. (In Russ.).

Rossinsky SB. The jurisdiction of a criminal case: A general condition for a preliminary investigation or a set of organizational and managerial rules? *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*. 2023;10:71-78. (In Russ.).

Shendzikovsky IA. On the military court in wartime (field military court). St. Petersburg: Tipogr. Dept. udelov; 1892. (In Russ.).

Trefilov AA. The Swiss military criminal trial: Evidence, investigative actions, coercive measures, preliminary proceedings. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law]*. 2018;2:111-118. (In Russ.).

Tuganov YuN, Aulov VK. Special legal regimes: Main directions for improving the legal basis of the judicial activity of military courts in wartime, in conditions of armed conflict or warfare. In: Petukhov NA, (ed.). Military courts (tribunals) in Russia in the conditions of special legal regimes. A collection of scientific articles. Moscow: RGUP Publ.; 2024. P. 371–382. (In Russ.).

Urban VV The concept and content of the criminal procedure policy of the Russian Federation. *Trudy Akademii MVD Rossii*. 2020;4(56):85-93. (In Russ.).

Voronina NA. The victim's right to access justice and its implementation in pre-trial criminal proceedings. Cand. Diss. (Law). Moscow; 2024. (In Russ.).

Zamashnyuk AN. Current problems of jurisdiction of criminal cases to military courts at the present stage. Institute of jurisdiction in criminal procedure. In: Proceedings of the 1st All-Russian scientific and practical conference «Current problems of the Russian criminal procedure», Moscow, March 29, 2024. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2024. P. 33–46. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чекулаев Дмитрий Петрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова
д. 1, тер. Ленинские горы, г. Москва 119234, Российская Федерация
dm_ch@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry P. Chekulaev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Procedure, Justice and Public Prosecutor's Supervision, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
dm_ch@inbox.ru

Материал поступил в редакцию 29 июня 2025 г.

Статья получена после рецензирования 5 июля 2025 г.

Принята к печати 15 августа 2026 г.

Received 29.06.2025.

Revised 05.07.2025.

Accepted 15.08.2026.

А. А. Краевский

Санкт-Петербургский государственный университет

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

г. Самара, Российская Федерация

Самарский государственный экономический университет

Теория нормативных коллизий Е. В. Булыгина и К. Э. Альчуррона в контексте полемики с чистым учением о праве

Резюме. Статья посвящена теориям нормативных коллизий аргентинских философов права Е. В. Булыгина и К. Э. Альчуррона. Руководствуясь методологическим принципом толерантности Р. Карнапа, названные мыслители создали две разные теории нормативных систем и нормативных коллизий, одна из которых в их терминологии может быть обозначена как гилетическая, а вторая — как экспрессивная. Научное творчество Булыгина и Альчуррона во многом шло в полемическом диалоге с Г. Кельзеном, соответственно, на обе теории заметное влияние оказали идеи классического и позднего чистого учения о праве. В центре внимания ранней, гилетической теории находится проблема непротиворечивости и полноты нормативной системы; при этом функцию коррекции данной системы осуществляет не только законодатель, но и юридическая наука (догматика), а понятие нормативной коллизии соотносится с логическим противоречием. Такое понимание нормативной системы и правоведения сближается с неокантианской версией теории Кельзена, несмотря на ее критику аргентинскими мыслителями. Экспрессивная теория норм, напротив, трактует нормативный конфликт как отношение двух фактов, двух волеизъявлений, одновременное выполнение требований которых невозможно. В центре внимания данного подхода — упорядочение (иерархизация) правовых норм, которое соотносится с дерогацией в смысле поздней теории Кельзена. Отдельного рассмотрения заслуживает проблема действительности неконституционных законов. Полемизируя с концепцией альтернативного уполномочивания Кельзена, Булыгин предлагает собственное решение — через разграничение понятий принадлежности нормы и ее применимости.

Ключевые слова: конфликт норм; коллизия норм; Е. В. Булыгин; К. Э. Альчуррон; Г. Кельзен; чистое учение о праве; нормативная система; гилетическая концепция норм; экспрессивная концепция норм; альтернативное уполномочивание

Для цитирования: Краевский А. А. Теория нормативных коллизий Е. В. Булыгина и К. Э. Альчуррона в контексте полемики с чистым учением о праве. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 9. С. 106–118. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.238.9.106-118

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01893, <https://rscf.ru/project/24-28-01893/>.

E.V. Bulygin and C.E. Alchourrón's Theory of Normative Conflicts in Debate with the Pure Theory of Law

Arseny A. Kraevsky

St. Petersburg State University

St. Petersburg, Russian Federation

Samara State University of Economics

Samara, Russian Federation

Abstract. The paper is devoted to the theories of normative conflicts of the Argentine legal philosophers E.V. Bulygin and C.E. Alchourrón. Guided by R. Carnap's methodological principle of tolerance, the thinkers developed two distinct theories of normative systems and normative conflicts. In their terminology, one may be designated as hyletic, and the other as expressive. The scholarly work of Bulygin and Alchourrón largely developed in a polemical dialogue with H. Kelsen; accordingly, both theories were significantly influenced by the ideas of the classical and later versions of the pure theory of law. The early, hyletic theory focuses on the problem of consistency and completeness of a normative system. The function of correcting this system is performed not only by the legislator but also by legal science (dogmatics). In this framework, the concept of a normative conflict is treated as equivalent to a logical contradiction. This understanding of the normative system and jurisprudence converges with the neo-Kantian version of Kelsen's theory, despite the criticism it received from the Argentine thinkers. By contrast, the expressive theory of norms treats a normative conflict as a relation between two facts or two expressions of will, the simultaneous fulfilment of whose requirements is impossible. The focus of this approach is the ordering (hierarchisation) of legal norms, which corresponds to derogation in the sense of Kelsen's later theory. The problem of the validity of unconstitutional laws warrants separate consideration. Arguing with Kelsen's concept of alternative empowerment, Bulygin proposes his own solution, namely by drawing a clear line between a norm's place within the system and whether it may be applied in practice.

Keywords: conflict of norms; collision of norms; E.V. Bulygin; C.E. Alchourrón; H. Kelsen; pure theory of law; normative system; hyletic conception of norms; expressive conception of norms; alternative empowerment

Cite as: Kraevsky AA. E.V. Bulygin and C.E. Alchourrón's Theory of Normative Conflicts in Debate with the Pure Theory of Law. *Lex russica*. 2026;79(9):106-118. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.238.9.106-118

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Science Foundation (grant No. 24-28-00312), <https://rscf.ru/project/24-28-00312/>.

Введение

Аргентинские правоведы и философы Е. В. Булыгин и К. Э. Альчуррон заслуженно относятся к числу крупнейших представителей современного юридического позитивизма; их сочинения (в значительной части написанные в соавторстве) внесли важный вклад в развитие юридической науки, философии права и логики норм, в особенности в теорию нормативных систем. Одна из важнейших проблем, находящихся на пересечении указанных дисциплин, состоит в предполагаемых коллизиях (конфликтах) правовых норм. Нормативные конфликты,

несомненно, осложняют функционирование нормативной системы (если не разрушают ее), поэтому многие правоведы исходят из аксиомы непротиворечивости права, считая существование коллизий иллюзорным (холистический или субъективный подход). Другие исследователи признают реальность нормативных конфликтов (реалистическая или объективная концепция) как ошибок законотворчества¹, однако и для них актуален теоретический вопрос о механизме исправления подобных системных дефектов. Е. В. Булыгин и К. Э. Альчуррон в своих работах неоднократно обращались к проблеме юридических коллизий, рассма-

¹ О различиях данных подходов см.: Петров А. А., Тихонравов Е. Ю. Пробелы и коллизии в праве : учеб. пособие. М. : Проспект, 2019. С. 39–40 ; Краевский А. А. Между холизмом и реализмом: две теории юридических коллизий Г. Кельзена // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 1. С. 119–126 ; Касаткин С. Н. Концептуализация юридических коллизий: некоторые теоретико-методологические различия // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2025. № 1 (60). С. 56–57.

тривая ее с разных точек зрения и склоняясь при этом к ее реалистической интерпретации. Значительная часть идей аргентинских правоведов была сформулирована в дискуссии с другими выдающимися правоведами и философами того времени — Г. Кельзеном², А. Россом, Г. Л. А. Хартом, О. Вайнбергером³, Н. Маккормиком, Дж. Разом, Г. Х. фон Вригтом, Р. Алекси и др., а интересующая нас концепция нормативных конфликтов может быть реконструирована как полемический диалог в первую очередь с Г. Кельзеном. Цель настоящего исследования заключается в реконструкции развития теории нормативных коллизий Е. В. Булыгина и К. Э. Альчуррона в контексте полемики с чистым учением о праве.

1. Непротиворечивость в нормативных системах и критика неокантианства

1.1. Критика кантианства

Логико-правовая концепция Е. В. Булыгина и К. Э. Альчуррона изначально во многом строилась на критике работ Г. Кельзена⁴. Одно из основных ее направлений, особенно характерное для поздних работ аргентинских правоведов, — оспаривание неокантианской методологии классической версии чистого учения о праве, наиболее последовательно изложенное в ста-

тье Е. В. Булыгина «Антиномия в чистом учении о праве Кельзена».

Антиномия чистого учения о праве, согласно Булыгину, заключается в попытке соединить непримиримые между собой позитивистские и неокантианские элементы⁵. Исследователь выделяет три периода в 60-летнем научном творчестве Г. Кельзена — неокантианский, смешанный и преимущественно позитивистский⁶. Третий из четырех критикуемых Булыгиным кантианских тезисов — кантианское положение о нормативности юридической науки⁷. Действительно, в некотором смысле данный тезис наиболее характерен для кельзеновской версии правового кантианства, поскольку, в отличие от большинства юристов-кантианцев, австрийский правовед придавал наибольшее значение не юридическому учению Канта, а его теории познания⁸. Юридическое познание с точки зрения классической версии чистого учения о праве имеет конструктивный характер. Одно из важных следствий такого понимания правоведения — холистическая теория коллизий, объясняющая непротиворечивость правовой системы непротиворечивостью юридического мышления: конструируя свой предмет — правовой порядок, юридическое познание исключает из него все возможные коллизии. В конечном счете нормативные конфликты рассматриваются как мнимые и разрешаются при помощи

² Антонов М. В. Проблемы чистого учения о праве в работах Е. В. Булыгина // Как возможна логика в праве? : кол. монография / под ред. М. В. Антонова, Е. Н. Лисанюк, Е. Н. Тонкова. СПб. : Алетей, 2021. С. 71–117.

³ Дидикин А. Б. Границы применения логического анализа в эпистемологии права // Как возможна логика в праве? С. 299–311.

⁴ Так, одна из ранних работ Е. В. Булыгина «Понятие действительности» базируется на критике теорий действительности и действительности права Г. Кельзена и в меньшей степени А. Росса (Булыгин Е. В. Понятие действительности // Булыгин Е. В. Избранные работы по теории и философии права : пер. с англ., нем., исп. / под науч. ред. М. В. Антонова, Е. Н. Лисанюк, С. И. Максимова. СПб. : Алеф-Пресс, 2016. С. 273–293). См. также: Три царства права: действительность, действенность, легитимность / Е. В. Тимошина, Н. С. Васильева, В. Е. Кондуров, А. А. Краевский ; под ред. Е. В. Тимошиной. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2023. С. 485–489, 535–552.

⁵ Булыгин Е. В. Антиномия в чистом учении о праве // Булыгин Е. В. Избранные работы по теории и философии права. С. 223. См. также: Антонов М. В. Проблемы чистого учения о праве в работах Е. В. Булыгина. С. 73–81.

⁶ Булыгин Е. В. Антиномия в чистом учении о праве. С. 224.

⁷ Булыгин Е. В. Антиномия в чистом учении о праве. С. 230–233.

⁸ Три царства права: действительность, действенность, легитимность. С. 455–464 ; Дидикин А. Б. Основная норма как категория мышления в неокантианской философии права Ганса Кельзена // Трансцендентальный поворот в современной философии — 7. Эпистемология, когнитивистика и искусственный интеллект : сборник тезисов международной научной конференции. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2022. С. 57–59 ; Антонов М. В. Ганс Кельзен (1881–1973): основные вехи интеллектуального пути // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 1. С. 5, 8.

интерпретации⁹. Такое понимание коллизий и науки в целом решительно отвергается в поздних работах Булыгина, как основанное на смешении правовых норм и правовых предложений — предписаний и их описания¹⁰.

1.2. Нормативные системы и роль юридической догматики

Вместе с тем обращение к ранним работам Булыгина и Альчуррона, в первую очередь к их *magnum opus* — «Нормативным системам», показывает, что кантианское представление о юридической науке и связанное с ним холистическое понимание юридических коллизий не были вполне чужды самим аргентинским правоведам. Если абстрагироваться от специфической кантианской теории познания классического чистого учения о праве, то ключевые аспекты его теории коллизий — понимание нормативных конфликтов как логических противоречий и идея их разрешения при помощи конструктивной интерпретации, осуществляемой юридической наукой. Оба указанных элемента могут быть обнаружены и в концепции Булыгина и Альчуррона.

«Нормативные системы» в значительной степени посвящены проблеме систематизации норм, причем такая систематизация рассматривается в качестве задачи как законодателя, так и ученого-правоведа¹¹. Система норм должна

соответствовать стандартам рациональности, к которым относится и непротиворечивость, из чего названные исследователи делают вывод, что «устранение противоречий в правовых предписаниях — основная задача науки о праве»¹².

Понимание нормативной системы у Булыгина и Альчуррона принципиально отличается от концепций других правоведов, исследовавших системность в праве, — Кельзена, Росса, Дж. Раза и др., в центре внимания которых находился действующий в обществе правовой порядок (правовая система) в целом. Аргентинские философы права, распространяя на нормы теорию дедуктивных и аксиоматических систем польского логика А. Тарского¹³, под нормативной системой понимали «нормативное множество, содержащее все свои следствия», а под нормативным множеством — множество, среди следствий которого есть нормы¹⁴. Само указанное определение не предполагает конкретного источника происхождения норм и иных высказываний, составляющих рассматриваемое множество; это могут быть положения законов, обычаи, прецеденты, нормы естественного права или какие-то доктринальные положения — «выбор основы зависит исключительно от интересов того, кто составляет систему»¹⁵. Исследователи полагают, что такой подход в полной мере соответствует обычной работе

⁹ См.: Краевский А. А. Между холизмом и реализмом: две теории юридических коллизий Г. Кельзена. С. 119–122.

¹⁰ Булыгин Е. В. Кельзен о полноте и непротиворечивости права // Булыгин Е. В. Избранные работы по теории и философии права. С. 247–254.

¹¹ Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы / пер. с англ. М. В. Антонова ; под ред. Е. В. Булыгина, Е. Н. Лисанюк // Нормативные системы и другие работы по философии права и логике норм / под ред. Е. Н. Лисанюк. СПб. : Издательство СПбГУ, 2013. С. 49–50. См. также: Гуастини Р. Выдающиеся аспекты «Нормативных систем» // Российский ежегодник теории права. № 3. 2010 / под ред. А. В. Полякова. СПб. : Издательский дом СПбГУ, 2011. С. 493.

¹² Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы. С. 50.

Впрочем, в дальнейшем авторы оговариваются, что не менее значима проблема полноты права (Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы. С. 50), которой в дальнейшем они и уделяют наибольшее внимание.

¹³ Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы. С. 86–88, 90. См. также: Tarski A. Logic, Semantics, Metamathematics. Papers from 1923 to 1938 / transl. by J. H. Woodger. 2nd ed. Indianapolis : Hackett Publishing Company, 1983.

¹⁴ Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы. С. 91.

Норма при этом понимается авторами как высказывание, связывающее некоторый случай и некоторое решение (Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы. С. 81, 91), что исключает из числа норм некоторые положения, содержащиеся в нормативных правовых актах, в частности легальные дефиниции (Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы. С. 94–97). Об особенностях такого понимания нормы см.: Лисанюк Е. Н. К. Альчуррон и Е. Булыгин о норме в «Нормативных системах» // Конфликтология. 2011. № 4. С. 62–74.

¹⁵ Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы. С. 95.

юристов, в конкретном случае составляющих набор норм, регулирующих конкретную сферу общественной жизни: «Они выбирают определенное множество высказываний (из законов, судебных решений или правил обычного права) и пытаются установить их следствия, в частности их нормативные следствия для определенной сферы проблем»¹⁶.

Развивая данную мысль в более поздней работе, Булыгин прямо пишет, что юридическая догматика¹⁷ выполняет важную нормативную функцию, выходящую за пределы простого познания права: она изменяет¹⁸ нормативную систему, делая ее более полной и непротиворечивой¹⁹. Такие изменения не соответствуют общественному представлению о значении юридической науки, поэтому они производятся скрытым образом при помощи различных риторических средств, позволяющих представить изменения системы в качестве ее следствий²⁰. Основные способы, используемые правовой догматикой для устранения нормативных конфликтов, следующие:

1) на уровне идентификации норм — выбор из нескольких возможных интерпретаций норм той, которая исключает коллизию²¹;

2) иерархическое структурирование норм — одна норма или группа норм по тем или иным причинам признается вышестоящей по отношению к другой²².

1.3. Понятие нормативной коллизии

Понятие самой нормативной коллизии подробно не исследуется аргентинскими философами права в их ранних работах, однако в целом не вызывает сомнений, что оно трактуется ими как специфическое логическое противоречие. Булыгин определяет непротиворечивость (consistency) нормативной системы как положение дел, в котором «ни один родовой случай»²³ не связывается с двумя или большим числом решений»²⁴; конфликтующими при этом называются нормы, «устанавливающие несовместимые решения для одних и тех же случаев»²⁵. Ключевой вопрос, однако, в том, как именно следует понимать данную несовместимость? В «Нормативных системах» она понимается как ситуация, в которой конъюнкция соответствующих решений «есть деонтическое противоречие»²⁶. Аналогичный ответ дается в работе Альчуррона и Макинсона и заключается в определении несовместимости через логическое отрицание, как отношение x и $\neg x$ ²⁷. Вместе с тем такой ответ нельзя признать исчерпывающим, поскольку противоречие в строгом логическом смысле представляет собой отношение двух суждений, которые не могут быть одновременно истинными, в то время как нормы не являются ни истинными, ни ложными²⁸.

Попытка принципиального разрешения данной проблемы была предпринята в статье

¹⁶ Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы. С. 96.

¹⁷ Такое понимание юридической догматики представляется близким к концепции А. Росса, видевшего в качестве одной из основных задач догматики права формулирование выходящих за рамки чистой науки предложений по разрешению возможных казусов, *de sententia ferenda* (Ross A. On Law and Justice / transl. by U. Bindreiter ; ed. by J. v. H. Holtermann. Oxford : Oxford University Press, 2019. P. 58–59).

¹⁸ О разграничении систематизации норм и изменения нормативных систем см.: *Alchourrón C. E. Systematization and Change in the Science of Law // Rechtstheorie. Beiheft 10. Vernunft und Erfahrung in Rechtsdenken der Gegenwart / Herausg. von T. Eckhoff, L. M. Friedman, J. Uusitalo. Berlin : Duncker und Humblot, 1986. P. 171–184.*

¹⁹ *Bulygin E. Legal Dogmatics and the Systematization of Law // Rechtstheorie. Beiheft 10. P. 204.*

²⁰ *Bulygin E. Legal Dogmatics and the Systematization of Law. P. 204.*

²¹ *Bulygin E. Legal Dogmatics and the Systematization of Law. P. 205.*

²² *Bulygin E. Legal Dogmatics and the Systematization of Law. P. 206.* О логической стороне такого упорядочивания см.: Альчуррон К. Э., Макинсон Д. Иерархии правил и их логика // Нормативные системы и другие работы по философии права и логике норм. С. 262–284.

²³ То есть случай, определенный некоторым свойством (Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы. С. 70–71).

²⁴ *Bulygin E. Legal Dogmatics and the Systematization of Law. P. 205.*

²⁵ *Bulygin E. Legal Dogmatics and the Systematization of Law. P. 205.*

²⁶ Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы. С. 98.

²⁷ Альчуррон К. Э., Макинсон Д. Указ. соч. С. 271–272.

²⁸ Кельзен Г. Дерогация / пер. с англ. А. А. Краевского // Кельзен Г. Очерки по философии права и морали : пер. с англ. и нем. СПб. : Алеф-Пресс, 2024. С. 252–253.

Альчуррона «Конфликт норм и пересмотр нормативных систем»²⁹, в которой аргентинский философ права называет ее «самым насущным и сложным вопросом философии нормативной логики»³⁰. Основной вопрос, интересующий названного мыслителя, — определение непротиворечивости нормативной системы. Он решается при помощи разделения двух типов норм³¹ — обязывающих и разрешающих. Множество обязывающих норм непротиворечиво тогда и только тогда, когда агенты соответствующих норм «способны осуществить все действия, требуемые нормами данного множества»³², а множество разрешающих норм — тогда и только тогда, когда агенты могут осуществить каждое из разрешенных действий. Смешанное множество можно считать непротиворечивым, если и только если для каждой разрешающей нормы существует интерпретация, делающая истинным содержащееся в ней описание действия, а также все описания действий, содержащиеся в обязывающих нормах данного множества³³. В конечном счете указанный исследователь приходит к отождествлению противоречивости (inconsistency) нормативной системы и нормативного конфликта, выделяя два их вида — безусловную и условную противоречивость. Безусловная противоречивость предполагает, что нормативная система содержит две нормы, которые прямо связывают логически отрицающие друг друга последствия с одним и тем же юридическим фактом. Условная противоречивость имеет место тогда, когда логическое отрицание последствий имеет место лишь для определенного фактического

состава — совокупности юридических фактов, в то время как без выполнения данного условия нормативный конфликт не возникает³⁴. Стоит отметить, что подобная классификация близка к введенному Кельзеном разграничению между необходимым и возможным нормативным конфликтом³⁵.

2. Экспрессивная концепция норм и два вида нормативных конфликтов

2.1. Две теории норм

В конце 1980-х гг. Булыгин и Альчуррон представили новую теорию норм, радикально отличающуюся от той, что была изложена в их более ранних работах. Объясняя данное различие, названные исследователи для обозначения двух своих подходов ввели термины «гилетическая» и «экспрессивная концепция норм». Для первой из них характерно понимание нормы как «похожей на высказывание логической сущности», которая может иметь (но необязательно) лингвистическое выражение в виде прескриптивного нормативного предложения³⁶. Вторая следует традиции, широко представленной в позитивистской философии права, и считает норму результатом особого (прескриптивного) использования языка³⁷. В интерпретации аргентинских правоведов, основанной на теории речевых актов Дж. Л. Остина³⁸, гилетическая концепция проводит различие между нормами и суждениями на семантическом уровне (оно заключается в смысле лингвистического выражения), а экспрессивная — на прагматическом

²⁹ Alchourrón C. E. Conflicts of Norms and the Revision of Normative Systems // Law and Philosophy. 1991. Vol. 10. No. 4. P. 413–425.

³⁰ Alchourrón C. E. Conflicts of Norms and the Revision of Normative Systems. P. 417.

Строго говоря, высказывание Альчуррона относится к определению нормативной непротиворечивости без прямого обращения к понятию истины, однако это, очевидно, просто иная формулировка той же самой проблемы.

³¹ Под нормами понимается любое предложение, содержащее деонтический оператор (Alchourrón C. E. Conflicts of Norms and the Revision of Normative Systems. P. 415).

³² Alchourrón C. E. Conflicts of Norms and the Revision of Normative Systems. P. 417.

³³ Alchourrón C. E. Conflicts of Norms and the Revision of Normative Systems. P. 417–418.

³⁴ Alchourrón C. E. Conflicts of Norms and the Revision of Normative Systems. P. 419–424.

³⁵ Кельзен Г. Дерогация. С. 250–251.

³⁶ Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Экспрессивная концепция норм // Нормативные системы и другие работы по философии права и логике норм. С. 235.

³⁷ Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Экспрессивная концепция норм. С. 236.

³⁸ См.: Остин Дж. Л. Как совершать действия при помощи слов? / пер. с англ. В. П. Руднева // Избранное. М.: Идея-Пресс, 1999. С. 13–135.

(различие состоит в целях и социальной функции соответствующего речевого акта)³⁹.

Гилетическая концепция, с точки зрения Булыгина и Альчуррона, характерна для философов и правоведов, ориентированных на исследования в области деонтической логики, в то время как экспрессивная широко представлена в позитивистской философии права, начиная с командной теории права Дж. Остина и заканчивая концепциями А. Росса и позднего Г. Кельзена⁴⁰. Примечательно, что, разрабатывая экспрессивную концепцию норм, аргентинские правоведы не отказались от своих более ранних работ, относимых ими самими к гилетическому пониманию, а пришли к выводу, что обе теории предполагают «одни и те же существенные разграничения», тогда как выбор между ними обусловлен исключительно онтологическими предпочтениями. Возможность использования обеих концепций обосновывается ими при помощи известного «принципа толерантности» Р. Карнапа, согласно которому в отношении форм языка «следует не устанавливать запреты, а приходить к соглашениям»⁴¹, поскольку «в логике нет морали. Каждый свободен строить собственную логику, т.е. свою собственную форму языка, как он пожелает. Всё, что от него требуется, — ясно излагать свои методы и приводить син-

таксические правила вместо философских аргументов»⁴².

Экспрессивная концепция норм строится на двух базовых типах речевых актов — предписании (императиве, команде) и отклонении (отмене, дерогации). Отклонение не отрицает содержание императива, а исключает соответствующий императив из нормативной системы⁴³. Сообразно с этим в экспрессивной нормативной системе возможны два типа конфликтов — содержательный конфликт между двумя предписаниями, которые нельзя выполнить одновременно (нормативное противоречие или несовместимость)⁴⁴, и формальный конфликт между предписанием и его отклонением (амбивалентность)⁴⁵. Для наглядности Булыгин и Альчуррон сравнивают данные конфликты со спором теиста, атеиста и агностика. Нормативное противоречие аналогично конфликту между теистом и атеистом: первый утверждает, что Бог существует, а второй — что Бог не существует. Амбивалентность похожа на спор теиста и агностика: первый утверждает существование Бога, а второй отказывается его принимать, но и не утверждает противоположного⁴⁶. Оба типа конфликтов вполне возможны и довольно часто встречаются на практике, хотя с логической точки зрения должны оказывать разрушительное воздействие на соответ-

³⁹ Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Экспрессивная концепция норм. С. 236. Разграничение гилетической и экспрессивной концепций норм вызвало критику чешско-австрийского философа права О. Вайнбергера, полагавшего указанное разграничение некорректным, а экспрессивную концепцию — ширмой, скрывающей реальные логические отношения между нормами (Вайнбергер О. Экспрессивная концепция норм — тупик для логики норм // Булыгин Е. В. Избранные работы по теории и философии права. С. 327–357). В продолжение упомянутой дискуссии Булыгиным были приведены дополнительные аргументы в пользу возможности экспрессивной концепции норм, в частности, в той версии, которая была представлена в поздних работах Кельзена (Булыгин Е. В. Нормы и логика: Ганс Кельзен и Ота Вайнбергер об онтологии норм // Булыгин Е. В. Избранные работы по теории и философии права. С. 358–376).

⁴⁰ Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Экспрессивная концепция норм. С. 238–240.

⁴¹ Carnap R. Logical Syntax of Language / transl. by A. Smeaton. London : Routledge, 2001. P. 51.

⁴² Carnap R. Logical Syntax of Language. P. 52. Дальнейшее развитие «принцип толерантности» Карнапа получил в его теории языковых каркасов, предполагающей четкое разделение между использованием той или иной формы языка и решением тех или иных философских вопросов (Карнап Р. Эмпиризм, семантика и онтология // Карнап Р. Значение и необходимость: исследование по семантике и модальной логике / пер. с англ. Н. В. Воробьева. М. : ЛКИ, 2007. С. 298–320). Известным оппонентом данного подхода был американский философ У. В. О. Куайн, сформулировавший концепцию «онтологических обязательств», которые принимает на себя субъект, использующий ту или иную языковую форму (Куайн У. В. О. О том, что есть // Куайн У. В. О. С точки зрения логики. 9 логико-философских очерков / пер. В. А. Ладова, В. А. Суровцева. М. : Канон+, 2010. С. 21–44).

⁴³ Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Экспрессивная концепция норм. С. 240–246.

⁴⁴ Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Экспрессивная концепция норм. С. 247, 252.

⁴⁵ Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Экспрессивная концепция норм. С. 247.

⁴⁶ Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Экспрессивная концепция норм. С. 247.

ствующие нормативные системы⁴⁷. Критикуя классическую теорию нормативных конфликтов Кельзена, исходившую из постулата непротиворечивости права, Булыгин и Альчуррон солидаризируются с его поздней, экспрессивной версией⁴⁸ чистого учения о праве, предполагавшей реальность нормативных конфликтов и необходимость их разрешения при помощи дерогации⁴⁹.

Конфликты амбивалентности разрешаются при помощи трех правил (теоретических критериев), которые аргентинские правоведы по аналогии с известными коллизионными принципами называют *auctoritas superior*, *auctoritas posterior* и *auctoritas specialis*. Первое правило означает, что нижестоящий орган не может отменить предписание вышестоящего, второе отдает приоритет более позднему акту, а третье — акту, имеющему более конкретное содержание⁵⁰. Указанные правила предпочтения являются общепринятыми, но их нельзя считать логическими, и не все конфликты амбивалентности могут быть разрешены с их помощью⁵¹.

Для разрешения нормативных противоречий Булыгин и Альчуррон проводят различие между двумя ситуациями. Первая ситуация — обнаружение нормативной несовместимости двух норм законодателем. Он может отменить одно из двух предписаний, либо оба, либо ни одно из них, оставив разрешение данной проблемы правоприменителю. В первых двух случаях проблема будет решена. Вторая ситуация — обнаружение коллизии судьей, задачей которого становится упорядочение нормативной системы. В этом случае коллизия разрешается при помощи установления иерархических отношений между конфликтующими императивами. Часть иерархических правил устанавливается законодателем; к их числу относятся традиционные коллизионные прин-

ципы о приоритете закона с большей юридической силой (*lex superior*), более позднего (*lex posterior*)⁵² и более специального (*lex specialis*). Вместе с тем данные правила не всегда позволяют разрешить конфликт предписаний, и тогда правоприменители добавляют к ним собственные критерии предпочтения, «основанные, например, на соображениях справедливости или на других ценностях, затронутых в конкретном деле». По мнению аргентинских правоведов, упорядочение нормативной системы судьями изменяет ее не меньше, чем дерогация, осуществляемая законодателем, и в этом смысле вполне можно говорить о судах как субъектах правотворчества⁵³.

3. Критика теории альтернативного уполномочивания и понятие применимости

Среди прочих нормативных коллизий особое место занимают коллизии норм конституции и принятых на ее основе законов и подзаконных нормативных правовых актов. Данная проблема, хорошо известная на практике, была заострена чистым учением о праве Кельзена, которым был поставлен вопрос: как неконституционный закон может быть действительным? С одной стороны, законотворчество имеет своим основанием конституционные нормы, уполномочивающие соответствующие органы издавать законы и общим образом определяющие их будущее содержание, поэтому действительность законов производна от действительности конституции. С другой стороны, сама по себе действительность неконституционных законов не вызывает сомнений; более того, существование органов конституционного контроля не имело бы смысла, не будь оспариваемые в конституционных судах законы действительными⁵⁴.

⁴⁷ Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Экспрессивная концепция норм. С. 253.

⁴⁸ О теории нормативных коллизий Кельзена см.: Краевский А. А. Указ. соч. С. 117–134.

⁴⁹ Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Экспрессивная концепция норм. С. 253–254.

⁵⁰ Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Экспрессивная концепция норм. С. 248–249.

⁵¹ Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Экспрессивная концепция норм. С. 249.

⁵² Стоит отметить, что в более поздней работе Булыгин и Альчуррон называют правило *lex posterior derogat priori* концептуально необходимым в том смысле, что его предполагает само наличие нормотворческого полномочия (Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Дозволяющие нормы и нормативные системы // Булыгин Е. В. Избранные работы по теории и философии права. С. 92), соглашаясь в этом с классическим вариантом теории коллизии Кельзена (Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лезова. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. С. 257).

⁵³ Кельзен Г. Чистое учение о праве. С. 254–257.

⁵⁴ Кельзен Г. Чистое учение о праве. С. 333–337.

Ответом Кельзена на проблему действительности неконституционных законов стала доктрина «исчисления ошибок», или, как ее обычно называли критики, доктрина альтернативного уполномочивания. Согласно данной теории, действительность неконституционных законов объясняется тем, что сама конституция предполагает возможность их издания путем установления специального механизма устранения соответствующих дефектов — ответственности министров за контрассигнацию соответствующих нормативных правовых актов либо конституционной юстиции⁵⁵.

Доктрина альтернативного уполномочивания вызвала достаточно широкую критику, поскольку названная теория часто понималась в смысле допустимости нарушения конституции со стороны законодательных органов, хотя это и нельзя назвать ее корректной интерпретацией⁵⁶. Вместе с тем основная проблема критиков теории Кельзена заключалась в том, что они не предлагали никакого ясного ответа на изначальный вопрос⁵⁷: как возможны действительные, но при этом неконституционные законы? В указанном отношении критика альтернативного уполномочивания со стороны Булыгина выгодно отличалась от подходов иных исследователей.

Концепция альтернативного уполномочивания, по мнению аргентинского правоведа, просто абсурдна, поскольку предоставляет суду полную свободу решать, применять или не применять общие нормы права⁵⁸. Решение проблемы действия неконституционных законов, предложенное Булыгиным, основано на разграничении нескольких понятий, которые обычно подразумеваются, когда речь идет о действительности права⁵⁹, в частности понятия принадлежности к правовой системе (или

системной действительности) и понятия применимости. Принадлежность нормы к правовой системе означает, что она была создана в порядке, предусмотренном данной системой, и является ее частью (даже после отмены)⁶⁰. Применимость представляет собой предусмотренную правовой системой обязательность применения нормы в некотором случае. Применимыми могут быть нормы, как принадлежащие, так и не принадлежащие к данной нормативной системе, например нормы иностранного права (в рамках международного частного права) или нормы морали⁶¹. К числу именно таких применимых, но не принадлежащих к правовой системе норм Булыгин относит и неконституционные законы⁶². Вместе с тем представляется, что аргентинский правовед не столько предлагает новое решение проблемы, сколько смещает акцент с уполномочивающих норм на нормы, определяющие применимость. Идея, что сама правовая система (в нормах, определяющих применимость) предполагает применение неконституционных законов до момента их отмены, скорее соответствует концепции «исчисления ошибок» Кельзена, чем расходится с ней.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что теория нормативных коллизий Булыгина и Альчуррона на всех этапах ее развития находилась под заметным влиянием чистого учения о праве, с которым она полемизировала либо идеи которого развивала. Первоначальная (или гилетическая) теория во многом базировалась на представлении о созидательной роли юридической науки в развитии (упорядочении)

⁵⁵ Кельзен Г. Чистое учение о праве. С. 334–340.

⁵⁶ Kletzer C. Kelsen's Development of the Fehlerkalkül-Theory // Ratio Juris. 2005. Vol. 18. No. 1. P. 57–61; Кравевский А. А. Указ. соч. С. 130–131.

⁵⁷ Kletzer C. Op. cit. P. 49–50.

⁵⁸ Bulygin E. Cognition and Interpretation of Law // Cognition and Interpretation of Law / ed. by L. Gianformaggio, S. L. Paulson. Torino, 1995. P. 17; Булыгин Е. В. Проблема действительности по Кельзену // Нормативные системы и другие работы по философии права и логике норм. С. 353.

⁵⁹ Подробнее об экспликации понятия действительности аргентинским правоведом см.: Три царства права: действительность, действенность, легитимность. С. 535–552.

⁶⁰ Булыгин Е. В. Проблема действительности по Кельзену. С. 353.

⁶¹ Булыгин Е. В. Проблема действительности по Кельзену. С. 352–357. Ср.: Hart H. L. A. Kelsen's Doctrine of the Unity of Law // Hart H. L. A. Essays in Jurisprudence and Philosophy. Oxford: Clarendon Press, 2001. P. 309–342.

⁶² Булыгин Е. В. Проблема действительности по Кельзену. С. 353.

нормативных систем, сближаясь с кантианским представлением классической теории Кельзена о конструировании правовой системы юридическим познанием. В дальнейшем, не отказываясь от гилетического варианта своей теории, аргентинские правоведы разработали экспрессивную теорию норм, которая во многом представляла собой экспликацию идей поздней версии чистого учения о праве. Нормативные конфликты рассматриваются в ней как реально существующие

и подлежащие разрешению либо путем дерогации норм законодателем, либо путем упорядочения (иерархизации) правовой системы правоприменителями. Отдельно необходимо отметить полемику Булыгина с Кельзеном по вопросу о действительности неконституционных законов, в рамках которой аргентинский правовед предложил разделить понятия принадлежности нормы к правовой системе и ее применимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Дозволяющие нормы и нормативные системы // Булыгин Е. В. Избранные работы по теории и философии права : пер. с англ., нем., исп. / под науч. ред. М. В. Антонова, Е. Н. Лисанюк, С. И. Максимова. СПб. : Алеф-Пресс, 2016. С. 89–98.

Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы / пер. с англ. М. В. Антонова ; под ред. Е. В. Булыгина, Е. Н. Лисанюк // Нормативные системы и другие работы по философии права и логике норм / под ред. Е. Н. Лисанюк. СПб. : Издательство СПбГУ, 2013. С. 44–210.

Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Экспрессивная концепция норм // Нормативные системы и другие работы по философии права и логике норм / под ред. Е. Н. Лисанюк. СПб. : Издательство СПбГУ, 2013. С. 234–261.

Альчуррон К. Э., Макинсон Д. Иерархии правил и их логика // Нормативные системы и другие работы по философии права и логике норм / под ред. Е. Н. Лисанюк. СПб. : Издательство СПбГУ, 2013. С. 262–284.

Антонов М. В. Ганс Кельзен (1881–1973): основные вехи интеллектуального пути // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 1. С. 3–15.

Антонов М. В. Проблемы чистого учения о праве в работах Е. В. Булыгина // Как возможна логика в праве? : кол. монография / под ред. М. В. Антонова, Е. Н. Лисанюк, Е. Н. Тонкова. СПб. : Алетейя, 2021. С. 71–117.

Булыгин Е. В. Антиномия в чистом учении о праве // Булыгин Е. В. Избранные работы по теории и философии права : пер. с англ., нем., исп. / под науч. ред. М. В. Антонова, Е. Н. Лисанюк, С. И. Максимова. СПб. : Алеф-Пресс, 2016. С. 222–245.

Булыгин Е. В. Кельзен о полноте и непротиворечивости права // Булыгин Е. В. Избранные работы по теории и философии права : пер. с англ., нем., исп. / под науч. ред. М. В. Антонова, Е. Н. Лисанюк, С. И. Максимова. СПб. : Алеф-Пресс, 2016. С. 246–269.

Булыгин Е. В. Нормы и логика: Ганс Кельзен и Ота Вайнбергер об онтологии норм // Булыгин Е. В. Избранные работы по теории и философии права : пер. с англ., нем., исп. / под науч. ред. М. В. Антонова, Е. Н. Лисанюк, С. И. Максимова. СПб. : Алеф-Пресс, 2016. С. 358–376.

Булыгин Е. В. Понятие действенности // Булыгин Е. В. Избранные работы по теории и философии права : пер. с англ., нем., исп. / под науч. ред. М. В. Антонова, Е. Н. Лисанюк, С. И. Максимова. СПб. : Алеф-Пресс, 2016. С. 273–293.

Булыгин Е. В. Проблема действительности по Кельзену // Нормативные системы и другие работы по философии права и логике норм / под ред. Е. Н. Лисанюк. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2013. С. 344–357.

Вайнбергер О. Экспрессивная концепция норм — тупик для логики норм // Булыгин Е. В. Избранные работы по теории и философии права : пер. с англ., нем., исп. / под науч. ред. М. В. Антонова, Е. Н. Лисанюк, С. И. Максимова. СПб. : Алеф-Пресс, 2016. С. 327–357.

Гуастини Р. Выдающиеся аспекты «Нормативных систем» // Российский ежегодник теории права. № 3. 2010 / под ред. А. В. Полякова. СПб. : Изд. дом СПбГУ, 2011. С. 492–499.

Дидикин А. Б. Границы применения логического анализа в эпистемологии права // Как возможна логика в праве? : кол. монография / под ред. М. В. Антонова, Е. Н. Лисанюк, Е. Н. Тонкова. СПб. : Алетейя, 2021. С. 299–311.

Дидикин А. Б. Основная норма как категория мышления в неокантианской философии права Ганса Кельзена // Трансцендентальный поворот в современной философии — 7. Эпистемология, когнитив-

стика и искусственный интеллект : сборник тезисов международной научной конференции. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2022. С. 57–59.

Карнап Р. Эмпиризм, семантика и онтология // Карнап Р. Значение и необходимость: исследование по семантике и модальной логике / пер. с англ. Н. В. Воробьева. М. : ЛКИ, 2007. С. 298–320.

Касаткин С. Н. Концептуализация юридических коллизий: некоторые теоретико-методологические различия // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2025. № 1 (60). С. 52–60.

Кельзен Г. Дерогация / пер. с англ. А. А. Краевского // Кельзен Г. Очерки по философии права и морали : пер. с англ. и нем. СПб. : Алеф-Пресс, 2024. С. 241–256.

Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лезова. СПб. : Алеф-Пресс, 2015. 541 с.

Краевский А. А. Между холизмом и реализмом: две теории юридических коллизий Г. Кельзена // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 1. С. 117–134.

Куайн У. В. О. О том, что есть // Куайн У. В. О. С точки зрения логики. 9 логико-философских очерков / пер. В. А. Ладова, В. А. Суровцева. М. : Канон+, 2010. С. 21–44.

Лисанюк Е. Н. К. Альчуррон и Е. Булыгин о норме в «Нормативных системах» // Конфликтология. 2011. № 4. С. 62–74.

Остин Дж. Л. Как совершать действия при помощи слов? / пер. с англ. В. П. Руднева // Избранное. М. : Идея-Пресс, 1999. С. 13–135.

Петров А. А., Тихонравов Е. Ю. Пробелы и коллизии в праве : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2019. 80 с.

Три царства права: действительность, действенность, легитимность / Е. В. Тимошина, Н. С. Васильева, В. Е. Кондуров, А. А. Краевский ; под ред. Е. В. Тимошиной. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2023. 644 с.

Alchourrón C. E. Conflicts of Norms and the Revision of Normative Systems // Law and Philosophy. 1991. Vol. 10. No. 4. P. 413–425.

Alchourrón C. E. Systematization and Change in the Science of Law // Rechtstheorie. Beiheft 10. Vernunft und Erfahrung in Rechtsdenken der Gegenwart / herausg. von T. Eckhoff, L. M. Friedman, J. Uusitalo. Berlin : Duncker und Humblot, 1986. P. 171–184.

Bulygin E. Cognition and Interpretation of Law // Cognition and Interpretation of Law / ed. by L. Gianformaggio, S. L. Paulson. Torino, 1995. P. 11–35.

Bulygin E. Legal Dogmatics and the Systematization of Law // Rechtstheorie. Beiheft 10. Vernunft und Erfahrung in Rechtsdenken der Gegenwart / herausg. von T. Eckhoff, L. M. Friedman, J. Uusitalo. Berlin : Duncker und Humblot, 1986. P. 193–210.

Carnap R. Logical Syntax of Language / transl. by A. Smeaton. London : Routledge, 2001. 352 p.

Hart H. L. A. Kelsen's Doctrine of the Unity of Law // Hart H. L. A. Essays in Jurisprudence and Philosophy. Oxford : Clarendon Press, 2001. P. 309–342.

Kletzer C. Kelsen's Development of the Fehlerkalkül-Theory // Ratio Juris. 2005. Vol. 18. No. 1. P. 46–63.

Ross A. On Law and Justice / transl. by U. Bindreiter ; ed. by J. v. H. Holtermann. Oxford : Oxford University Press, 2019. 566 p.

Tarski A. Logic, Semantics, Metamathematics. Papers from 1923 to 1938 / transl. by J. H. Woodger. 2nd ed. Indianapolis : Hackett Publishing Company, 1983. 506 p.

REFERENCES

Alchourrón CE, Bulygin EV. Permissive norms and regulatory systems. In: Bulygin EV. Selected works on the theory and philosophy of law. Transl. from English, German, Spanish. Antonov MV, Lisanyuk EN, Maksimov SI, (eds.). St. Petersburg: Alef-Press; 2016. P. 89–98. (In Russ.).

Alchourrón CE, Bulygin EV. Regulatory systems. Transl. from English by Antonov MV. Bulygin, Lisanyuk EN, (eds.). In: Lisanyuk EN, (ed.). Normative systems and other works on the philosophy of law and the logic of norms. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House; 2013. P. 44–52. (In Russ.).

Alchourrón CE, Bulygin EV. The expressive concept of norms. In: Lisanyuk EN, (ed.). Normative systems and other works on the philosophy of law and the logic of norms. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House; 2013. P. 234–261. (In Russ.).

Alchourrón CE, Makinson D. Hierarchies of rules and their logic. In: Lisanyuk EN, (ed.). Normative systems and other works on the philosophy of law and the logic of norms. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House; 2013. P. 262–284. (In Russ.).

Alchourrón CE. Conflicts of Norms and the Revision of Normative Systems. *Law and Philosophy*. 1991;10(4):413–425. (In Russ.).

Alchourrón CE. Systematization and Change in the Science of Law. In: Eckhoff T, Friedman LM, Uusitalo J, (eds.). *Rechtstheorie. Beiheft 10. Vernunft und Erfahrung in Rechtsdenken der Gegenwart*. Herausg. Berlin: Duncker und Humblot; 1986. P. 171–184.

Antonov MV. Hans Kelsen (1881–1973): The main milestones of the intellectual path. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]*. 2013;1:3–15. (In Russ.).

Antonov MV. Problems of the pure doctrine of law in the works by E.V. Bulygin. In: Antonov MV, Lisanyuk EN, Tonkov EN, (eds.). How is logic possible in law? A monograph. St. Petersburg: Aleteya Publ.; 2021. P. 71–117. (In Russ.).

Austin JL. How to perform actions using words? Transl. from English by Rudnev VP. Selected works. Moscow: Idea-Press; 1999. P. 13–135. (In Russ.).

Bulygin E. Cognition and Interpretation of Law. In: Gianformaggio L, Paulson SL, (eds). *Cognition and Interpretation of Law*. Torino; 1995. P. 11–35.

Bulygin E. Legal Dogmatics and the Systematization of Law. In: Eckhoff T, Friedman LM, Uusitalo J, (eds.). *Rechtstheorie. Beiheft 10. Vernunft und Erfahrung in Rechtsdenken der Gegenwart*. Berlin: Duncker und Humblot; 1986. P. 193–210.

Bulygin EV. Antinomy in the pure doctrine of law. In: Bulygin EV. Selected works on the theory and philosophy of law. Transl. from English, German, Spanish. Antonov MV, Lisanyuk EN, Maksimov SI, (eds.). St. Petersburg: Alef-Press; 2016. P. 222–245. (In Russ.).

Bulygin EV. Kelsen on the completeness and consistency of law. In: Bulygin EV. Selected works on the theory and philosophy of law. Transl. from English, German, Spanish. Antonov MV, Lisanyuk EN, Maksimov SI, (eds.). St. Petersburg: Alef-Press; 2016. P. 246–269. (In Russ.).

Bulygin EV. Norms and logic: Hans Kelsen and Ota Weinberger on the ontology of norms. In: Bulygin EV. Selected works on the theory and philosophy of law. Transl. from English, German, Spanish. Antonov MV, Lisanyuk EN, Maksimov SI, (eds.). St. Petersburg: Alef-Press; 2016. P. 358–376. (In Russ.).

Bulygin EV. The concept of effectiveness. In: Bulygin EV. Selected works on the theory and philosophy of law. Transl. from English, German, Spanish. Antonov MV, Lisanyuk EN, Maksimov SI, (eds.). St. Petersburg: Alef-Press; 2016. P. 273–293. (In Russ.).

Bulygin EV. The Kelsen problem of reality. Normative systems and other works on the philosophy of law and the logic of norms. Lisanyuk EN, (ed.). St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House; 2013. P. 344–357. (In Russ.).

Carnap R. Empiricism, semantics and ontology. In: Carnap R. *Meaning and Necessity: A study in semantics and modal logic*. Transl. from English by Vorobyov NV. Moscow: LKI Publ.; 2007. P. 298–320. (In Russ.).

Carnap R. *Logical Syntax of Language*. Transl. by Smeaton A. London: Routledge; 2001.

Didikin AB. The basic norm as a category of thinking in Hans Kelsen's Neo-Kantian Philosophy of Law. In: *A Transcendental Turn in Modern Philosophy — 7. Epistemology, cognitive science and artificial intelligence*. A collection of abstracts of papers to an international scientific conference. Moscow: Russian State University of Humanities; 2022. P. 57–59. (In Russ.).

Didikin AB. The limits of the application of logical analysis in the epistemology of law. In: Antonov MV, Lisanyuk EN, Tonkov EN, (eds.). How is logic possible in law? A monograph. St. Petersburg: Aleteya Publ.; 2021. P. 299–311. (In Russ.).

Guastini R. Outstanding aspects of «Normative systems». In: Polyakov AV. *Russian Yearbook of the Theory of Law*. 2010;3. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University; 2011. P. 492–499. (In Russ.).

Hart HLA. *Kelsen's Doctrine of the Unity of Law. Essays in Jurisprudence and Philosophy*. Oxford: Clarendon Press; 2001. P. 309–342.

Kasatkin SN. Conceptualization of legal conflicts: Some theoretical and methodological differences. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo» [Proceedings of Voronezh State University. The Law Series]*. 2025;1(60):52–60. (In Russ.).

Kelsen H. Derogation. Translated from English by Kraevsky AA. In: *Essays on the Philosophy of Law and Morality*. Transl. from English and German. St. Petersburg: Alef-Press; 2024. P. 241–256. (In Russ.).

Kelsen H. The pure doctrine of law. 2nd ed. Transl. from German by Antonov MV, Lezov SV. St. Petersburg: Alef-Press; 2015. (In Russ.).

Kletzer C. Kelsen's Development of the Fehlerkalkül-Theory. *Ratio Juris*. 2005;18(1):46-63.

Kraevsky AA. Between Holism and Realism: Two theories of H. Kelsen's legal conflicts. *RUDN Journal of Law*. 2025;29(1):117-134. (In Russ.).

Lisanyuk EN. C. Alchourrón and E. Bulygin on the norm in «Normative systems». *Konfliktologiya*. 2011;4:62-74. (In Russ.).

Petrov AV, Tikhonravov EYu. Gaps and conflicts in law. A study guide. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Prospekt Publ.; 2019. (In Russ.).

Quine WvO. On what there is. In: Quine WvO. From a logical point of view. 9 logico-philosophical essays. Transl. by Ladov VA, Surovtsev VA. P. 21–44. (In Russ.).

Ross A. On Law and Justice. Transl. by Bindreiter U; Holtermann JvH, (ed.). Oxford: Oxford University Press; 2019.

Tarski A. Logic, Semantics, Methamathematics. Papers from 1923 to 1938. Transl. by Woodger JH. 2nd ed. Indianapolis: Hackett Publishing Company; 1983.

Timoshina EV, Vasilyeva NS, Kondurov VE, Kraevsky AA. The three realms of law: Validity, effectiveness, and legitimacy. Timoshina EV, (ed.). St.Petersburg: Publishing House of the Saint-Petersburg University; 2023. (In Russ.).

Weinberger O. The expressive concept of norms is a dead end for the logic of norms. In: Bulygin EV. Selected works on the theory and philosophy of law. Transl. from English, German, Spanish. Antonov MV, Lisanyuk EN, Maksimov SI, (eds.). St. Petersburg: Alef-Press; 2016. P. 327–357. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Краевский Арсений Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, приглашенный исследователь Самарского государственного экономического университета
д. 7–9, Университетская наб., г. Санкт-Петербург 199034, Российская Федерация
a.krajewski@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Arseniy A. Kraevsky, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg State University, Visiting Researcher, Samara State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation
a.krajewski@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 25 мая 2025 г.

Статья получена после рецензирования 11 июня 2025 г.

Принята к печати 15 августа 2026 г.

Received 25.05.2025.

Revised 11.06.2025.

Accepted 15.08.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.238.9.119-129

О. А. Рузакова

Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

Участие технологических холдингов и исследовательских консорциумов в экосистеме технологического развития

Резюме. Технологический суверенитет Российской Федерации — одна из важнейших задач в условиях антисанкционной политики в ответ на экономические действия недружественных стран. Обеспечению технологического суверенитета страны во многом препятствует разрыв между наукой и производством. Для решения названных проблем Концепцией технологического развития на период до 2030 г. предлагается образование экосистем технологического развития, субъектами которых выступают технологические холдинги, исследовательские консорциумы как новые субъекты правоотношений по созданию и использованию высокотехнологичной продукции, содержащей результаты интеллектуальной деятельности. В статье рассматриваются особенности формирования экосистемы технологического развития и ее субъектов с учетом действующего гражданско-правового регулирования, предпринята попытка построения системы субъектного состава названной экосистемы и определения значения технологических холдингов и исследовательских консорциумов и их правового статуса.

Ключевые слова: экосистема технологического развития; технологические холдинги; исследовательские консорциумы; результаты интеллектуальной деятельности

Для цитирования: Рузакова О. А. Участие технологических холдингов и исследовательских консорциумов в экосистеме технологического развития. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 9. С. 119–129. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.238.9.119-129

Благодарности. Выполнено в рамках НИР госзадания на 2025 г. 5.4-2025-1 «Совершенствование правового регулирования гражданско-правовых отношений с участием новых субъектов экосистемы технологического развития».

Technology Holdings and Research Consortia as Participants in the Technology Development Ecosystem

Olga A. Ruzakova

MGIMO University

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

Moscow, Russian Federation

Abstract. Technological sovereignty of the Russian Federation is one of the most important objectives under the anti-sanctions policy implemented in response to the economic actions of unfriendly countries. The achievement of the country's technological sovereignty is largely hindered by the gap between science and production. To address these problems, the Concept for Technological Development for the period up to 2030 proposes the creation of technology development ecosystems. The subjects of these ecosystems are technology holdings and research consortia as new participants in legal relations concerning the creation and use of high-tech products including intellectual products. The paper analyses how a technology development ecosystem and its participants are shaped under the existing civil law framework. It seeks to map the ecosystem's subject structure and to clarify the role and legal standing of technology holdings and research consortia.

Keywords: ecosystem of technological development; technology holdings; research consortia; intellectual product

Cite as: Ruzakova OA. Technology Holdings and Research Consortia as Participants in the Technology Development Ecosystem. *Lex russica*. 2026;79(9):119-129. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.238.9.119-129

Acknowledgements. The work was carried out as part of the research project under the state assignment for 2025, No. 5.4-2025-1: «Improving the legal regulation of civil-law relations involving new subjects of the technology development ecosystem».

Введение

В технологическом развитии Российская Федерация прошла несколько этапов: от передового уровня науки и технологий в мире к началу 1990-х гг., периода либерализации российской экономики конца XX в. с дезинтеграцией, полным развалом и буквально выживанием научно-технологической системы после распада СССР, встраивания в глобальное научное пространство, создания производственно-технологических цепочек начала XXI в. и до сегодняшних дней с приоритетом целей технологического суверенитета, независимости от зарубежных производств и технологий в условиях антисанкционной политики. Современный этап технологического развития характеризуется определенной трансформацией экономических и правовых моделей взаимодействия между

участниками инновационных процессов, на которые влияют процессы цифровизации, искусственный интеллект, робототехника и др., что имеет безусловное значение для развития экосистем технологического развития (ЭТР), а также их участников — новых форм как юридических лиц, так и их объединений.

В соответствии с Указом Президента РФ от 01.12.2016 № 642¹, а в последующем Указом Президента РФ от 28.02.2024 № 145² была принята Национальная технологическая инициатива (НТИ), которая представляет собой долгосрочную программу, разработанную федеральными органами исполнительной власти, по обеспечению лидерства российских предприятий на высокотехнологических рынках к 2035 г. За восемь лет действия НТИ в данном направлении «инициировано и принято более 40 нормативных правовых актов федерального

¹ Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 49. Ст. 6887.

² Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 10. Ст. 1373.

уровня, подготовлено более 50 новых технологических продуктов»³.

В настоящее время программа НТИ перезапущена с учетом новых подходов к формированию ЭТР. В соответствии с распоряжением Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р⁴ работа по решению поставленных задач предполагает следующие основные направления деятельности:

1) сокращение разрыва между наукой и производством в рамках крупных инновационных проектов с госучастием;

2) вовлечение бизнеса в инновации за счет финансового стимулирования и дерегулирования;

3) реализацию «мегапроектов» по производству высокотехнологичной продукции с господдержкой не только конечного выпуска, но и технологического цикла.

В части первого и второго направлений, которые, безусловно, взаимосвязаны, предполагается формирование ЭТР с соответствующим субъектным составом, объединением научных ресурсов, заинтересованного бизнеса и государства в целях развития и укрепления технологического суверенитета за счет развития и внедрения новых технологий, достижения международного уровня инновационного развития. Для этих целей необходимы научная база и формирование правовой основы для определения ЭТР и правового положения ее участников, в частности таких новых субъектов, как технологические холдинги и исследовательские консорциумы, определенные в Концепции технологического развития на период до 2030 г. в качестве форм инновационной кооперации наряду с кластерами и другими моделями хозяйственной деятельности.

В соответствии с Концепцией технологического развития ЭТР представляет собой «совокупность взаимосвязанных субъектов экономической и научно-образовательной дея-

тельности, которые взаимодействуют на основе сетевых принципов, разрабатывают с использованием общего набора технологий, знаний или навыков совместно и на конкурентной основе инновационные продукты и сервисы, существенно влияющие на развитие экономики, радикально меняя существующие рынки или способствуя формированию новых рынков».

Экосистема как способ взаимодействия институциональных субъектов, бизнеса, инвесторов, когда бизнес должен ставить задачи перед вузами, НИИ, а они, в свою очередь, должны их эффективно решать, известна достаточно давно, и есть уже определенный положительный опыт построения подобного рода ЭТР в регионах: Москве, Санкт-Петербурге, Татарстане и др. Например, Технопарк Санкт-Петербурга представляет собой такую инновационную экосистему, которая охватывает ряд следующих организаций: бизнес-инкубатор «Ингрия», Центр прототипирования, Центр кластерного развития и региональные инжиниринговые центры в сферах радиоэлектроники, синтеза фармацевтических субстанций, информационной безопасности и ИТ, а также высшие учебные организации, партнеров, резидентов кластеров⁵.

В качестве квалифицирующих признаков ЭТР можно назвать своего рода инновационную кооперацию, а именно объединение различных субъектов гражданских правоотношений, публично-правовых образований, а также правовых, экономических, иных механизмов с целью вывода экономики страны на новый уровень технологического развития, в основе которого лежат создание и коммерциализация объектов интеллектуальных прав, прежде всего патентного права, программ для ЭВМ, секретов производства (ноу-хау). Кроме того, определенное значение могут иметь объекты авторских прав, базы данных, селекционные достижения, топологии интегральных микросхем. Для ЭТР

³ Овчинникова А. В., Тополева Т. Н. Барьеры становления экосистемы технологического предпринимательства в России // *Управленческие науки*. 2023. Т. 13. № 3. С. 71–85.

Так, в их числе сверхвысокочастотный модулятор для компонентов 6G-систем; энергосистема для умного управления энергопотреблением; платформа ГЛОНАСС для сбора больших данных автодорожных сетей; процессор для изучения нейронных сетей; гибридные беспилотные системы для работы в экстремальных климатических условиях; первый российский электромобиль, созданный на основе технологии цифровых двойников; проект цифровизации сельского хозяйства «АгроНТИ» и др.

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» // *СЗ РФ*. 2023. № 22. Ст. 3964.

⁵ Технопарк Санкт-Петербурга : официальный сайт. URL: <https://spbtech.ru/tekhnopark-sankt-peterburga> (дата обращения: 14.07.2025).

характерна общая интеллектуальная база — единая система государственной регистрации объектов интеллектуальных прав, поддержки и консультирования при создании объектов, оформлении прав, распоряжении исключительными правами (лицензионные договоры и др.). Такое объединение должно выводить процесс создания и коммерциализации вышеназванных объектов на новый уровень, упрощать и обеспечивать эффективность указанных процессов.

Таким образом, основным квалифицирующим признаком ЭТР с точки зрения гражданского права является объединение различных субъектов гражданских правоотношений в целях создания, использования и распоряжения исключительными правами на такие результаты интеллектуальной деятельности (РИД) в рамках единого инновационного цикла, но с распределением функций между различными участниками сообщества, которые позволяют обеспечить создание высокотехнологичной продукции и, соответственно, технологическую независимость РФ от зарубежных стран.

Под единым инновационным циклом следует понимать процесс от создания РИД до получения дохода от его использования. При этом категории «инновации»⁶, «инновационный продукт» не совсем, на наш взгляд, уместны, поскольку те новые знания, которые имеют значение с точки зрения их охраны, коммерческой ценности, определены в ГК РФ в качестве РИД и средств индивидуализации.

Основная часть

Обращаясь к вопросу о правовой природе субъектов ЭТР, Концепция технологического развития под новыми субъектами технологического развития понимает объединения, в том числе технологические холдинги, исследовательские консорциумы, включающие образовательную, исследовательскую, конструкторскую, производственную базу.

В настоящее время существуют разные подходы к определению участников экосистем, их

правового положения, начиная от изучения и проработки основной составляющей экосистемы, руководящего звена, привлекающего в свою экосистему других участников, создания стартапов, что в итоге позволяет расширить ее составляющие, помочь в развитии как их собственных проектов, так и инновационного потенциала. Практическая применимость технологических холдингов и исследовательских консорциумов, названных в качестве новых организационно-правовых форм, предположительно должна позволить решить комплексно проблему вывода на рынок, коммерциализации новых передовых технологий, обеспечения эффективной защиты интеллектуальных прав российских разработчиков. В числе преимуществ новых организационно-правовых форм объединение стартапов с их исследовательской базой для создания высокотехнологической продукции, снижение рисков и оптимизация структуры управления, единая система регистрации объектов интеллектуальных прав, обеспечения механизма фиксации интеллектуальных прав и распоряжения ими.

Так, экономисты в числе субъектов ЭТР выделяют:

- венчурных инвесторов;
- технологические платформы;
- платформы краудфандинга и краудинвестинга;
- сетевые кластеры конвергентных технологий.

В центр такой экосистемы ставят «воспроизводство человеческого капитала, с его экономическими механизмами, производственно-финансовыми, институциональными и интеллектуальными условиями...»⁷.

Впрочем, такой подход не разграничивает субъектный состав экосистемы технологического развития и технологии, обеспечивающие функционирование экосистемы. Так, вышеназванные технологические платформы, платформы краудфандинга и краудинвестинга дают возможность привлечения денежных средств в проекты, но назвать их субъектами экосистемы однозначно нельзя.

⁶ Статья 2 Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» определяет инновации как введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услугу) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях.

⁷ Эйваз А. Г., Гасанов М. А., Жиронкин С. А., Жиронкин В. С. Экосистема структурно-технологического развития экономики в условиях санкционных ограничений // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2024. № 4 (234). С. 9–20.

Большое значение в определении субъектного состава ЭТР имеет Федеральный закон от 28.12.2024 № 523-ФЗ⁸, в соответствии со ст. 6 которого субъекты подразделяются на лиц, осуществляющих формирование технологической политики, и лиц, осуществляющих содействие развитию технологий. К первым относятся субъекты публичного права (Президент РФ, Федеральное Собрание РФ и др., а также Российская академия наук).

Ко второй категории — лицам, осуществляющим содействие развитию технологий, — отнесены:

- 1) агенты развития технологий;
- 2) организации с государственным участием в рамках осуществления функций, предусмотренных данным Федеральным законом, другими федеральными законами, актами Правительства РФ, иными правовыми актами;
- 3) кредитные организации и юридические лица, осуществляющие финансирование проекта развития технологий, некоммерческие организации и товарищества, созданные в целях совместной инвестиционной деятельности на основании договора инвестиционного товарищества, биржи, инвестиционные платформы, созданные в соответствии с законодательством Российской Федерации;
- 4) юридические лица и индивидуальные предприниматели, оказывающие услуги по правовой охране и защите прав на РИД, которые предназначены для создания и (или) внедрения технологий либо входят в их состав;
- 5) физические и юридические лица, осуществляющие содействие развитию технологий путем предоставления инвестиций;
- 6) разработчики технологий и производители высокотехнологичной продукции;
- 7) покупатели (заказчики) высокотехнологичной продукции, в том числе квалифицированные заказчики;
- 8) образовательные организации высшего образования, научные организации и центры трансфера технологий, оказывающие содействие введению в гражданский оборот РИД образовательных организаций высшего образования и научных организаций. В данном случае имеются в виду, видимо, те образовательные и научные организации, работники которых создают РИД.

Центры трансфера технологий определены в Концепции технологического развития как структурные подразделения образовательных организаций высшего образования и научных организаций, а также организации, которые осуществляют коммерциализацию РИД и вовлечение исследователей в решение технологических задач компаний и корпораций и (или) оказывают содействие в указанном процессе, а также привлекают организации реального сектора экономики в качестве заказчиков и партнеров к реализации НИОКТР. Представляется, что квалифицирующим признаком центра трансфера технологии независимо от организационно-правовой формы является посредническая деятельность, в том числе на основании договоров агентирования, поручения, комиссии или доверительного управления (как и у технологического брокера), в целях заключения лицензионных договоров в интересах правообладателя, совершения юридических и фактических действий (в зависимости от конструкции договора), направленных на эффективное использование РИД, получение правообладателем дохода.

Нередко на практике с ЭТР связывают и те проекты, которые необходимы для обеспечения материально-технической базы экосистемы, инновационной инфраструктуры: технопарки, инновационные кластеры и т.п. Зачастую такие объекты можно определить с точки зрения гражданского законодательства в качестве предприятий как имущественных комплексов по ст. 132 ГК РФ. Так, под технопарком понимают комплекс зданий и сооружений, предназначенных для размещения инновационных предприятий и научных организаций, а также предоставления им различных услуг (аренда помещений, консультации, доступ к оборудованию). Необходимо избегать смешения субъектного состава правоотношений и их объектов. Например, под инновационным кластером понимают совокупность взаимосвязанных организаций, действующих в определенной сфере и сотрудничающих в целях повышения конкурентоспособности. При этом значение имеет материальная составляющая данного правового явления, приспособленная для осуществления инновационных проектов.

В целом экосистема технологического развития может быть представлена как механизм

⁸ Федеральный закон от 28.12.2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 53 (ч. I). Ст. 8533.

взаимодействия следующих субъектов гражданских правоотношений:

1) институциональных организаций (научных, образовательных и тому подобных некоммерческих организаций, имеющих возможности по созданию РИД, а также по предоставлению условий (основных, оборотных средств — лабораторий, оборудования, материалов и т.п.) для создания РИД другими лицами, например стартапами). Их основное назначение в ЭТР — обеспечить цикл создания РИД. Основной фигурой при этом выступают прежде всего авторы — физические лица (создатели РИД). Авторы могут быть сотрудниками образовательных, научных организаций, и тогда создаваемый объект, как правило, попадает в режим служебного объекта (ст. 1295, 1370 и др. ГК РФ), соответственно, правообладателем становится работодатель. Они могут быть привлеченными разработчиками, с которыми должны быть заключены гражданско-правовые договоры, на основе которых исключительное право на создаваемый объект перейдет заказчику. При этом исключительные права как на РИД, создаваемые по договорам государственного или муниципального заказа, так и на служебные объекты принадлежат не публично-правовому образованию, а юридическому лицу (исключение составляют объекты, которые создаются для целей обеспечения обороны, безопасности страны, и некоторые другие, предусмотренные в п. 3, 4 ст. 1240.1 ГК РФ). Проблемы, как правило, возникают в связи со специальной правоспособностью некоммерческих организаций и не всегда оперативным и эффективным управлением интеллектуальной собственностью образовательными и научными учреждениями. Кроме того, учреждения могут создавать хозяйственные общества, хозяйственные партнерства и вносить вклады в их уставные капиталы в виде исключительных прав на РИД.

Научные организации могут создавать малые инновационные предприятия (далее — малые иннопредприятия) как хозяйственные общества, деятельность которых заключается в практическом применении (внедрении) РИД, исключительные права на которые принадлежат учредителям (участникам) таких хозяйственных обществ — научным организациям или

образовательным учреждениям высшего образования.

Участие таких малых иннопредприятий в ЭТР может иметь, безусловно, большое значение, но в настоящее время учреждения не имеют достаточных экономических механизмов заинтересованности в их создании, зачастую для учреждений важно лишь создать РИД и приобрести права, без интереса в дальнейшем использовании;

2) бизнеса (коммерческих организаций, заинтересованных в использовании результатов интеллектуальной деятельности). Коммерческие организации могут быть созданы в любой организационно-правовой форме. В рамках этой группы отдельного внимания заслуживают стартапы, которые не имеют какой-либо особой организационно-правовой формы, хотя такая форма, как хозяйственное партнерство, в свое время предназначалась приоритетно для таких организаций. Стартапы — это вновь созданные юридические лица, которые отличаются от других видов субъектов предпринимательской деятельности высокой скоростью развития и высокими рисками.

Крупные корпорации являются важным элементом современного бизнеса, заинтересованного в использовании новых технологий и, соответственно, увеличении прибыли. Так, Яндекс, Сбербанк, Ростех активно занимаются разработкой результатов интеллектуальной деятельности и заинтересованы в приобретении, надлежащем оформлении прав на них, а также в их использовании.

В числе участников бизнеса можно выделить, как было отмечено ранее, малые иннопредприятия со следующими квалифицирующими признаками:

- организационно-правовая форма — ООО, АО или хозяйственное партнерство;
- учредителями выступают учреждения;
- при создании таких юридических лиц необходимо уведомление Минобрнауки России в соответствии с п. 1 ст. 103 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании», приказом Минобрнауки России от 24.01.2014 № 43⁹;
- имущественная составляющая — вклад учреждения в виде исключительных прав на РИД, на использование РИД (предоставление

⁹ Приказ Минобрнауки от 24.01.2014 № 43 «Об организации в Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации работы по учету уведомлений о создании хозяйственных обществ и хозяйственных партнерств».

права в соответствии с конструкцией лицензионного договора);

— вид деятельности — коммерциализация РИД (создание продукции, выполнение работ, оказание услуг с использованием РИД);

— использование конструкции «малое предприятие» (налоговый, бухгалтерский режимы, трудовые отношения и т.п.)¹⁰.

Проблемы в создании малых инновационных предприятий, на которые неоднократно указывалось в науке¹¹ и правоприменении, как раз и послужили одним из оснований формирования ЭТР с участием более широкого перечня организаций, заинтересованных в коммерциализации РИД;

3) инвесторов — заинтересованных в финансировании создания и использования РИД, например фонда «Сколково», предоставляющего стартапам помощь в патентовании, льготное финансирование, доступ к научным лабораториям, выход на международные рынки и т.п. Особое внимание последнее время уделяется венчурному инвестированию, венчурным организациям, квалифицирующим признаком которых является финансирование организаций, занимающихся созданием РИД, с целью коммерциализации РИД и получения дохода, связанное с рисками (потери средств, неполучения дохода и т.п.);

4) государственных структур (заинтересованных в развитии научно-технологического прогресса страны и предоставлении поддержки через финансовые и иные механизмы), а именно госкорпорации, публично-правовые образования через уполномоченные органы — Министерство финансов и др., но в большей степени финансирование программ осуществляется не непосредственно публично-правовыми образованиями, а через банки, финансовые организации, венчурные фонды с тем или иным государственным участием.

Технологические холдинги и исследовательские консорциумы выступают как разновидности форм инновационной кооперации, при

этом не являясь особыми организационно-правовыми формами юридических лиц. В Концепции технологического развития технологические холдинги определены как разновидность объединений, включающих в себя образовательную, исследовательскую, конструкторскую и производственную базу, опытные производства. В 2023 г. фондом «Сколково» была высказана идея консолидации отраслевых стартапов в технологические холдинги для преодоления фрагментации рынка и создания интегрированных решений в таких стратегически важных сферах, как кибербезопасность, беспилотные транспортные средства и многое другое, что требует не только объединения экономических ресурсов, но и юридической основы, включая корпоративное, налоговое, антимонопольное законодательство.

Если рассматривать холдинг как совокупность дочерних и основных обществ, то в основе такого подхода лежат нормы ст. 67.3 ГК РФ о влиянии основного общества на дочернее и ответственности основного юридического лица.

В рамках правовой конструкции холдинга большое значение имеют положения корпоративного права, направленные на обеспечение функционирования такого объединения юридических лиц, нормы договорного права в части как объединения усилий по созданию РИД, их коммерциализации, так и распределения прав, предоставления прав на использование РИД, внесения прав в уставные капиталы юридических лиц, а также налоговое законодательство, прежде всего в виде налоговых льгот, предоставляемых по договорам на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, льгот для российского программного обеспечения, в частности нулевой ставки налога на прибыль при реинвестировании средств в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, освобождения от НДС, снижения ставки страховых взносов до 7,6 %.

В законодательстве не дается однозначного определения холдинга и его специфики, за

¹⁰ Федеральный закон от 24.07.2007 № 209 «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 31. Ст. 4006.

¹¹ Так, О. А. Серова указывает в числе барьеров для создания и деятельности малых инновационных предприятий невосприятие профессорско-преподавательским составом таких механизмов, несформированность системы взаимодействия бизнеса и реального сектора экономики, инвестиционных структур и университетов, а также несоответствие традиционной системы организационно-правовых моделей бизнеса меняющимся условиям цифровой экономики и нового технологического уклада. См.: Серова О. А. Технологические компании как элемент предпринимательской экосистемы университетов // Гражданское право. 2022. № 1. С. 21–23.

исключением иностранной холдинговой компании и банковского холдинга в Федеральном законе от 02.12.1990 № 395-І¹².

Технологический холдинг можно определить как совокупность юридических лиц, одно из которых представляет собой основное общество (товарищество) по отношению к другим, дочерним обществам (товариществам) и выполняет функции координатора, определяя стратегию разработки РИД, распоряжение исключительными правами на РИД, созданные дочерними юридическими лицами, и распределяя финансовые ресурсы, при этом дочерние общества сохраняют определенную самостоятельность и не несут ответственности по обязательствам основного общества.

В некоторых странах, в частности в США, Китае, существует специальное регулирование, в том числе определяющее особенности создания, налоговые льготы, упрощенный порядок регистрации. Зарубежный опыт правового регулирования технологических холдингов и исследовательских консорциумов имеет определенную специфику: Китай делает упор на государственный контроль за такого рода организациями, ЕС — в большей степени на баланс льгот и прозрачность их деятельности, а США — на недопустимость нарушения норм о конкуренции.

Проблемы технологических холдингов в России состоят в том, что если результаты интеллектуальной деятельности будут оформляться на основное юридическое лицо и, соответственно, распоряжение исключительными правами также будет осуществляться им, то это может создать потенциальные риски для дочерних организаций (стартапов и др.), разработавших РИД и утративших контроль над их использованием, что не соответствует интересам разработчиков. Необходимо определить порядок оформления прав на объекты патентного права совместно как на основное юридическое лицо, так и на дочернее, создавшее соответствующий объект.

Антимонопольное законодательство также может создавать определенные ограничения для такого рода холдингов через механизм группы лиц, предусмотренный Федеральным законом «О защите конкуренции»¹³.

Научно-исследовательские консорциумы, как и технологические холдинги, представляют собой новые субъекты технологического развития, а именно научно-образовательные структуры, способные реализовывать крупномасштабные технологические проекты вплоть до разработки готовых к коммерциализации опытных образцов, основной функционал которых будет направлен на оперативное решение научно-образовательных задач путем выстраивания эффективного взаимодействия между участниками консорциума за счет объединения собственных и внешних ресурсов, перераспределения указанных задач между ними и оптимизации затрат на научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы.

Примером исследовательских консорциумов может быть консорциум «Автонет», созданный в рамках Национальной технологической инициативы и призванный консолидировать новый рынок автономного, подключенного и электрического транспорта. В состав «Автонета» входят представители автопрома, научные учреждения и организации, в том числе Яндекс, ПАО «КАМАЗ», ПАО «Ростелеком», МАДИ, Московский Политех и др.

Действующее законодательство не предусматривает ни консорциумы в качестве организационно-правовой формы юридических лиц, ни какой-либо специфики договора простого товарищества применительно к консорциумам. В научной доктрине консорциумы зачастую определяют как временное объединение юридических лиц с целью решения крупных экономических задач и реализации инвестиционных проектов, в котором каждый из участников сохраняет самостоятельность и имеет свою сферу ответственности.

В числе основных признаков исследовательских консорциумов, характерных для договора простого товарищества, можно выделить:

- множественность участников;
- объединение деловых связей, капиталов, профессиональных компетенций;
- наличие у участников общей коммерческой или некоммерческой цели;
- солидарную ответственность участников перед кредиторами;
- единую систему управления;
- временный характер.

¹² Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-І «О банках и банковской деятельности» // СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

¹³ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3434.

В настоящее время законодательство не предусматривает каких-либо временных организационно-правовых конструкций, но и не ограничивает возможность создания временных юридических лиц, в том числе акционерных обществ, объединений. В большей степени возможно заключение срочных договоров для достижения определенной цели, в том числе договоров на выполнение НИОКР, договоров простого товарищества, а также конструкций смешанных договоров.

Как представляется, оптимальной организационно-правовой формой исследовательского консорциума могло бы стать объединение юридических лиц как некоммерческая корпоративная организация, но оптимальным на сегодняшний день для оформления правового режима консорциума является договор простого товарищества. Поскольку участниками такого договора могут быть либо коммерческие, либо некоммерческие организации, необходимо внести изменения в этой части в ГК РФ и предусмотреть возможность смешанного участия, поскольку наряду с коммерческими организациями (как разработчиками, так и лицами, использующими РИД и распоряжающимися правами на них, оказывающими посреднические услуги и др.) могут выступать в качестве участников некоммерческие организации (учреждения, автономные некоммерческие организации и др.) как разработчики РИД и как лица, создающие условия для создания РИД.

Еще одной проблемой исследовательских консорциумов, построенных на основе договора простого товарищества, является возникновение режима общей долевой собственности участников. Представляется, что в части РИД режим общности (режим сообладания исключительным правом) на сегодняшний день не предусмотрен законодательством, возможны лишь варианты сопатентообладания при регистрации объектов патентного права. Принятие законопроекта о сообладании исключительным правом позволило бы решить указанные проблемы.

Выводы

Подводя итог анализу, на сегодняшний день нельзя констатировать, что сложилось единое понимание сущности ЭТР. В то же время можно предположить: ЭТР — это структурированная совокупность юридических лиц и других субъек-

тов гражданских правоотношений, объединенных в единую систему, в том числе путем цифровых механизмов, на основе общих целей создания и использования результатов интеллектуальной деятельности и других объектов интеллектуальных прав в рамках единого инновационного цикла для достижения определенных экономических результатов.

Систематизация субъектов ЭТР должна быть построена по единым квалифицирующим признакам:

1) по роли в ЭТР:

— лицо, формирующее условия для создания РИД (научные, образовательные организации);

— лица, создающие РИД, по существу, авторы (работники научных, образовательных организаций; это могут быть и работники, например, стартапов);

— правообладатели (стартапы, малые технологические компании (МТК) и др.), которые могут сами использовать РИД, а также заинтересованы в предоставлении права на использование с целью получения дохода;

— пользователи (лица, приобретающие право использования РИД по лицензионным договорам или иным основаниям и осуществляющие такое использование);

— посреднические организации, осуществляющие юридические и фактические действия по объединению участников инновационного процесса, поиску контрагентов, заключению договоров с целью создания РИД, финансированию, использованию, распоряжению исключительными правами и т.п. (центры трансфера технологий, технологические брокеры и др.);

— инвесторы, финансирующие создание и использование РИД на разных условиях с целью получения прибыли (венчурные фонды и др.);

— лица, осуществляющие публичные функции в инновационном процессе (органы государственной власти);

— лица, способствующие инновационному развитию (организации, оказывающие консультационные, информационные услуги на рынке интеллектуальной собственности);

2) по организационно-правовым формам, участию публично-правовых образований:

— организация, управляющая процессами создания РИД и распоряжения исключительными правами в системе «основная — дочерняя организации»;

— дочерние организации, осуществляющие создание РИД, их использование и т.д.;

3) по единству или множественности лиц в ЭТР:

- организации, действующие самостоятельно;

- организации, связанные участием в уставных капиталах (дочернее и основное хозяйственные общества, товарищество, в том числе малые инновационные предприятия, МТК, стартапы и др.);

- объединения как юридические лица (например, холдинги);

- объединения, основанные на договорных конструкциях (договоры простого товарищества, инвестиционные товарищества, договоры государственно-частного партнерства и др.), например консорциумы;

- сочетание в ЭТР различных форм объединений как на основе создания юридических лиц, так и на основании договорных отношений, а также отношений участия в уставном капитале и других форм участия через дочерние и основные хозяйственные общества и товарищества.

Обособление отдельных категорий участников ЭТР, например технологических холдингов, исследовательских консорциумов, и в то же время их объединение в такую систему в большинстве случаев обусловлены не спецификой участия в гражданских правоотношениях, а административными, налоговыми, финансовыми, учетными привилегиями, предоставляемыми нормами публичного права, программными документами, в связи с чем следует констатировать: изменений в ГК РФ в части новых организационно-правовых форм юридических лиц, их имущественной составляющей, системы управления, отношений корпорации и ее участников не требуется, как не требуется изменений и в часть четвертую ГК РФ, регулиющую отношения по созданию, использованию и охране РИД.

Концепция технологического развития создает некоторую правовую неопределенность в части организационно-правовой формы как холдинга, так и консорциума, называя их субъектами технологического развития, однако ни холдинг, ни консорциум не являются какой-либо особой организационно-правовой формой юридических лиц и не обладают спецификой, которая могла бы стать основанием для выделения таких организационно-правовых форм. Представляется возможным определить в федеральных законах «О науке и государственной научно-технической политике» и «О технологической политике в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законо-

дательные акты Российской Федерации» понятия «технологический холдинг» и «исследовательский консорциум» не столько для целей гражданско-правового регулирования, сколько для получения соответствующей поддержки, а именно льгот в части налогообложения и бюджетного финансирования.

Квалифицирующим признаком технологических холдингов являются централизованное управление (механизм «основное, управляющее — дочернее юридические лица») и сочетание функций по созданию РИД, их коммерциализации (использованию РИД, распоряжению правами на них), инвестиционной и производственной функций. В основе создания холдинга должны лежать договорные отношения между юридическими лицами, правовая природа которых может быть определена в качестве договора простого товарищества, однако в силу п. 2 ст. 1041 ГК РФ сторонами договора простого товарищества, заключаемого для осуществления предпринимательской деятельности, могут быть только индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации. Следует также учитывать: и некоммерческие организации могут заниматься приносящей доход деятельностью, в связи с чем не должны быть ограничены в участии в таком договоре.

Для целей эффективного использования холдинговой модели для создания результатов интеллектуальной деятельности и их коммерциализации необходимо соотнести нормы законодательства о защите конкуренции, ограничивающие образование таких монополизированных структур, и налогового законодательства, запрещающего дробление бизнеса, а также корпоративного законодательства.

Для исследовательского консорциума квалифицирующим признаком является временный характер объединения участников научной, образовательной, инвестиционной и других видов деятельности (как физических, так и юридических лиц), действующих на основании договорных отношений с целью создания результатов интеллектуальной деятельности и их коммерциализации (использования РИД, распоряжения правами на них). Режим общей долевой собственности участников договора простого товарищества не дает возможности решить вопрос о режиме общности в отношении РИД, созданных в рамках консорциума. Режим сообладания исключительным правом на сегодняшний день не предусмотрен законодательством, хотя и упоминается в части совмест-

ных прав публично-правовых образований и исполнителей по договорам государственного (муниципального) заказа. Принятие законопроекта о сообладании исключительным правом позволило бы решить указанные проблемы.

При создании консорциума возможен также вариант использования конструкции объедине-

ния юридических лиц на основе смешанного участия коммерческих и некоммерческих организаций и временного характера, что требует изменений в ГК РФ, поскольку на сегодняшний день одновременное участие в объединении некоммерческих и коммерческих лиц не допускается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Овчинникова А. В., Тополева Т. Н. Барьеры становления экосистемы технологического предпринимательства в России // Управленческие науки. 2023. Т. 13. № 3. С. 71–85.

Серова О. А. Технологические компании как элемент предпринимательской экосистемы университетов // Гражданское право. 2022. № 1. С. 21–23.

Эйваз А. Г., Гасанов М. А., Жиронкин С. А., Жиронкин В. С. Экосистема структурно-технологического развития экономики в условиях санкционных ограничений // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2024. № 4 (234). С. 9–20.

REFERENCES

Eyvaz AG, Gasanov MA, Zhironkin SA, Zhironkin VS. Ecosystem of the structural and technological development of the economy in the context of sanctions restrictions. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2024;4(234):9-20. (In Russ.).

Ovchinnikova AV, Topoleva TN. Barriers to the formation of an ecosystem of technological entrepreneurship in Russia. *Upravlencheskie nauki = Management sciences*. 2023;13(3):71-85. (In Russ.).

Serova OA. Technology companies as an element of the entrepreneurial ecosystem of universities. *Grazhdanskoe pravo [Civil Law]*. 2022;1:21-23. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рузакова Ольга Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного частного и гражданского права Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации, профессор кафедры гражданского права и процесса Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
стр. 1, д. 82, просп. Вернадского, г. Москва 119571, Российская Федерация
olalstep@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga A. Ruzakova, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Private International and Civil Law, MGIMO University, Professor, Department of Civil Law and Procedure, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation
olalstep@mail.ru

Материал поступил в редакцию 14 июля 2025 г.

Статья получена после рецензирования 19 июля 2025 г.

Принята к печати 15 августа 2026 г.

Received 14.07.2025.

Revised 19.07.2025.

Accepted 15.08.2026.

Р. Ю. Почекаев

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Чингизидское право — *ius commune* средневековой Евразии

Резюме. В статье предпринимается попытка характеристики права Монгольской империи, впоследствии действовавшего в ее улусах (которое автор предлагает условно называть чингизидским правом), как своего рода общего права (*ius commune*) средневековой Евразии. Возникнув как правовая система, регулирующая отношения в самой крупной степной империи в мировой истории, чингизидское право оставалось востребованным и после распада державы Чингисхана в государствах, которыми правили его многочисленные потомки. Источники, принципы и институты чингизидского права продолжали применяться и в государствах, считавшихся прямыми преемниками Монгольской империи или ее улусов, и в тех, которые в свое время находились в зависимости от Чингизидов, причем порой сохранялись в них даже после прихода к власти правителей, которые противопоставляли себя своим монгольским предшественникам. Автор выявляет основные государственные и правовые институты чингизидского права, которые обеспечивали единство правового пространства на территории средневековой Евразии, позволяя представителям разных государств находить точки соприкосновения, общаться на одном юридическом языке и пр. Речь идет о единых принципах правотворчества, административной и судебной практики, об использовании одних и тех же источников права, институтов в сфере управления, налогообложения и пр. Отражением статуса чингизидского права как *ius commune* на евразийском пространстве можно также считать заимствование отдельных его институтов в правовой практике государств, сохранявших собственные правовые системы даже в эпоху монгольского правления, в частности в Московской Руси.

Ключевые слова: общее право; *ius commune*; Монгольская империя; Золотая Орда; имперское законодательство; традиционное право; степные империи; ханские ярлыки; средневековая Евразия; традиционный суд и процесс; мусульманское право; право Московской Руси

Для цитирования: Почекаев Р. Ю. Чингизидское право — *ius commune* средневековой Евразии. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 9. С. 130–141. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.238.9.130-141

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00147, <https://rscf.ru/project/23-18-00147>, на базе Воронежского государственного университета.

Chinggisid Law — The *Ius Commune* of Medieval Eurasia

Roman Yu. Pochekaev

National Research University «Higher School of Economics»
St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article seeks to characterize the legal system of the Mongol Empire, which continued to operate in its successor uluses (termed here provisionally as Chinggisid law), as the *ius commune* of medieval Eurasia. Chinggisid law originated as the legal framework for the largest steppe empire in history and retained its relevance even after

the collapse of Chinggis Khan's empire, continuing to be applied in states governed by his numerous descendants. Chinggisid law's sources, principles, and institutions remained in use in both the direct successors of the Mongol Empire (or its uluses) and former vassal states. In some cases, these legal elements endured even under rulers who explicitly distanced themselves from their Mongol forebears. The author highlights the core state and legal institutions of Chinggisid law, which underpinned a unified legal space in medieval Eurasia and allowed officials from different polities to interact using a common legal framework. These included consistent principles of law-making and of administrative and judicial practice, shared legal sources, and similar institutions for governance, taxation, etc. The role of Chinggisid law as the region's *ius commune* is further evidenced by the borrowing of some of its institutions by states that retained their own legal orders under Mongol rule — notably, Muscovite Rus'.

Keywords: common law; *ius commune*; Mongol Empire; Golden Horde; imperial legislation; traditional law; steppe empires; khan's iaryks; medieval Eurasia; traditional court and process; Muslim law; law of Muscovy

Cite as: Pochekaev RYu. Chinggisid Law — The *Ius Commune* of Medieval Eurasia. *Lex russica*. 2026;79(9):130-141. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.238.9.130-141

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 23-18-00147, <https://rscf.ru/project/23-18-00147>, and carried out at Voronezh State University.

Введение

Термин «общее право» в современном мире чаще всего ассоциируется с системой права Англии, основанного на многочисленных судебных прецедентах различного происхождения. Второе, менее распространенное, но также достаточно часто используемое значение этого термина — «римский закон», т.е. римское право, начиная с эпохи раннего Средневековья востребованное в праве европейских стран и народов¹. Римское право имело субсидиарный характер по отношению к собственному праву европейских стран, регионов и народов. При этом наиболее важной, на наш взгляд, его характеристикой является именно его интеграционная функция, позволяющая представителям разных государств и народов (правителям и частным лицам) находить точки соприкосновения и эффективно взаимодействовать в правовой сфере.

Именно в таком значении мы намерены рассмотреть систему права Монгольской империи, которая в дальнейшем получила распространение в ее улусах, т.е. государствах, которые после монгольских завоеваний попали под власть потомков Чингисхана. Мы предлагаем эту совокупность источников, правовых институтов, принципов и норм монгольского имперского права условно назвать «чингизидское право». Ни в коей мере не пытаюсь ставить указанное право на одну доску с римским по степени развития, значению и продолжительности применения, мы тем не менее полагаем,

что оно сыграло сходную роль на евразийском пространстве в эпоху Средневековья и даже до некоторой степени Нового времени. Соответственно, целью данной статьи является выявление общих тенденций и приведение конкретных примеров применения чингизидского права в качестве *ius commune* в большинстве государств и регионов средневековой Евразии.

Целесообразно отметить: несмотря на то что правовые аспекты истории Монгольской империи и государств — ее наследников достаточно широко изучаются специалистами в течение длительного времени, среди исследований по данной тематике практически отсутствуют работы правоведов. Таким образом, актуальность настоящего исследования состоит среди прочего и в исследовании феномена чингизидского права как *ius commune* средневековой Евразии в историко-правовом аспекте, в том числе с использованием соответствующих методов исследования — формально-юридического, сравнительно-правового и др.

Чингизидское право на евразийском пространстве

Казалось бы, основной предпосылкой для становления чингизидского права в качестве единой правовой системы в Евразии могли стать политические и военные события первой половины XIII в. — собственно монгольские завоевания, в результате которых возникала Монгольская империя на обширном пространстве

¹ См., например: Аннерс Э. История европейского права : пер. со швед. М. : Наука, 1994. С. 175–178.

от Дальнего Востока до Центральной Европы и Ближнего Востока. По определению монгольское имперское право должно было признаваться в качестве системы норм, обладавших высшей юридической силой, а право покоренных народов (обычное, религиозное и пр.) не должно было противоречить этим нормам.

Впрочем, вряд ли чингизидское право сумело бы на практике приобрести статус общего права без эффективного применения его норм на практике, тем более что Монгольская империя как единое централизованное государство прекратила свое существование в 1260-х гг., а ее отдельные улусы, приобретая фактическую самостоятельность, пошли собственными путями развития, в том числе и в правовом отношении, с учетом своих региональных особенностей и международных связей. Однако имперское единство формально сохранялось еще как минимум в течение столетия после фактического распада империи². И именно чингизидское право в значительной степени способствовало его поддержанию, поскольку, испытав политический распад, улусы Чингизидов, а также и вассальные государства сохранили и продолжали применять одни и те же источники, принципы и нормы права.

Безусловно, не приходится говорить о полной идентичности правовых систем (и в более широком смысле — правовых культур) таких государств, как империя Юань в Китае, Золотая Орда, монгольский Иран и Чагатайский улус в Средней Азии. Однако основные институты государственности и права в них были одними и теми же, и это обеспечило те же самые точки соприкосновения между ними, какие обеспечивало римское право в качестве *ius commune* в средневековой Европе.

Прежде чем приступить к анализу содержательной части чингизидского права в качестве общего права средневековой Евразии, необходимо формально определить круг его источников.

В первую очередь это были установления и распоряжения Чингисхана, которые оглашались на разных этапах его правления и при разных обстоятельствах. Впоследствии преемники основателя Монгольской империи объявили совокупность его указов Великой Ясой, т.е. базовым источником права, на котором должно было основываться все последующее имперское законодательство. Многолетнее (и при этом ошибочное) представление о Великой Ясе как о всеобъемлющем «своде законов Чингисхана», якобы записанном и постоянно использовавшемся его потомками, было убедительно, на наш взгляд, опровергнуто рядом исследователей второй половины XX — начала XXI в.³ Анализ сведений о Ясе Чингисхана позволяет сделать вывод, что самим его потомкам было невыгодно фиксировать какие-либо его нормы. Гораздо полезнее для них было позиционировать себя как знатоков Ясы и под предлогом ее толкования вводить в действие новые нормы, актуальные здесь и сейчас, а не во времена Чингисхана.

В результате со временем Великая Яса приобретала все более абстрактный характер; к концу XIII — началу XIV в. потомки Чингисхана даже перестали себя утруждать изобретением новых правовых положений, которые можно было бы выдать за волеизъявления основателя Монгольской империи. Правители чингизидских государств, издавая свои ярлыки, просто подчеркивали, что они базируются на Ясе, и поэтому их надо соблюдать⁴. Таким образом, именно ханские ярлыки в улусах Монгольской империи стали основным источником чингизидского права. А правовые акты региональных наместников и судебная практика не должны были противоречить ханским ярлыкам, коль скоро они базировались на Ясе Чингисхана.

Собственно такой подход и способствовал появлению феномена «чингизизма», который советский исследователь В. П. Юдин характеризовал как «новую религию монголов»⁵. Однако, как представляется, это в гораздо большей сте-

² См. подробнее: Почекаев Р. Ю. Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки). М. : Юрлитинформ, 2015. С. 10–19.

³ См., в частности: Morgan D. O. The «Great Yasa of Chingis Khan» and Mongol Law in the Ilkhanate // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1986. Vol. XLIX. No. 1. P. 163–176.

⁴ См., например: Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю. О статусе судей в Монгольской империи и ее улусах в XIII–XIV вв.: опыт междисциплинарного исследования // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2024. № 90. С. 87.

⁵ Юдин В. П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / факсимиле, пер., транскр., текстол. прим., исслед. В. П. Юдина ; коммент. и указ. М. Х. Абусеитовой. Алма-Ата : Гылым, 1992. С. 16.

пени была политическая и правовая идеология, в основе которой лежали почитание духа Чингисхана, следование Ясе и ряд других принципов и положений, которые мы и проанализируем далее.

Первый и, пожалуй, самый главный компонент «чингизизма» и, так сказать, государственного чингизидского права представлял собой монополию рода Чингисхана на власть. Он распространялся на весь *Rax Mongolica*, т.е. Монгольскую империю и ее улусы, и состоял из двух основных постулатов:

- только прямые потомки Чингисхана по мужской линии обладали правом на верховную власть и ханский титул;

- они имели право занимать престол в любом государстве, возникшем на пространстве бывшей Монгольской империи⁶.

Известны многочисленные примеры, отражающие действие данного принципа на практике.

Так, на троне Золотой Орды за время ее существования побывали представители как минимум пяти ветвей рода Джучи, старшего сына Чингисхана и формального основателя этого государства, происходивших от пяти его разных сыновей; особенно ожесточенное соперничество названных ветвей проявилось во время гражданской войны, которую русские летописцы образно называли «Замятней великой»⁷. На троне Казанского ханства — одного из государств-преемников Золотой Орды — за менее чем 100 лет его существования побывали представители нескольких ветвей Джучидов: потомки первого казанского хана Улуг-Мухаммада, а также выходцы из Астраханского, Крымского и Сибирского ханств⁸.

Но мы говорим об одном государстве и, в принципе, разных ветвях одной династии, тогда как имели место примеры и более радикального применения данного принципа.

Так, потомки Джучи, т.е. выходцы из Золотой Орды, в начале XVI в. завоевали Среднюю Азию, которая официально принадлежала потомкам Чагатая (второго сына Чингисхана), и основали в ней два ханства — Бухарское и Хивинское, которые просуществовали до начала XX в.⁹ В XVIII в. на трон Хивинского ханства претендовала еще одна ветвь потомков ханов Золотой Орды — казахские Туга-Тимуриды¹⁰.

Но, пожалуй, самый яркий и вместе с тем несколько экзотический пример действия принципа монополии Чингизидов на власть — это судьба потомков Угедэя (третьего сына Чингисхана). Сам он стал первым преемником своего отца на троне Монгольской империи, но уже в середине XIII в. другие ветви рода Чингизидов официально лишили его потомков права на ханскую власть, оставив им лишь небольшой удел на Памире, большей части которого они, впрочем, тоже лишились уже в начале XIV в. в результате междоусобиц потомков Чингисхана. Однако именно «безудельные» потомки Угедэя в XIV в. становились претендентами на трон монгольского Ирана (официально принадлежавшего потомкам Тулуя — четвертого сына Чингисхана), Чагатайского улуса, а в начале XV в. — и Монгольского ханства (официально являвшегося также владением потомков Тулуя)!¹¹

Уже приведенные примеры позволяют говорить об общем характере рассматриваемого принципа на пространстве средневековой Евразии. И поскольку всё это пространство принад-

⁶ См. подробнее: Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. СПб. : Евразия, 2017. С. 65–66, 105–111.

⁷ Гаев А. Г. Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. М. : Нумизматическая литература, 2002. Т. 3. С. 17–26.

⁸ Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций : Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. М. : Инсан, 1996. С. 539–621.

⁹ Семенов А. А. Шейбани-хан и завоевание им империи тимуридов // Труды Академии наук Таджикской ССР. Т. XII. Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. I. Сталинабад : Изд-во Академии наук Таджикской ССР, 1954. С. 39–83.

¹⁰ Темиргалиев Р. Казахские Чингизиды на престоле Хивинского ханства // Материалы международной научно-практической конференции «Мәңгілік Ел», посвященной 550-летию Казахского ханства (11 сентября 2015 г.). Астана : Мемлекет тарихы институты, 2016. С. 282–299.

¹¹ См. подробнее: Почекаев Р. Ю. Чингизово право: правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии / 2-е изд., испр. и доп. Казань : Татарское книжное изд-во, 2022. С. 78–90.

лежало потомкам Чингисхана, то, естественно, правоотношения в нем должны были регулировать вышеперечисленные источники чингизидского права.

Что касается самой Великой Ясы, на которую ссылались в своих распоряжениях и действиях потомки Чингисхана, то ситуация с ее применением была однозначной и в то же время противоречивой. Как уже было отмечено выше, эта совокупность установлений Чингисхана никогда не была четко зафиксирована — тем более в письменном виде, и действовала аксиома знания и соблюдения ее содержания Чингизидами, так сказать, «на генетическом уровне». Но практика приписывания основателю Монгольской империи норм, которые были актуальны для его потомков в конкретных политических и правовых ситуациях, порой приводила к тому, что разные Чингизиды могли выдавать за нормы Чингисхана прямо противоположные вещи.

Так, монгольский хан Хубилай (основатель империи Юань в Китае) настаивал на том, что он стал ханом в соответствии с Ясой, и любые попытки противостоять ему следует считать ее нарушением. В то же время его главный соперник Хайду в 1269 г. созвал своих приверженцев на курултай, на котором заявил, что именно Хубилай и является нарушителем Ясы, поскольку отказался от кочевого образа жизни, предписываемого заветами Чингисхана, и принял китайские традиции и обычаи¹².

Аналогичные примеры имели место и на уровне отдельных улусов. Так, в начале 1260-х гг. золотоордынский правитель Берке обвинил своего двоюродного брата Хулагу, ильхана монгольского Ирана, в том, что тот нарушил Ясу, не поделившись с ним трофеями

после завоевания Багдадского халифата. В свою очередь Хулагу обвинил Берке в том, что это он нарушил Ясу, попытавшись военным путем добиться восстановления своих прав¹³.

Таким образом, Великая Яса могла не только объединять, но и разделять Чингизидов за счет подобных «коллизий». Тем не менее нельзя не подчеркнуть, что они ссылались на один и тот же источник права, тем самым подчеркивая своего рода единство и единую правовую традицию на всем пространстве монгольской Евразии.

В отличие от Великой Ясы, ханские ярлыки оформлялись в письменной форме, и до нашего времени дошло значительное их количество от разных государств и исторических эпох — от Монгольской империи первой половины XIII в. до Бухарского и Хивинского ханств начала XX в. Названные документы неоднократно становились предметом исследования специалистов по чингизидской дипломатике, которые убедительно доказали, что эти ханские указы, обладавшие высшей юридической силой, на протяжении всего времени их применения имели общий формуляр (структуру), их составители нередко использовали одни и те же речевые обороты и т.д.¹⁴

Как следствие, ярлыки разного назначения широко использовались, а главное — признавались на территории не только того государства, правители которого их выдавали, но и других чингизидских владений. Например, правители и чиновники монгольского Ирана могли признавать проезжие грамоты золотоордынских ханов, и наоборот. А предписания ханов одних государств в судебной сфере могли приниматься во внимание судьями из других¹⁵.

¹² *Анналы Хубилая*, главный источник по истории правления первого императора династии Юань (цзюани 4–17 «Юань ши»). М.: Б. и., 2019. С. 103; *Biran M. Qaidu and the rise of the independent Mongol state in Central Asia*. Richmond: Curzon, 1997. P. 27–28.

¹³ *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб.: Изд. графа С. Г. Строганова, 1884. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. С. 275.

¹⁴ См., в частности: *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв.: Чингизидские жалованные грамоты. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978; *Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979.

Конечно, это единство не означает, что в разных государствах Чингизидов ярлыки не могли иметь и определенную специфику как в формальном, так и в содержательном отношении, обусловленную особенностями развития каждого конкретного государства, иностранным влиянием и т.д.

¹⁵ Курьезным примером последней тенденции стало судебное разбирательство, имевшее место в Российской империи в начале XIX в. В городе Троицк (сейчас — в Челябинской обл.) умер бухарский купец, у которого осталась жена — русская подданная с детьми. Брат покойного, также бухарский подданный, объявил себя его правопреемником и, соответственно, опекуном его жен и детей. Для того чтобы подтвердить свои полномочия в суде, он добился получения от бухарского эмира ярлыка, которым тот пред-

Единство чингизидского права на территории средневековой Евразии нашло отражение также в функционировании одних и тех же административных институтов в Монгольской империи и ее улусах. Анализ состава адресатов ярлыков ханов Золотой Орды и монгольского Ирана и, например, источников более поздних Бухарского и Казахского ханств позволяет увидеть, что в них действовали такие чиновники, как даруги (они же баскаки или шихне), ясаулы, темники и пр.¹⁶ Безусловно, в разных государствах их статус и функции могли с течением времени значительно трансформироваться, однако сами институты сохранялись на протяжении столетий. Более того, обладание тем или иным чином в пределах одного государства могло сыграть определенную роль при взаимодействии его чиновников с представителями другого государства: последние сразу же получали представление о статусе своих контрагентов, делая выводы о том, на каком уровне с ними следует взаимодействовать¹⁷.

Чингизидское право регламентировало единую совокупность налогов, сборов и повинностей на всем пространстве Монгольской

империи¹⁸. В частности, во всех улусах от Китая династии Юань до монгольского Ирана и Золотой Орды взимались основные налоги (копчур и тагар), торговые налоги (тамга и тартанак), дорожные пошлины, акцизы и т.д. К повинностям, также распространенным на всем пространстве Монгольской империи, принадлежали ямская (содержание почтовых станций), караульная (обеспечение порядка и безопасности в округе населенного пункта), воинская и пр.¹⁹ Торговцы и иные представители одного чингизидского государства, прибывая в другое, прекрасно понимали, с какими именно обременениями налогового характера им предстоит столкнуться, и поэтому старались либо просто заранее рассчитать необходимые расходы, либо добиться от правителя налогового иммунитета в форме тарханного ярлыка.

В связи с этим следует упомянуть наряду с общими принципами налогообложения существование в чингизидских государствах также и единой системы налоговых иммунитетов. Во-первых, ханы всех улусов жаловали тарханство, т.е. освобождение от налогов и повинностей конкретных лиц, семейств или жителей

писывал оказывать данному торговцу всяческое содействие во вступлении в права наследования везде, где его брат вел дела, а именно в Бухарском ханстве, Казахской степи и... Российской империи. Естественно, когда купец попробовал установить опеку над русско-подданной женой своего брата и предъявил в русской судебной инстанции бухарский ярлык, этот документ был формально приобщен к делу (благодаря чему и дошел до нас), но, конечно, не оказал никакого влияния на принятие решение русскими судьями. См.: Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 45. Л. 19–20. Тем не менее, как видим, действия бухарского купца стали своего рода «инерцией» действия принципа экстерриториальности ярлыков ханов-Чингизидов и их преемников (бухарский эмир Хайдар, выдавший указанный документ, был представителем узбекской династии Мангыт и принадлежал к потомкам Чингисхана лишь по женской линии, однако сохранил практику издания ярлыков).

¹⁶ См., например: Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю. «Дастур ал-катиб» как источник по истории государства, права и канцелярской культуры Золотой Орды (на примере ярлыка о назначении эмира улуса) // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10. № 4. С. 778 ; Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / сост. С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. Алма-Ата : Наука, 1969. С. 26–27, 414 ; Памятники русского права. Вып. 3 : Памятники права периода образования русского централизованного государства. XIV–XV вв. / под ред. Л. В. Черепнина. М. : Госюрлитиздат, 1955. С. 465, 467, 469.

¹⁷ Например, сибирский хан Ибак в 1489 г. отправил посольство к московскому великому хану Ивану III, во главе которого стоял «базарский князь», т.е. руководитель ханской ставки — высокопоставленный придворный сановник. См.: Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1489–1508 гг.) / подгот. текста М. П. Лукичева и Н. М. Рогожина. М. : Ин-т истории СССР АН СССР, 1984. С. 18.

¹⁸ Естественно, речь идет об «имперских» налогах в пользу ханской казны; налоги, предусмотренные религиозным правом в пользу служителей той или иной конфессии или обычным правом в пользу представителей местного самоуправления, этими ханскими указами не регламентировались.

¹⁹ Зограф И. Т. Монгольско-китайская интерференция: Язык монгольской канцелярии в Китае. М. : Наука, 1984. С. 97, 99, 101, 103, 105 ; Усманов М. А. Указ. соч. С. 233–246 ; Шаймарданова З. Д. Письма ильханской канцелярии XIII в.: продолжение научной полемики // Отан тарихы. 2014. № 1. С. 92–93.

определенных населенных пунктов²⁰. Во-вторых, со временем такой иммунитет стал распространяться не только на лиц, но и на владения, которые приобретали статус суюргалов — феодальных владений, освобожденных от налогов, а также административного и судебного вмешательства ханских администраторов. Изначально возникнув в Чагатайском улусе, данный институт со временем получил распространение в монгольском Иране и Золотой Орде²¹.

Еще один важный элемент чингизидского права как евразийского *ius commune* — регламентация института дзаргу (яргу), также базировавшегося на единых принципах во всех чингизидских государствах. Везде это были представители гражданской или военной администрации, обладавшие репутацией справедливых людей и знатоков права. И везде судебные обязанности являлись «дополнительной нагрузкой» по отношению к их основным служебным обязанностям. Юрисдикция таких судей распространялась и на вассальных правителей и даже на подданных иностранных государств. К тому же повсюду указанным судьям в силу их упомянутой репутации предоставлялось право широкого собственного усмотрения²². Именно поэтому вплоть до XVI–XVII вв. мы не сталкиваемся с чем-то похожим на уголовные кодексы ни в одном из чингизидских государств²³.

Как следствие, если какое-то государство из состава *Rex Mongolica* либо (что бывало чаще) его часть попадали под власть другого государя-Чингизида (обычно в результате завоевания), никакого радикального перестроения системы власти, управления и правового регулирования на этой территории не происходило. И под вла-

стью нового правителя подданные продолжали подчиняться таким же администраторам, разбирать дела у таких же судей и платить такие же налоги.

До сих пор мы говорили о единстве чингизидского права для тюрко-монгольских государств — преемников Монгольской империи, а затем — и ее улусов, тогда как в названии статьи фигурирует «средневековая Евразия». Ниже мы намерены показать, что такое право было *ius commune* и для других евразийских государств.

И конечно же, самый близкий для нас пример — это русские земли, в свое время находившиеся в зависимости от Золотой Орды. Вопрос об ордынском влиянии на развитие русского государства и права неоднократно исследовался специалистами, поэтому мы кратко упомянем лишь наиболее заметные и очевидные элементы чингизидского права, нашедшие отражение в отечественных правовых реалиях.

Прежде всего, в ордынский период на Руси имели действие ханские ярлыки, выдававшиеся князьям и церковным иерархам. Впоследствии сами же российские правители заимствовали из ордынской практики некоторые их виды, в частности тарханно-несудимые грамоты, освобождавшие их держателей от уплаты налогов и суда княжеских чиновников²⁴; эти акты стали прямой калькой с ханских жалованных грамот (например, тем же русским митрополитам). Более того, впоследствии московские цари сами стали направлять ярлыки правителям государств — наследников Золотой Орды! Так, известен целый ряд ярлыков Ивана Грозного правителям Сибирского ханства и Ногайской

²⁰ См. подробнее: *Шапшал С. М.* К вопросу о тарханных ярлыках // Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятилетию : сборник статей. М. : Изд-во АН СССР, 1953. С. 304–316.

²¹ См. подробнее: *Беленицкий А.* К истории феодального землевладения в Средней Азии и Иране в тимуридскую эпоху (XIV–XV вв.) (образование института «суюргал») // Историк-марксист. 1941. № 4. С. 43–58.

²² См. подробнее: *Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю.* О статусе судей в Монгольской империи и ее улусах в XIII–XIV вв.

²³ В конце XVI — начале XVIII в. в Казахской степи и в Монголии почти одновременно появляется целая серия кодексов, базировавшихся на отдельных чингизидских постулатах, но больше — на обычном праве кочевников. Причиной их возникновения стало то, что эти государства уже не были «степными империями», и совокупность ханских подданных была относительно единой по этнической, религиозной, языковой принадлежности и образу жизни, а потому на них можно было распространить без каких-либо проблем и противоречий относительно единые нормы права, чего не могли себе позволить правители-Чингизиды в XIII–XV вв. См., в частности: *Кадырбаев А. Ш.* Памятники степного права «Жеты-Жаргы», «Их Цааз», «Цааджин Бичик» и культурные взаимосвязи ойратов, калмыков и халхасцев с казахами в эпоху Цин // *Mongolica*. 2016. Вып. XVII. С. 30–34.

²⁴ См., например: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. / отв. ред. Б. Д. Греков. М. : Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. С. 25, 42, 67, 81, 83, 91, 102 и др.

Орды. А Борис Годунов в 1600 г. специальным ярлыком возвел на трон Касимовского ханства (вассального России) казахского царевича Ураз-Мухаммада²⁵.

На Руси под властью Улуса Джучи действовали ордынские налоги и повинности, в том числе тамга, постой, воинская, охотничья, ямская и пр. Их применение в русских землях подтверждается ханскими ярлыками русской церкви, представители которой от уплаты этих налогов и несения повинностей, естественно, освобождались²⁶. А в более поздний период, как и в случае с ярлыками, некоторые налоговые институты были закреплены в русской практике (примером тому служит наличие таможен и ямских станций).

Применялся в Московском государстве и институт тарханства. Московские правители поначалу признавали налоговый иммунитет на основании ранее выданных ярлыков ханов Золотой Орды, Казанского ханства и пр. Формально данный институт был отменен Судебником Ивана IV, однако фактически продолжал признаваться и в дальнейшем²⁷. А в XVIII в. институт тарханов был возрожден: такой статус стал жаловаться башкирским и казахским подданным русских царей и императоров, существовавшим до середины XIX в.²⁸

Конечно, можно рассматривать все эти примеры как рецепцию ордынских институтов в общем контексте влияния Золотой Орды на зависимые русские земли. Однако полагаем, что если бы указанные нормы не получили распро-

странения и не продемонстрировали эффективность в период зависимости, то они вряд ли были бы реципированы уже после прекращения зависимости русских князей от Джучидов.

Другой пример сохранения институтов чингизидского права в более позднем государстве — практика персидских шахов из династии Сефевидов (1501–1736). Эти правители хотя и имели тюркское происхождение, но не считали себя наследниками прежних тюркомонгольских правителей Ирана и даже напротив — прямо противопоставляли себя им²⁹. Однако, обратившись к персидским трактатам об управлении уже XVIII в., мы с удивлением обнаруживаем, что в Сефевидском Иране продолжал взиматься чингизидский налог тамга, функционировали такие чиновники, как ячаулы и букаулы и т.д.³⁰

Некоторые элементы чингизидского права надолго пережили эпоху монгольского владычества в Китае — правда, как видится, преимущественно именно в отношениях китайских властей с теми же монголами. Так, маньчжурские императоры Китая из династии Цин (1644–1911) издавали грамоты для своих монгольских подданных, очень напоминавшие по форме и содержанию ханские ярлыки, о которых неоднократно говорилось выше³¹. А в пограничной администрации (в частности, на русско-китайской границе) функционировал чиновник «дзаргучей», несколько напоминающий монгольских дзаргучи, причем не только по названию: как и они, указанный чиновник

²⁵ Трепавлов В. В. Царские ярлыки. Наследие монгольской государственности в Московской Руси // Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации : сборник материалов Международной научной конференции, Алматы, 21–23 ноября 2007 г. Алматы : Дайк-Пресс, 2008. С. 104–113.

Иронией судьбы стало то, что московский царь, преемник вассалов Золотой Орды (к тому же сам происходивший от ордынского мурзы, выехавшего на Русь), выдал ярлык потомку золотоордынских ханов!

²⁶ Памятники русского права. С. 465–466, 467, 469–470.

²⁷ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М. : Территория будущего, 2005. С. 248.

²⁸ См. подробнее: Почекаев Р. Ю. Чингизово право. С. 204–217.

²⁹ Причиной такого противопоставления стали, по-видимому, политические события: ведь Сефевиды постоянно воевали с чингизидскими правителями Средней Азии за спорные регионы, а в не менее постоянном противостоянии с Османской империей им приходилось воевать с другими Чингизидами — крымскими ханами Гиреями, вассалами османских султанов.

³⁰ Tadhkirat al-Muluk : A Manual of Safavid Administration (c. 1137/1725) / transl. and expl. by V. Minorsky. Cambridge : E. J. W. Gibb Memorial, 1980. P. 68, 75, 90, 137.

Самым любопытным открытием для нас стало наличие в сефевидском административном аппарате такого чиновника, как даруга. Этот термин монгольского происхождения имел персидский аналог — «шихне», который и применялся даже в Иране эпохи Хулагуидов, потомков Чингисхана. По какой-то причине Сефевиды отказались от исконного персидского термина, предпочтя его монгольский аналог.

³¹ См., например: Pang T. A. Manchiu-Mongolian Diploma Given to the Wife of a Mongolian Nobleman // Written Monuments of the Orient. 2015. No. 1. P. 78–86.

сочетал полномочия администратора и судьи низшей инстанции³².

Еще одно государство, которое никогда не находилось под властью потомков Чингисхана, — это Индия. Однако в XVI в. она была завоевана Бабуром — потомком чагатайского эмира Тимура (Тамерлана) по мужской линии и чагатайских ханов по женской. Неудивительно, что он и его потомки привнесли в систему государственности и права Индии чингизидские элементы: в административной сфере — ясаулов, в налоговой сфере — тамгу и пр., в земельных правоотношениях — институт суюргала и т.д.³³

Заключение

Завершая исследование, важно подчеркнуть, что чингизидское право в качестве *ius commune* в Евразии не было постоянным, и далеко не всегда все его основные элементы находили отражение во властных и правовых отношениях в том или ином государстве. Со временем многие из них замещались аналогами из национального, обычного или религиозного права, просто отмирали за ненадобностью, отменялись в связи с попаданием того или иного владения под власть другого государства. Наиболее долгим его действие было, по-видимому, в российских протекторатах — Бухарском эмирате и Хивинском ханстве, в которых еще в начале XX в. правители издавали ярлыки, функционировали ясаулы, даруги и другие чингизидские институты³⁴. Однако в большинстве своем это было лишь данью традиции, призванной напоминать как собственным подданным, так и иностранным правителям, что местные правители — наследники великих властителей прошлого. Тем не менее столь длительное сохранение указанных

институтов демонстрирует, насколько глубоко проникло чингизидское право в систему отношений — да еще и в регионе, который задолго до монголов обладал собственными многовековыми и высокоразвитыми традициями в сфере власти, управления и правового регулирования.

Таким образом, по итогам анализа мы приходим к выводу, что чингизидское право может рассматриваться как *ius commune* средневековой Евразии. Его институты, принципы и нормы выполняли главную роль «общего права» — способствовали осознанию правителями и их подданными своего единства на основе общего монгольского имперского политико-правового наследия и обеспечивали возможность общения на одном юридическом языке за счет наличия единых видов источников права, институтов власти, управления, налогообложения и пр., причем как в содержательном аспекте, так и в формальном и даже терминологическом. И в этом отношении роль чингизидского права на евразийском пространстве можно сравнить с ролью римского права в средневековой Европе — с той, впрочем, очевидной разницей, что последнее регулировало в большей степени частноправовые отношения, тогда как сферой регулирования монгольского имперского права были преимущественно отношения публично-правовые.

Данная статья имела целью дать характеристику чингизидского права в качестве общего для средневековой Евразии и, как следствие, носила отчасти проблемно-постановочный, а отчасти, наверное, и обзорный характер. Полагаем, что многие аспекты, затронутые в настоящем исследовании, могут представлять интерес для самостоятельного, более детального изучения уже в рамках новых специальных научных работ.

³² См., например: Степанов А. П. Путешествие в Кяхту из Красноярск // Енисейский альманах на 1828 год. Красноярск : Поликор, 2008. С. 28, 29.

³³ Антонова К. А. Суюргал в акбаровской Индии (к вопросу о формах землевладения в средневековой Индии) // Ученые записки Тихоокеанского института. 1949. Т. 2. С. 149–176 ; Abul Fazl Allami. Ain i Akbari / transl. by H. Blochmann. 3rd ed. New Delhi : Oriental Books Reprint Corporation, 1977. Vol. I. P. 538, 727.

³⁴ См. подробнее: Семенов А. А. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени // Труды Академии наук Таджикской ССР. Т. XXV. Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. II. Сталинабад : Изд-во Академии наук Таджикской ССР, 1954.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю. «Дастур ал-катиб» как источник по истории государства, права и канцелярской культуры Золотой Орды (на примере ярлыка о назначении эмира улуса) // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10. № 4. С. 770–798.
- Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю. О статусе судей в Монгольской империи и ее улусах в XIII–XIV вв.: опыт междисциплинарного исследования // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 90. С. 84–95.
- Аннерс Э. История европейского права : пер. со швед. М. : Наука, 1994. 397 с.
- Антонова К. А. Суюргал в акбаровской Индии (к вопросу о формах землевладения в средневековой Индии) // Ученые записки Тихоокеанского института. 1949. Т. 2. С. 149–176.
- Беленицкий А. К истории феодального землевладения в Средней Азии и Иране в тимуридскую эпоху (XIV–XV вв.) (образование института «суюргал») // Историк-марксист. 1941. № 4. С. 43–58.
- Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М. : Территория будущего, 2005. 800 с.
- Гаев А. Г. Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. Т. 3. М. : Нумизматическая литература, 2002. С. 9–55.
- Григорьев А. П. Монгольская дипломатика XIII–XV вв. : Чингизидские жалованные грамоты. Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. 136 с.
- Зограф И. Т. Монгольско-китайская интерференция : Язык монгольской канцелярии в Китае. М. : Наука, 1984. 148 с.
- Кадырбаев А. Ш. Памятники степного права «Жеты-Жаргы», «Их Цааз», «Цааджин Бичик» и культурные взаимосвязи ойратов, калмыков и халхасцев с казахами в эпоху Цин // Mongolica. 2016. Вып. XVII. С. 30–34.
- Почекаев Р. Ю. Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки). М. : Юрлитинформ, 2015. 312 с.
- Почекаев Р. Ю. Чингизово право: правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии. 2-е изд., испр. и доп. Казань : Татарское книжное изд-во, 2022. 368 с.
- Семенов А. А. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени // Труды Академии наук Таджикской ССР. Т. XXV. Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. II. Сталинабад : Изд-во Академии наук Таджикской ССР, 1954. 75 с.
- Семенов А. А. Шейбани-хан и завоевание им империи Тимуридов // Труды Академии наук Таджикской ССР. Т. XII. Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. I. Сталинабад : Изд-во Академии наук Таджикской ССР, 1954. С. 39–83.
- Степанов А. П. Путешествие в Кяхту из Красноярска // Енисейский альманах на 1828 год. Красноярск : Поликор, 2008. С. 17–41.
- Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. СПб. : Евразия, 2017. 448 с.
- Темиргалиев Р. Казахские Чингизиды на престоле Хивинского ханства // Материалы международной научно-практической конференции «Мәңгілік Ел», посвященной 550-летию Казахского ханства (11 сентября 2015 г.). Астана : Мемлекет тарихы институты, 2016. С. 282–299.
- Трепавлов В. В. Царские ярлыки. Наследие монгольской государственности в Московской Руси // Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации : сборник материалов Международной научной конференции, Алматы, 21–23 ноября 2007 г. / под ред. Л. Е. Масановой, Б. Т. Жанаева. Алматы : Дайк-Пресс, 2008. С. 104–113.
- Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1979. 318 с.
- Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций : Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. / сост. И. Б. Муслимов. М. : Инсан, 1996. С. 527–758.
- Шаймарданова З. Д. Письма ильханской канцелярии XIII в.: продолжение научной полемики // Отан тарихы. 2014. № 1. С. 91–100.
- Шапшал С. М. К вопросу о тарханных ярлыках // Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятилетию : сборник статей / отв. ред. А. Н. Баскаков. М. : Изд-во АН СССР, 1953. С. 304–316.
- Юдин В. П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / факсимиле, пер.,

транскр., текстол. прим., исслед. В. П. Юдина ; коммент. и указ. М. Х. Абусеитовой. Алма-Ата : Гылым, 1992. С. 14–56.

Biran M. Qaidu and the rise of the independent Mongol state in Central Asia. Richmond : Curzon, 1997. 197 p.

Morgan D. O. The «Great Yasa of Chingis Khan» and Mongol Law in the Ilkhanate // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1986. Vol. XLIX. No. 1. P. 163–176.

Pang T. A. Manchiu-Mongolian Diploma Given to the Wife of a Mongolian Nobleman // *Written Monuments of the Orient*. 2015. No. 1. P. 78–86.

REFERENCES

Abzalov LF, Gatin MS, Mustakimov IA, Pochekaev RYu. «Dastur al-katib» as a source on the history of the state, law and clerical culture of the Golden Horde (case study of iarlyk on the appointment of the emir of the ulus). *Zolotoordynskoe obozrenie*. 2022;10(4):770-798. (In Russ.).

Abzalov LF, Gatin MS, Mustakimov IA, Pochekaev RYu. On the status of judges in the Mongolian Empire and its Uluses in the 13th–14th centuries: The experience of interdisciplinary research, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Tomsk State University Journal. History]*. 2024;90:84-95. (In Russ.).

Anners E. The History of European Law. Transl. from Swedish. Moscow: Nauka Publ.; 1994. (In Russ.).

Antonova KA. Suyurgal in Akbar's India (on Land Ownership forms in Medieval India). *Uchenye zapiski Tihookeanskogo instituta*. Vol. 2. 1949. P. 149–176. (In Russ.).

Belenitsky A. On the history of feudal land ownership in Central Asia and Iran in the Timurid era (14th–15th centuries) (formation of the Institute «suyurgal»). *Istorik-marksist*. 1941;4:43-58. (In Russ.).

Biran M. Qaidu and the rise of the independent Mongol state in Central Asia. Richmond: Curzon Publ.; 1997.

Gaev AG. Genealogy and chronology of the Jochids. To clarify the genealogy of the numismatically recorded rulers of the Jochi Ulus. In: *Antiquities of the Volga region and other regions*. Iss. IV. Numismatic collection. Vol. 3. No. 4. P. 9–21. (In Russ.).

Grigoriev AP. Mongolian diplomacy of the 13th–15th centuries: Chinggisid charters. Leningrad: Publishing house of Leningrad University; 1978. (In Russ.).

Kadyrbaev ASH. The steppe law monuments Zhety-Jargy, Ikh Tsaz, and Caajin Bichik, and the cultural interrelations of the Oirats, Kalmyks, and Khalkhas with the Kazakhs during the Qing era. *Mongolica*. Iss. XVII. 2016. P. 30–34. (In Russ.).

Khudyakov MG. Essays on the history of the Kazan Khanate. In: Muslimov IB. At the junction of continents and civilizations: From the experience of the formation and collapse of empires of the 10th–16th centuries. Moscow: Insan Publ.; 1996. P. 527–758. (In Russ.).

Morgan DO. The «Great Yasa of Chingis Khan» and Mongol Law in the Ilkhanate. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1986;XLIX(1):163-176.

Pang T. A Manchiu-Mongolian Diploma Given to the Wife of a Mongolian Nobleman. *Written Monuments of the Orient*. 2015;1:78-86.

Pochekaev RYu. Genghis Law: The legal legacy of the Mongol Empire in the Turko-Tatar Khanates and the States of Central Asia. 2nd ed., rev. and suppl. Kazan: Tatar Book Publishing House; 2022. (In Russ.).

Pochekaev RYu. The legal culture of the Golden Horde (historical and legal essays). Moscow: Yurlitinform Publ.; 2015. (In Russ.).

Semenov AA. An outline of the structure of the central administrative administration of the Bukhara Khanate of later times. In: *Proceedings of the Academy of Sciences of the Tajik SSR*. Vol. 24. Materials on the history of the Tajiks and Uzbeks of Central Asia. Iss. II. 1954. (In Russ.).

Semenov AA. Sheibani Khan and the Conquest of the Timurid Empire. In: *Proceedings of the Academy of Sciences of the Tajik SSR*. Vol. 12. Materials on the history of the Tajiks and Uzbeks of Central Asia. Iss. I. 1954. P. 39–83. (In Russ.).

Shaimardanova ZD. Letters from the Ilkhan Chancellery of the 13th century: Continuation of the scientific controversy. *Otan tarikh*. 2014;1:91-100. (In Russ.).

Shapshal SM. On the question of tarkhan iarlyks. In: To Baskakov AN, (ed.). Academician V.A. Gordlevsky on his seventieth birthday. A collection of articles. Moscow: Izd-vo IGI N SSSR; 1953. P. 304–316. (In Russ.).

Stepanov AP. Journey to Kyakhta from Krasnoyarsk. In: *The Yenisei Almanac for 1828*. Krasnoyarsk: Polikor Publ.; 2008. P. 17–41. (In Russ.).

- Sultanov TI. Chingis Khan and the Chinggisids. Crowds and Power. St. Petersburg: Evrazia Publ.; 2017. (In Russ.).
- Temirgaliev R. Kazakh Chinggisids on the throne of the Khiva Khanate. Proceedings of the international scientific and practical conference «Mangilik El» dedicated to the 550th anniversary of the Kazakh Khanate (September 11, 2015). Astana: Memleket tarikh Institute; 2016. P. 282–299. (In Russ.).
- Trepavlov VV. Royal charters (iarlyks). The legacy of Mongol statehood in Muscovite Rus'. In: The contribution of nomads to the development of world civilization. In: Masanov LE, Zhanaev BT, (eds.). Proceedings of the International Scientific Conference, Almaty, November 21–23, 2007. Almaty: Daik-Press; 2008. P. 104–113. (In Russ.).
- Usmanov MA. Charters of grant of the Ulus of Jochi, 14th–16th centuries. Kazan: Publishing house of Kazan University; 1979. (In Russ.).
- Vladimirsky-Budanov MF. An overview of the history of Russian law. Moscow: Territoriya budushchego Publ.; 2005. (In Russ.).
- Yudin VP. Hordes: White, Blue, Gray, Gold... Utemish-haji. Chingis-nama. Facsimile, translation, transcription, textual notes, and study by Yudin VP; comment. and index by. Abuseitova MKh. Alma Ata: Gylym Publ.; 1992. P. 14–56. (In Russ.).
- Zograf IT. Mongolian-Chinese interference: The language of the Mongolian Chancellery in China. Moscow: Nauka Publ.; 1984. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Почекаев Роман Юлианович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
д. 16, ул. Союза Печатников, г. Санкт-Петербург 190121, Российская Федерация
pochekaev@hse.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Roman Yu. Pochekaev, Dr. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, HSE University, St. Petersburg, Russian Federation
pochekaev@hse.ru

*Материал поступил в редакцию 17 июля 2025 г.
Статья получена после рецензирования 9 августа 2025 г.
Принята к печати 15 августа 2026 г.*

*Received 17.07.2025.
Revised 09.08.2025.
Accepted 15.08.2026.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.238.9.142-154

Д. А. Лукашевич
И. А. МартыненкоМосковский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Историко-правовая сущность Instrument of Government 1653 г.: проблемы терминологии и конституционной преемственности

Резюме. В статье критически пересматриваются два устоявшихся в историко-правовой науке тезиса относительно документа Instrument of Government 1653 г. На основе анализа оригинальных изданий XVII–XVIII вв. доказано, что коллокация Instrument of Government не является аутентичным названием документа, а представляет собой более позднюю (XIX в.) исследовательскую вставку, что позволяет подвергнуть сомнению традицию перевода. Лингво-юридический анализ демонстрирует, что доминирующий в отечественной литературе перевод «Орудие управления» является семантически ошибочным и квалифицируется как «ложный друг переводчика»; аргументируется необходимость использования названий «Правительственный акт 1653 г.» или «Учредительный акт об управлении государством 1653 г.», соответствующих юридическому значению instrument как правового документа. В статье опровергается распространенная квалификация данного акта как первой писаной конституции Англии. Показано, что такой подход является историческим анахронизмом и игнорирует преемственность британской конституционной традиции, берущей начало с Magna Carta 1215 г. Обосновывается, что Instrument of Government представляет собой выпавшее звено — экстраординарный акт, легитимировавший военно-диктаторский режим протектората, который был отвергнут после Реставрации 1660 г. и не является действующим источником британского конституционного права. Документ предлагается рассматривать в рамках трехуровневой модели неcodифицированной британской конституции как важный исторический памятник, демонстрирующий тупиковую попытку введения жесткой кодификации, чуждой эволюционной природе британской системы.

Ключевые слова: Instrument of Government; протекторат Кромвеля; британская конституция; конституционализм; источники конституционного права; неcodифицированная конституция; перевод юридических терминов; «ложные друзья переводчика»; Великая хартия вольностей; Оливер Кромвель; историко-правовой анализ; конституционная преемственность

Для цитирования: Лукашевич Д. А., Мартыненко И. А. Историко-правовая сущность Instrument of Government 1653 г.: проблемы терминологии и конституционной преемственности. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 9. С. 142–154. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.238.9.142-154

The Historical and Legal Nature of the 1653 Instrument of Government: Issues of Terminology and Constitutional Continuity

Dmitriy A. Lukashevich
Irina A. Martynenko
Kutafin Moscow State Law
University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper challenges two theses established in the field of legal history regarding the 1653 Instrument of Government. The analysis of original 17th–18th century editions proves that the collocation Instrument of

© Лукашевич Д. А., Мартыненко И. А., 2026

Government is not the authentic title of the document, but represents a later (19th century) scholarly addition, thereby casting doubt on the conventional translation tradition. A linguistic-legal analysis demonstrates that the prevailing translation in Russian literature «орудие управления» is semantically flawed and falls under the category of «false friends of the translator». The authors argue for using the terms «Pravitelstvennyy akt 1653 goda» or «Uchreditelnyy akt ob upravlenii gosudarstvom 1653 goda», which reflect the legal meaning of instrument as a legal document. The paper challenges the commonly accepted classification of the act as England's first written constitution. It is shown that this approach is a historical anachronism that disregards the continuity of the British constitutional tradition, which dates back to Magna Carta of 1215. It is proved that the Instrument of Government is a missing link, an extraordinary act that legitimized the military dictatorial regime of the protectorate, which was rejected after the Restoration of 1660, and is not a valid source of British constitutional law. It is suggested that the document should be situated within the framework of the three-level model of the uncodified British constitution as a significant historical artifact that exemplifies a failed endeavor to impose rigid codification, which proved incompatible with the evolutionary character of the British constitutional system.

Keywords: Instrument of Government; Cromwell's protectorate; British Constitution; constitutionalism; sources of constitutional law; uncodified constitution; translation of legal terms; translator's false friends; Magna Carta; Oliver Cromwell; historical and legal analysis; constitutional succession

Cite as: Lukashevich DA, Martynenko IA. The Historical and Legal Nature of the 1653 Instrument of Government: Issues of Terminology and Constitutional Continuity. *Lex russica*. 2026;79(9):142-154. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.238.9.142-154

Введение

Период Английской революции середины XVII в., и в особенности эпоха протектората Оливера Кромвеля, представляет собой один из наиболее сложных и противоречивых этапов в развитии британской государственности, который неизменно привлекает внимание исследователей¹. Это время попыток легализации нового, республиканского по форме и авторитарного по сути политического порядка после казни короля и упразднения монархии. Важнейшей вехой на данном пути стало принятие 16 декабря 1653 г. документа, известного как *Instrument of Government*².

В статье нами ставятся две взаимосвязанные исследовательские задачи. Во-первых, проанализировать лингвистические и юридические аспекты перевода и интерпретации названия указанного акта в российской историко-правовой науке. Устоявшийся перевод «Орудие управления» требует критического пересмотра с точки зрения юридической терминологии и исторического контекста.

Во-вторых, рассмотреть место *Instrument of Government* в британской конституционной традиции, подвергнув сомнению распространенный тезис о его статусе как «первой писаной конституции Англии». Мы полагаем, что адекватное понимание роли этого документа возможно лишь в рамках концепции неcodифицированной, эволюционной британской конституции, состоящей из нескольких уровней правовых источников. Такой анализ позволит не только уточнить терминологический аппарат, но и глубже понять специфику британского конституционного развития в его преемственности и разрывах.

Историческая справка

Когда же возникло само название *Instrument of Government*?

Интересно, что если обратиться к историческим и историко-правовым источникам XVII–XVIII вв., то можно увидеть иное наименование рассматриваемого в настоящей работе

¹ См., например: Исаев И. А. «Мятеж не может кончиться удачей» (легальные основания революционного мифа). Часть 1 // *Lex russica* (Русский закон). 2018. № 2. С. 9–29. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.135.2.009-029 ; Тимонин А. Н. Англосаксонская модель государства: к дискуссии об идейно-теоретических основах // *Lex russica* (Русский закон). 2015. № 9. С. 87–99.

² Полный текст документа см.: *The Constitutional Documents of the Puritan Revolution 1625–1660* / S. R. Gardiner (ed.). Oxford : Clarendon Press, 1906.

акта — The Government of the Commonwealth of England, Scotland and Ireland³. В более позднее время, примерно с начала XIX в., это оригинальное название трансформировалось в первую строчку анализируемого документа, а сам он стал называться Instrument of Government.

Вместе с тем если обратиться к заголовку из приведенного выше источника 1722 г., то уже он может дать подсказку для ответов на очень многие вопросы — «The original instrument and republican scheme of government, under the colour whereof the late Oliver Cromwell usurped the regal, and exercised an arbitrary power, Together with a copy of that self-inconsistent oath, which he solemnly took and subscribed, the 16th day of December, 1653, upon his being most unaccountably declared Protector of these Kingdoms, by some few Select Persons, of his own Associates, in the same Cause» («Первоначальный документ и республиканская схема правления, под прикрытием которой покойный Оливер Кромвель узурпировал королевскую власть и осуществлял произвол, вместе с копией той противоречивой клятвы, которую он торжественно принес и подписал 16 декабря 1653 г., после того как несколько избранных лиц из числа его собственных соратников совершенно необъяснимым образом объявили его защитником этих королевств в том же деле»)⁴.

Во-первых, как видно из приведенного заголовка, появляется выражение instrument and republican scheme of government, что, возможно, стало в будущем исследовательской и политической оценкой кромвелевского акта, которая последующими поколениями была воспринята в качестве его наименования.

Во-вторых, в названии рассматриваемого первоисточника указано, что в последнем со-

держится «копия» противоречивой клятвы, но ни в названии «копии» клятвы, ни в названии кромвелевского акта не содержится термина instrument, что подтверждает нашу гипотезу о более позднем происхождении collocaции instrument of government.

Сходное оригинальное название данного документа — The Government of the Commonwealth of England, Scotland, and Ireland, and the Dominions thereunto belonging — содержится в издании 1757 г.⁵

В XIX в. кромвелевский акт о новой форме правления Англии стал именоваться Instrument of Government и характеризоваться как new constitution, written constitution, new kind of constitution⁶.

В связи с этим можно сделать следующие промежуточные выводы: Instrument of Government, скорее всего, более поздняя исследовательская вставка-название к кромвелевскому акту 16 декабря 1653 г.; если исходить из того, что Instrument of Government — изначальное наименование соответствующего документа, которое было «утеряно» в XVII–XVIII вв. и «найдено» в XIX в., то основополагающей его формулировкой является «Учредительный акт об управлении государством 1653 г.».

Терминологический тупик: от Instrument of Government к «Орудю управления»

Таким образом, проблематика, на наш взгляд, заключается в элементарном, но крайне важном для историков права и юристов в целом вопросе: как корректно называть данный документ на русском языке? В отечественной литературе практически безраздельно господствует

³ См.: The original instrument and republican scheme of government, under the colour whereof the late Oliver Cromwell usurped the regal, and exercised an arbitrary power, Together with a copy of that self-inconsistent oath, which he solemnly took and subscribed, the 16th day of December, 1653, upon his being most unaccountably declared Protector of these Kingdoms, by some few Select Persons, of his own Associates, in the same Cause. London, 1722. P. 1.

⁴ Перевод авторов.

⁵ The Parliamentary or constitutional History of England; being a faithful account of all the most remarkable transactions in Parliament, from the earliest Times, to the Restoration of King Charles II. Collected from the Records, the Journals of both Houses, original Manuscripts, scarce Speeches, and Tracts; all compared with the several Contemporary Writers, and connected, throughout, with the History of the Times. Vol. XX. London, 1757. P. 248.

⁶ См., например: Gardiner S. R. History of the commonwealth and protectorate, 1649–1660. London, 1894. P. 258, 277–278 ; Ranke L. A history of England principally in the seventeenth century. Vol. III. Oxford, 1875. P. 116–117 ; The constitutional experiments of the Commonwealth : a study of the years 1649–1660. Cambridge, 1890. P. 76–77 ; Wakeling G. H. King and parliament. New York, 1896. P. 64–65.

калька «Орудие управления»⁷. На неоднозначность данного варианта перевода ранее уже обращали внимание специалисты⁸.

По нашему мнению, при ближайшем рассмотрении указанный вариант перевода оказывается глубоко ошибочным и вводит в заблуждение относительно природы рассматриваемого акта.

Представляется, что и объективный, и субъективный компонент присутствует в гносеологическом процессе: исследователь не только работает с источником, но и интерпретирует его (герменевтический аспект). Однако последнее не всегда означает получение истинного результата⁹.

Слово *instrument* в английском юридическом языке середины XVII в. (как и сегодня) имело четкое значение: «документ, правовой акт, официальная бумага, устанавливающая права или обязанности». Его синонимами являются *deed, act, charter*. В рассматриваемом контексте *Instrument of Government* означает «Учредительный акт об управлении государством» или в более сжатой форме «Правительственный акт». По нашим оценкам, именно так его и следует понимать: это основной закон, устанавливающий структуру высших органов власти протектората О. Кромвеля.

Мысль о субъективности перевода не нова. В пользу данного тезиса в разное время высказывались как классики лингвистики и переводоведения (Ф. де Соссюр, Ж. Делез, Ф. Гваттари), так и более современные авторы. Так, итальянский ученый Умберто Эко, специалист по практическому переводу, автор ряда всемирно известных бестселлеров, переведенных на

многие языки мира, крупный ученый в области семиотики, подчеркивал, что абсолютно точный перевод невозможен из-за различий в языковых картинах мира. А аргентинский писатель Хорхе Луис Борхес в эссе «Переводчики “Тысячи и одной ночи”» утверждал, что каждый переводчик создает свой вариант текста, а значит, перевод неизбежно субъективен¹⁰.

Вместе с тем почему же перевод «Орудие управления» является грубой ошибкой? Потому что слово «орудие» в русском языке имеет принципиально иные коннотации. Это чаще всего: 1) инструмент для физической работы (топор, молоток); 2) оружие; 3) средство для достижения (чаще негативной) цели («орудие в чьих-то руках»). Ни одно из указанных значений не передает сути официального, легитимирующего документа. Это классический случай «ложного друга переводчика»¹¹, где внешнее сходство лексем из разных языков (*instrument* — «орудие») заслоняет их абсолютное смысловое несоответствие в конкретном профессиональном контексте.

Данная ошибка, вероятно, коренится в ранних переводах XIX — начала XX в., когда отечественная историография только формировала свой понятийный аппарат по британской истории. Переводчик, не будучи специалистом в английском праве, выбрал буквальную, словарную кальку, которая затем благодаря повторению в учебниках и монографиях устоялась как «каноническая».

Перед современным исследователем стоит сложный выбор: руководствоваться ошибочным, но общепризнанным «каноном» с неизбежными оговорками или попытаться ввести

⁷ См., например: *Английская буржуазная революция XVII века* / Е. А. Косминский, Я. А. Левитский. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1954. Т. 2 ; *Кондратьев С. В.* Английская революция XVII века. М. : Academia, 2010 ; *Косихина С. С.* Конституция протектората «Орудие управления» как модель специфически армейской конституции // *Евразийский союз ученых*. 2015. № 3–8 (12). С. 21–22 ; *Томсинов В. А.* Всеобщая история государства и права. М. : Зерцало-М, 2011. Т. 2 : Новое время. Новейшее время.

⁸ См., например: *Алешко-Ожевская С. С., Терновская И. Л.* Особенности перевода названий нормативных правовых актов с английского языка на русский язык // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация»*. 2023. Т. 21. № 4. С. 149–150. DOI: 10/25205.1818-7935-2023-21-4-143-155.

⁹ *Лукашевич Д. А.* Предмет науки истории государства и права // *Lex russica (Русский закон)*. 2025. Т. 78. № 7 (224). С. 111. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.224.7.109-130.

¹⁰ *Мартыненко И. А., Карандашева Н. Н.* Особенности ассимиляции термина *anti-suit injunction* в русскоязычном юридическом дискурсе: лингвоправовой анализ // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2025. № 10 (134). С. 64.

¹¹ *Краснов К. В.* *Англо-русский словарь «ложных друзей переводчика»*. М. : Издательское содружество А. Богатых и Э. Ракитской, 2004. С. 40 ; *Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика»* / под ред. В. В. Акуленко. М. : Советская энциклопедия, 1969. С. 166.

более точный термин, рискуя быть непонятым в рамках сложившейся историографической традиции. С научной точки зрения второй путь предпочтительнее. Авторы данной статьи предлагают использовать варианты «Правительственный акт 1653 г.» или «Учредительный акт об управлении государством 1653 г.» с обязательным указанием оригинального названия в скобках при первом упоминании. Это позволяет точно передать юридическую суть документа, избежав семантического искажения.

В пользу нашей правоты говорят и современные словари¹².

Критически важным является тот факт, что юридическое значение слова является абсолютно доминирующим в письменной речи применительно к юридическим текстам. Словосочетание *legal instrument* традиционно переводится исключительно как «правовой акт» или «юридический документ». Англичанин XVII в., читающий заголовок *Instrument of Government*, воспринимал слово *instrument* именно во втором, официально-деловом смысле. Предложное дополнение *of government* выполняет функцию уточнения. Оно указывает на сферу действия документа. Соответственно, рассматриваемое словосочетание в целом означает «документ (акт), касающийся устройства системы правления». Семантика инструментальности (средство для труда) в данном грамматическом контексте полностью отсутствует.

Мы считаем правомерным игнорировать первичное, бытовое значение слова *instrument* и делать выбор в пользу устоявшегося русскоязычного термина для обозначения подобных документов: «акт», «устав», «документ». Это и отвечает доминантному юридическому значению исходного слова, и обеспечивает жанровое соответствие: делает заголовок документа похожим на другие основополагающие законы (ср. «Акт о капитуляции», «Акт о престолонаследии»). Кроме того, такой прием снимает ложные коннотации: русское слово «орудие» в применении к тексту закона звучит архаично и стилистически снижено, вызывая ассоциации с физическим предметом (топором, молотом).

Калька «Орудие управления» искажает смысл, так как переносит бытовое значение в юридический контекст, где оно неуместно. Кроме того, оно создает «эффект отстранения»: текст начинает звучать непривычно и даже устрашающе, что — мы абсолютно уверены — не входило в намерения авторов документа. И наконец, этот вариант нарушает семантическую сочетаемость: в русском языке слово «орудие» не употребляется по отношению к законам (нельзя сказать «орудие о капитуляции»).

Весьма убедительным, на наш взгляд, аргументом в пользу предлагаемого варианта перевода с опорой на лексему «акт» служит анализ аналогичных словосочетаний:

Переводы иных коллокаций с компонентом *instrument*

Англоязычный термин	Правильный перевод, устоявшийся эквивалент	Гипотетический, неверный перевод (калька)
Instrument of surrender	Акт о капитуляции	Орудие сдачи / Орудие капитуляции
Basic instrument	Учредительный документ / Основополагающий акт	Базовое орудие
Statutory instrument	Нормативный правовой акт (в Великобритании)	Статутное орудие
Negotiable instrument	Оборотный документ (вексель, чек)	Оборотное орудие

Как видно из приведенной таблицы, во всех случаях, где речь идет о документе, английское *instrument* переводится русскими словами «акт», «документ». Перевод «орудие» в этих контекстах сделал бы текст бессмысленным или комичным. Следовательно, выражение

Instrument of Government должно подчиняться тому же правилу перевода, будучи однотипным терминологическим оборотом.

С точки зрения современной теории перевода, а именно теории коммуникативной эквивалентности (А. Д. Швейцер, В. Н. Комиссаров),

¹² См.: Multitran // URL: <https://www.multitran.com/m.exe?l1=1&l2=2&s=instrument+of+government&l1=1&l2=2> (дата обращения: 27.01.2026) ; English-Russian law dictionary = Англо-русский юридический словарь / С. Н. Андрианов [и др.]. М. : Руссо, 2003.

при работе с данным термином необходимо передать не форму слова, а его функцию и содержание, идентифицируя значение, верно подобрав эквивалент, учитывая жанр и производя прагматическую адаптацию оборота.

Вариант «Орудие управления» следует рассматривать как историографическую традицию (привычный штамп), основанную на буквализме, а не на точности перевода. Выбор между вариантами зависит от цели пользователя/говорящего: строгий научный перевод vs. историческое повествование, где важно сохранить «дух эпохи» через устоявшийся, хотя и неточный, термин.

Конституционный статус *Instrument of Government*: «первая конституция» или звено в цепи?

В юриспруденции (как, впрочем, и во многих других гуманитарных науках) одной из методологических проблем является понимание под одним и тем же термином совершенно разных правовых явлений. То же самое имеет место и в данной ситуации: прежде чем говорить о конституционной истории Англии, следует учесть, что сами английские, а также иные зарубежные авторы под «конституцией» Англии подразумевают:

1) систему управления государством, при которой власть монарха ставится в определенные юридические рамки с целью недопущения диктатуры¹³;

2) систему управления государством в целом на протяжении всего существования Англии с англосаксонского (постримского) периода¹⁴.

Таким образом, в отличие от России, где конституция понимается прежде всего как основной и фундаментальный источник права, в Англии на конституцию смотрят не с позиции формы права (закон), а с содержательной позиции: устройство государства в широком смысле либо устройство государства на строго определенных принципах. И лишь говоря о кромвелевском *The Government of the Commonwealth*, английские авторы, как отмечалось, квалифицируют его как «писаную конституцию», т.е. рассматривают с позиции формы права, а не структуры управления.

Возможно, именно благодаря отсутствию единого писаного закона, обладающего высшей юридической силой, английским юристам ничего не остается делать, как понимать под «конституцией» исключительно «устройство», «механизм» государственной власти, т.е. останавливаться на содержательной стороне проблемы. Именно так термин «конституция» использовался в научной и популярной литературе Англии в эпоху Средневековья и начале Нового времени¹⁵. Не случайно к понятию *constitution* английские юристы, как указывалось выше, нередко добавляли слова *making*, *rise*, *progress*. Понимание «конституции» как устройства государственной власти на первый взгляд является логичным и единственно верным решением, ведь закон существует ради содержания, а не ради формы, однако, с другой стороны, получается, что конституция есть... в любой стране, поскольку в каждом существующем государстве наличествует не только публичная власть, но и правовая основа, ее легализующая. Таким образом, понятие конституции

¹³ *Bagehot W.* The English constitution. London, 1927 ; *Creasy E.* The Rise and Progress of the English Constitution. London, 1907. P. 3–4 ; *William A.* The fundamental constitution of the English government. London, 1690.

¹⁴ *Gneist R.* The history of the English Constitution. London, 1891.

Интересно, что данный труд профессора Берлинского университета был переведен на английский язык с использованием таких оборотов, как *constitution of the counties*, *constitutional wars*, *constitutional struggle*, *constitutional government*, *parliamentary constitution*, *municipal constitution*, *constitution of parish* (P. 259, 267, 282–313, 458, 462, 472, 515). Из контекста ясно, что под конституцией подразумеваются совершенно разные явления, которые условно можно объединить понятиями «устройство», «политический строй».

См. также, например: *Fishe E.* The English Constitution. London, 1868 ; *The old English constitution*, in relation to the hereditary succession of the crown, antecedent to the revolution in 1688. London, 1714 ; *Thompson F.* Magna carta; its role in the making of the English Constitution, 1300–1629. New York, 1972 ; *White A. B.* The making of English Constitution. 449–1485. New York, 1908.

¹⁵ *Synodus Anglicana* or the constitution and proceedings of an English Convocation. London, 1672 ; *Of the Constitution*, right, order and government of the churches of Christ. London, 1696 ; *The Ancient legal course and fundamental constitution of the Palace-court or Marshalsea*. London, 1663 ; *The constitution of the office of land-credit*. 1696 ; *The constitution of Parliaments in England*. London, 1680.

как высшего закона, учреждающего и легализующего публичную власть, подменяется понятием конституции как устройства этой власти вообще, складывавшегося в разные эпохи под влиянием различных, иногда не связанных друг с другом факторов. Иными словами, «конституция» означает отсутствие «конституции». Данный подход не соответствует мировой доктрине и практике в понимании «конституции».

В связи с этим вторая крупная проблема в исследуемой в статье области связана с конституционной квалификацией документа *Instrument of Government*. В популярной и даже научной литературе закрепилось утверждение, что *Instrument of Government* является первой писаной конституцией Англии¹⁶ (а иногда и Европы¹⁷). Данный тезис требует критического осмысления.

С формально-юридической точки зрения в аргументацию «за» можно включить следующее:

1) рассматриваемый документ был писанным;

2) он устанавливал основные принципы организации верховной власти: пост пожизненного Лорда-Протектора, порядок формирования Парламента (из 400 членов от графств и городов), разграничение полномочий между Протектором, Государственным советом и Парламентом;

3) он провозглашал некоторые важные гарантии: регулярный созыв Парламента, невозможность его роспуска в течение первых пяти месяцев, невозможность изменения данного акта без согласия Протектора и Парламента;

4) он закреплял религиозный компромисс (государственную поддержку «библейского

христианства» при веротерпимости для различных протестантских течений, кроме крайних сект, и сохранении англиканской церковной организации).

Однако объявление указанного «первой (писаной) конституцией» вызывает серьезные возражения и неоднозначную реакцию, в том числе и у самих британских историков права¹⁸.

Во-первых, это вводит анахронизм. Современное понятие конституции как единого, обладающего высшей юридической силой акта, принятого от имени народа и жестко защищенного от изменений, сложилось позже, в эпоху Американской и Французской революций. В самой Англии, как сказано выше, под «конституцией» понималось иное. *Instrument of Government* был скорее планом устройства власти, легализующим режим военной диктатуры, принятым узкой группой офицеров. Его легитимность не была основана на широком народном или представительном согласии.

Во-вторых, и это не менее важно, такой подход разрывает непрерывность британской конституционной традиции. Для британского правосознания отправной точкой конституционной истории является *Magna Carta* (Великая хартия вольностей) 1215 г.¹⁹ Именно в ней заложены фундаментальные принципы верховенства права, гарантии прав свободных людей (пусть и в феодальной интерпретации) и ограничения произвола власти. Г. В. Адамс еще в 1912 г. по этому поводу писал, что современная английская конституция является логическим продолжением феодальной конституции²⁰. Считать «первой конституцией» акт 1653 г. — значит игнорировать предшествующие четыре с половиной века развития Парламента, общего

¹⁶ См., например: *Encyclopedia Britannica* // URL: <https://www.britannica.com/event/Instrument-of-Government-England-1653> (дата обращения: 24.01.2026).

¹⁷ Для сравнения: существует шведский *Instrument of Government* 1974 г. — один из четырех фундаментальных законов Швеции. Данный документ описывает, как должно осуществляться управление страной, какие демократические права имеют граждане и как должна распределяться общественная власть. См.: URL: <https://legislationline.org/sites/default/files/2024-06/The%20Instrument%20of%20Government%20of%20Sweden%20%281994%2C%20as%20amended%202022%29%20%28English%29.pdf> (дата обращения: 24.01.2026).

Кроме того, первый шведский *Instrument of Government* был принят в 1634 г. и описывал форму и работу шведского правительства.

¹⁸ См., например: *Bogdanor V. The New British Constitution*. Oxford : Hart Publishing, 2009 ; *Maitland F. W. Op. cit.* ; *Woolrych A. Britain in Revolution: 1625–1660*. Oxford : Oxford University Press, 2002.

¹⁹ *Adams G. B. The Origin of English Constitution*. London, 1912. P. VII–VIII.

²⁰ «This English national constitution... is a direct outgrowth of the earlier feudal constitution of the state; that it rests wholly upon foundations that were laid in the feudal age» («Эта национальная английская конституция... является прямым продолжением более ранней феодальной конституции государства; она

права и политической культуры ограничения монархии.

Таким образом, вновь возникает коллизия между понятиями конституции как источника права и как системы, структуры высшей государственной власти.

Однако, даже если смотреть на *Instrument of Government* не как на источник права, а как на этап в трансформации существующей модели высшей государственной власти, его роль в конституционной истории Англии можно оценивать двояко.

Позиция 1: *Instrument of Government* — исторический «разрыв».

Instrument of Government не возник на пустом месте — он впитал в себя идеи предыдущих революционных актов («Петиции о праве» 1628 г., актов Долгого парламента (1640–1653) о невозможности его самороспуска и др.), но при этом радикально порвал с традиционной монархическо-парламентской системой. Он был не началом, а экстраординарным эпизодом, попыткой закрепить республиканско-диктаторский строй. После Реставрации 1660 г. он был полностью отброшен и предан забвению как незаконный. Его прямого преемства в британском праве не существует.

Позиция 2: *Instrument of Government* — логичная часть британского конституционного развития.

Г. В. Адамс по этому поводу пишет, что переход во время пуританской революции (т.е. Английской революции 1640–1660 гг.) к республиканской форме правления стал логичным и был воспринят обществом как нечто объективное и

назревшее, предопределенное всем предыдущим этапом развития Англии²¹.

Однако вне зависимости от подхода называть *Instrument of Government* «первой конституцией» — значит привносить в историю современные категории и искусственно вырывать данный документ из контекста, придавая ему основополагающий, учредительный статус. Это же, как упоминалось, не соответствует английской юридической традиции, в том числе в понимании сущности английской конституции, в употреблении термина *constitution*.

Место *Instrument of Government*

в трехуровневой модели британской конституции

Для корректного понимания места *Instrument of Government* в истории британского государства необходимо отказаться от поиска «отдельных конституций» и обратиться к современной теории неcodифицированной (неписаной) британской конституции. Ведь «Конституция Великобритании — комбинированная. В Великобритании нет такого закона или совокупности законов, которые были бы официально объявлены основными законами страны. Юридическая конституция Великобритании включает самые разные источники, число которых невозможно установить точно: ни в законодательстве, ни в доктрине не выработано критериев, по которым тот или иной источник права следует относить к составным частям конституции»²².

Кроме того, как указал Верховный суд Великобритании в решении от 24.09.2019, «хотя

целиком опирается на основы, заложенные в феодальную эпоху» (*Adams G. B. Op. cit. P. 3* (перевод авторов статьи)).

²¹ «This fact the history of the seventeenth century shows clearly enough, for if one will study the constitutional innovations attempted or advocated during the period of Puritan rule, when the constitutional life of England abandoned for a moment all connexion with the monarchy, he will see how natural it seemed to the nation to turn to a surprising number of the political expedients which in our government seem departures from the English system. When Englishmen at home broke with their own institutional precedents, and began to make a republic, it was to things of this kind that their minds were naturally led, as if they had been trained to them» («Этот факт история XVII в. показывает достаточно ясно, ибо если кто-нибудь изучит конституционные нововведения, которые пытались внедрить или отстаивали в период правления пуритан, когда конституционная жизнь Англии на мгновение утратила всякую связь с монархией, он увидит, насколько естественным для нации казалось обращение к удивительному числу политических приемов, которые в нашем правительстве кажутся отклонениями от английской системы. Когда англичане у себя на родине порвали со своими собственными институциональными прецедентами и начали создавать республику, их умы естественным образом склонялись именно к такого рода вещам, как будто их этому учили») (*Adams G. B. Op. cit. P. IX* (перевод авторов статьи)).

²² Чиркин В. Е. Конституционное право зарубежных стран. М. : Норма, 2020.

Соединенное Королевство не имеет единого документа под названием “Конституция”, тем не менее оно обладает Конституцией, сформировавшейся в ходе истории как совокупность общего права, статутов, соглашений и практики. Поскольку она не является кодифицированной, развивалась прагматично и оставалась достаточно гибкой, чтобы быть способной к дальнейшему развитию. Тем не менее она включает набор правовых принципов, обретающих юридическую силу при их применении судами, точно так же, как и другие правовые принципы. Наполняя их действием, суды возлагают на себя ответственность за поддержание ценностей и принципов нашей конституции и придания им эффективности»²³.

Ее можно представить как совокупность источников разной юридической силы и природы, образующих три основных уровня.

Уровень 1: основные конституционные статуты (законы) XIII–XXI вв.

Это акты Парламента, имеющие основополагающее значение для государственного устройства. Хронологический ряд начинается с Великой хартии вольностей (Magna Carta, 1215), включает Билль о правах (Bill of Rights, 1689), Акт о престолонаследии (Act of Settlement, 1701), акты о Парламенте 1911 и 1949 гг., Акт о Палате лордов 1999 г., Акт о конституционной реформе 2005 г. и многие другие. Instrument of Government мог бы претендовать на место в этом ряду, но он в него не входит по причине своей последующей нелегитимности и отмены. Он остается важным историческим памятником, но не действующим источником британского конституционного права. Его значение — историко-политическое, а не юридико-прецедентное.

Уровень 2: общее право (common law)

Это нормы, сформированные решениями судов, особенно высших. Сюда относятся ключевые доктрины, такие как верховенство Парламента, принципы правового регулирования и защита личных прав (например, принцип habeas corpus). Instrument of Government не внес вклад в указанный пласт, так как суды общего права периода протектората действовали в тени военного режима.

Уровень 3: конституционные соглашения (conventions of the constitution)

Неписаные правила политической практики, определяющие, как должны действовать институты (например, назначение премьер-министром лидера победившей партии, королевское согласие на законопроект, прошедший через Парламент). Режим протектората, установленный рассматриваемым актом, пытался заменить собой эти традиционные соглашения жесткими письменными нормами, что лишь подчеркивает его нетипичность для британской системы.

Таким образом, Instrument of Government — это «выпавшее звено». Он представляет собой интереснейшую альтернативную модель, тупиковую ветвь британского конституционного развития. Его изучение ценно для понимания границ и возможностей трансформации британской системы, но он не является ее «первым» или «основным» элементом. Данный документ — свидетельство кризиса и попытка его революционного разрешения, не увенчавшаяся успехом и не включенная в последующий национальный конституционный канон.

Сравнительный анализ конституционных моделей США и Великобритании

Именно сравнением с Конституцией США подкрепляется возражение против нумерации «отдельных конституций» в Британии. Часто стабильность американской Конституции 1787 г. объясняют ее совершенством. Однако более реалистичное объяснение лежит в политико-правовой механике ее изменения.

Какие системные факторы (исторические, политические, доктринальные) обусловили формирование жесткой, трудноизменяемой Конституции в США, в то время как британская конституционная система сохранила характер гибкой, постоянно эволюционирующей структуры? Сравнительный анализ конституционных моделей США и Великобритании выявляет фундаментальное различие: ригидность американской Конституции, основанной на принципе верховенства писаного права, противостоит гибкости и эволюционному характеру британской конституционной системы, формируемой статутами, судебными прецедентами и конституционными соглашениями.

²³ Цит. по: Конституционное (государственное) право зарубежных стран / А. М. Осавелюк [и др.]. М. : Норма, 2023. С. 285–286.

В рамках сравнительного правоведения ключевым различием конституционных систем США и Великобритании является контраст между жесткой, супермажоритарной процедурой поправок в США и некодифицированной, эволюционной природой британской конституции, изменяемой обычным законодательным актом.

Конституция США кодифицирована. Для ее изменения (принятия поправки) требуется не просто решение федерального законодателя, а квалифицированное большинство: 2/3 голосов в обеих палатах Конгресса и последующая ратификация 3/4 штатов (ст. V). Это создает крайне высокий барьер. Штаты, чьи интересы могут быть затронуты соответствующей поправкой, способны заблокировать ее. Страх перед таким расколом, перед потенциальным конфликтом, который может «рассыпать» хрупкий федеративный союз, является мощным сдерживающим фактором. Конституция не меняется не из-за гениальности, а из-за политического компромисса и высоких рисков дезинтеграции при ее пересмотре.

Британская конституция, напротив, гибкая, некодифицированная. Ее основной источник — акты Парламента. Для изменения любого ее элемента, включая фундаментальные принципы, достаточно простого большинства в Палате общин и Палате лордов (с учетом ограничений Закона о Парламенте 1911 г.) и королевской санкции. Парламент юридически суверенен и не связан предыдущими конституционными актами. Это позволяет системе эволюционировать, адаптироваться к новым вызовам без угрозы институционального кризиса. Не существует штатов, которые могли бы наложить вето. Поэтому британская конституция — это не «монумент», а живой, непрерывный законодательный процесс.

Instrument of Government был попыткой создать на британской почве нечто подобное жесткому, кодифицированному акту, не подлежащему изменению по воле одного лишь Парламента. Но данная попытка провалилась, подтвердив силу традиционного английского пути — эволюционного развития через парламентское законодательство и прецедент.

Заключение

Устоявшийся перевод «Орудие управления» является семантически ошибочным и не отражает юридической природы соответствующего документа. Для научной точности следует использовать термины «Правительственный акт 1653 г.» или «Учредительный акт об управлении государством 1653 г.» с сохранением оригинального названия в скобках.

Попытки считать *Instrument of Government* первой писаной конституцией Англии являются историческим анахронизмом и нарушают принцип преемственности британской конституционной традиции, по некоторым оценкам, берущей свое начало с *Magna Carta*. *Instrument of Government* же был экстраординарным актом, легитимировавшим военно-диктаторский режим протектората, и был отвергнут после Реставрации.

Адекватное понимание места *Instrument of Government* возможно только в рамках модели некодифицированной, кумулятивной британской конституции, состоящей из трех основных уровней: статутов, общего права и конституционных соглашений. Данный документ является важным историческим памятником, «выпавшим звеном», но не действующим источником британского конституционного права. Он представляет собой тупиковую ветвь развития, попытку введения жесткой кодификации, чуждой гибкой, эволюционной природе британской системы.

Представляется, что устойчивость Конституции США обусловлена не ее исключительностью, а высокими барьерами для внесения поправок, связанными с риском конфликта между штатами и дезинтеграции союза. Британская система, основанная на парламентском суверенитете, избегает этой проблемы, обеспечивая конституционное развитие через обычное законодательство.

Таким образом, *Instrument of Government 1653 г.* должен изучаться как сложный и противоречивый памятник революционной эпохи, опыт конституционного инжиниринга в условиях кризиса традиционной государственности. Но его интерпретация требует терминологической четкости и отказа от упрощенных, модернизирующих оценок, позволяющих вписать его в широкий контекст многовекового и непрерывного развития британской конституционной идеи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алешко-Ожевская С. С., Терновская И. Л. Особенности перевода названий нормативных правовых актов с английского языка на русский язык // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2023. Т. 21. № 4. С. 143–155. DOI: 10/25205.1818-7935-2023-21-4-143-155.

Английская буржуазная революция XVII века. Т. 2 / Е. А. Косминский, Я. А. Левитский. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1954. 377 с.

Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика» / под ред. В. В. Акуленко. М. : Советская энциклопедия, 1969. 384 с.

Исаев И. А. «Мятеж не может кончиться удачей» (легальные основания революционного мифа). Часть 1 // Lex russica (Русский закон). 2018. № 2. С. 9–29. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.135.2.009-029.

Кондратьев С. В. Английская революция XVII века. М. : Academia, 2010. 192 с.

Конституционное (государственное) право зарубежных стран / А. М. Осавелюк [и др.]. М. : Норма, 2023. 432 с.

Косихина С. С. Конституция протектората «Орудие управления» как модель специфически армейской конституции // Евразийский союз ученых. 2015. № 3–8 (12). С. 21–22.

Краснов К. В. Англо-русский словарь «ложных друзей переводчика». М. : Издательское содружество А. Богатых и Э. Ракитской, 2004. 80 с.

Лукашевич Д. А. Предмет науки истории государства и права // Lex russica (Русский закон). 2025. Т. 78. № 7 (224). С. 109–130. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.224.7.109-130.

Мартыненко И. А., Карандашева Н. Н. Особенности ассимиляции термина anti-suit injunction в русско-язычном юридическом дискурсе: лингвоправовой анализ // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 10 (134). С. 56–66. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.134.10.056-066.

Тимонин А. Н. Англосаксонская модель государства: к дискуссии об идейно-теоретических основах // Lex russica (Русский закон). 2015. № 9. С. 87–99.

Томсинов В. А. Всеобщая история государства и права. Т. 2 : Новое время. Новейшее время. М. : Зерцало-М, 2011. 640 с.

Чиркин В. Е. Конституционное право зарубежных стран. М. : Норма, 2020. 528 с.

Adams G. B. The Origin of English Constitution. London, 1912. 394 p.

Bagehot W. The English constitution. London, 1927. 341 p.

Bogdanor V. The New British Constitution. Oxford : Hart Publishing, 2009. 334 p.

Creasy E. The Rise and Progress of the English Constitution. London, 1907. 343 p.

English-Russian law dictionary = Англо-русский юридический словарь / С. Н. Андрианов [и др.]. М. : Руссо, 2003. 509 с.

Fishel E. The English Constitution. London, 1868. 605 p.

Gneist R. The history of the English Constitution. London, 1891.

Maitland F. W. The Constitutional History of England. Cambridge : Cambridge University Press, 1908. 547 p.

The Constitutional Documents of the Puritan Revolution 1625–1660 / S. R. Gardiner (ed.). Oxford : Clarendon Press, 1906. 476 p.

The old English constitution, in relation to the hereditary succession of the crown, antecedent to the revolution in 1688. London, 1714. 25 p.

Thompson F. Magna carta; its role in the making of the English Constitution, 1300–1629. New York, 1972. 432 p.

White A. B. The making of English Constitution. 449–1485. New York, 1908. 514 p.

Woolrych A. Britain in Revolution: 1625–1660. Oxford : Oxford University Press, 2002. 860 p.

REFERENCES

Adams GB. The Origin of English Constitution. London; 1912.

Akulenko VV, (ed.). English-Russian and Russian-English dictionary of «false friends of the translator». Moscow: Soviet Encyclopedia; 1969. (In Russ.).

Alyoshko-Ozhevskaya SS, Ternovskaya IL. Features of the translation of the names of normative legal acts from English into Russian. *Vestnik NSU. Seriya «Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya»*. 2023;21(4):143-155. (In Russ.). DOI: 10/25205.1818-7935-2023-21-4-143-155. (In Russ.).

Andrianov AN et al. English-Russian law dictionary = English-Russian legal dictionary. Moscow: Russo Publ.; 2003. (In Russ.).

Bagehot W. The English constitution. London; 1927.

Bogdanor V. The New British Constitution. Oxford: Hart Publishing; 2009.

Chirkin VE. Constitutional Law of Foreign Countries. Moscow: Norma Publ.; 2020. (In Russ.).

Creasy E. The Rise and Progress of the English Constitution. 1907.

Fishel E. The English constitution. London; 1868.

Gardiner SR, (ed.). The Constitutional Documents of the Puritan Revolution 1625–1660. Oxford: Clarendon Press; 1906.

Gneist R. The history of the English Constitution. London; 1891.

Isaev IA. «A rebellion cannot end in good fortune» (legal foundations of a revolutionary myth). Part 1. *Lex russica*. 2018;2:9-29. (In Russ.).

Kondratev SV. The English Revolution of the 17th century. Moscow: Akademia Publ.; 2010. (In Russ.).

Kosikhina SS. The Protectorate Constitution is a «Tool of government» as a model of a specifically army constitution. *Evrasiyskiy soyuz uchenyh*. 2015;3-8(12):21-22. (In Russ.).

Kosminsky EA, Levitskiy YaA. The English bourgeois Revolution of the 17th century. Vol. 2. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1954. (In Russ.).

Krasnov KV. English-Russian dictionary of the «translator's false friends». Moscow: Publishing Community of A. Bogatykh and E. Rakitsky; 2004. (In Russ.).

Lukashevich DA. The subject matter of the history of state and law science. *Lex russica*. 2025;78(7):109-130. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.224.7.109-130. (In Russ.).

Maitland FW. The Constitutional History of England. Cambridge: Cambridge University Press; 1908.

Martynenko IA, Karandasheva NN. Assimilation of the Term Anti-Suit Injunction in Russian-Language Legal Discourse: Linguistic and Legal Analysis. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGUA)*. 2025;10(134):56-66. (In Russ.). DOI: 10.17803/2311-5998.2025.134.10.056-066. (In Russ.).

Osavelyuk AM et al. Constitutional (State) law of foreign countries. Moscow: Norma Publ.; 2023. (In Russ.).

The old English constitution, in relation to the hereditary succession of the crown, antecedent to the revolution in 1688. London; 1714.

Thompson F. Magna carta; its role in the making of the English Constitution, 1300–1629. New York; 1972.

Timonin AN. The Anglo-Saxon model of the state: Towards a discussion on the ideological and theoretical foundations. *Lex russica*. 2015;9:87-99. (In Russ.).

Tomsinov VA. History of State and Law Vol. 2: New time. Modern times. Moscow: Zertsalo-M Publ.; 2011. (In Russ.).

White AB. The making of English Constitution. 449–1485. 1908.

Woolrych A. Britain in Revolution: 1625–1660. Oxford: Oxford University Press; 2007.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лукашевич Дмитрий Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
dalukashevich@msal.ru

Мартыненко Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
irineta@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dmitry A. Lukashevich, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of History of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
dalukashevich@msal.ru

Irina A. Martynenko, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor, Department of the English Language, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
irineta@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 19 февраля 2025 г.

Статья получена после рецензирования 6 марта 2026 г.

Принята к печати 15 августа 2026 г.

Received 19.02.2025.

Revised 06.03.2026.

Accepted 15.08.2026.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г.;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

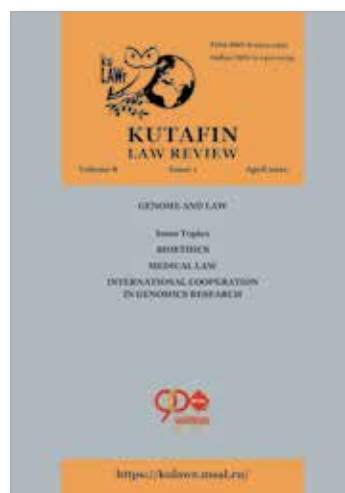
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит два раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков, а также студентов и аспирантов. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex Russica – 11198,

«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

ISSN 1729-5920

9 771729 592008